

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN

П

П А Р А Д И Г М Ы У П Р А В Л Е Н И Я, Э К О Н О М И К И И П Р А В А

№2(2)
2020
30.12.2020

ВОЛГОГРАДСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ

№2(2) 2020

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ
30 декабря 2020 года

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВОЛГОГРАДСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ**

Электронное периодическое издание

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ЭЛ № ФС 77-78424 от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала
ISSN

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Главный редактор
Бардаков А. И.

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,
ул. им. Гагарина, д. 8
Тел.: (8442) 72-68-46;
e-mail: journal_nauka@vlgr.ranepa.ru
<http://vlgr.ranepa.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2020

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – д-р полит. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – канд. экон. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление)

Чумакова Екатерина Александровна – канд. экон. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика)

Чикильдина Анна Юрьевна – канд. юрид. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право)

Редакционный совет журнала:

Абдрашитов Вагип Мнирович – д-р юрид. наук, профессор, Волгоградский государственный университет (ВолГУ)

Братановский Сергей Николаевич – д-р юрид. наук, профессор, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (г. Москва)

Елисеев Вячеслав Сергеевич – д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кабанов Вадим Николаевич – д-р экон. наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ)

Кублин Игорь Михайлович – д-р экон. наук, профессор, Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина

Ларионов Аркадий Николаевич – д-р экон. наук, профессор, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)

Панкратов Сергей Анатольевич – д-р полит. наук, профессор, Волгоградский государственный университет (ВолГУ)

Попкова Елена Геннадьевна – д-р экон. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)

Поцелуев Сергей Петрович – д-р полит. наук, доцент, Южный федеральный университет (ЮФУ), г. Ростов-на-Дону

Сафаров Бахтовар Амиралаевич – д-р юрид. наук, профессор, полномочный представитель Республики Таджикистан в Российской Федерации (Республика Таджикистан)

Устюкова Валентина Владимировна – д-р юрид. наук, профессор, Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), г. Москва

Христова Венета – доц., д-р, Великотырновский университет «Святых Кирилла и Мефодия» (ВТУ «Св. Св. Кирилла и Мефодия»), Болгария

Чукин Сергей Георгиевич – д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации (СПВИ войск национальной гвардии)

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – д-р филос. наук, профессор, Дагестанский государственный университет (ДГУ), г. Махачкала

Редакционная коллегия журнала:

- Алексеева Анна Павловна** – д-р юрид. наук, доцент, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации (Волгоградская академия МВД России)
- Алмосов Александр Павлович** – канд. экон. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Анисимов Алексей Павлович** – д-р юрид. наук, профессор, Институт права Волгоградского государственного университета
- Аширбекова Мадина Таукеновна** – д-р юрид. наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Болтанова Елена Сергеевна** – д-р юрид. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ)
- Борисова Анна Сергеевна** – канд. экон. наук, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Брехова Юлия Викторовна** – канд. экон. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Булетова Наталья Евгеньевна** – д-р экон. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Восканян Саркис Суренович** – д-р полит. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Гуляева Евгения Вячеславовна** – канд. филол. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Данакари Ричард Арами** – д-р филос. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Дроздова Юлия Алексеевна** – канд. социол. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Егоров Андрей Валерьевич** – канд. юрид. наук, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Епифанов Александр Егорович** – д-р юрид. наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Иванова Татьяна Борисовна** – д-р экон. наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Камышанский Владимир Павлович** – д-р юрид. наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (Кубанский ГАУ)
- Кузванова Ангелина Леонидовна** – д-р социол. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Макарова Тамара Ивановна** – д-р юрид. наук, профессор, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск
- Максимова Ирина Васильевна** – д-р экон. наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Мальшева Елена Николаевна** – канд. экон. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Малявина Светлана Сергеевна** – канд. психол. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Морозов Илья Леонидович** – д-р полит. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Рыженков Анатолий Яковлевич** – д-р юрид. наук, профессор, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста
- Семикина Юлия Геннадьевна** – канд. филол. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
- Тюменцев Игорь Олегович** – д-р ист. наук, профессор, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

№2(2) 2020

RELEASE DATE:
December 30, 2020

RANEPA
THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION

**VOLGOGRAD
INSTITUTE
OF MANAGEMENT**

Electronic periodical

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

The media outlet is registered
Federal service for supervision
of communications, information
technologies and mass
communications.

Registration number:
EL series no. FS 77-78424
from June 15, 2020

International index
of the journal
ISSN

FOUNDER:

Federal State Budgetary Institution
Educational Institution of Higher Education
«Russian Academy of National Economy
and Public Administration
Under the President of the Russian Federation»

Editor-in-Chief

Bardakov A. I.

Editorial office address:

400066, Volgograd region, Volgograd, Gagarin str., 8
Tel.: (8442) 72-68-46;
e-mail: journal_nauka@vlgr.ranepa.ru
<http://vlgr.ranepa.ru/>

Publishing house: Publishing and printing center
of the Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, 2020

Editor-in-Chief

- Alexey I. Bardakov** – Dr. Polit. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa

Alternates:

- Alexey A. Sokolov** – PhD. Econ. Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Academy of Sciences (Management)
- Ekaterina A. Chumakova** – Cand. Econ. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics)
- Anna Yu. Cicildina** – Cand. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Law)

Editorial Board of the Journal:

- Agip M. Abdrashitov** – Dr. Jurid. Sciences, Professor, Volgograd state University (VolGU)
- Bratanovsky Sergey N.** – Dr. of Law, Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)
- Vyacheslav S. Eliseev** – Dr. of Law, Professor, Kutafin Moscow State University of Law (MSLA)
- Vadim N. Kabanov** – Dr. of Econ. Professor, Volgograd State Technical University (Volgstu)
- Igor M. Kublin** – Dr. Ekon. Professor, Social and Economic Institute of Saratov state technical University Gagarina Yu. A.
- Arkady N. Larionov** – Dr. of Econ. Professor, National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU)
- Sergey A. Pankratov** – Dr. Polit. Professor, Volgograd State University (Volga State University)
- Elena G. Popkova** – Dr. Econ. Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO MFA of Russia)
- Sergey P. Potseluev** – Dr. Polit. Associate Professor, Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don
- Bakhtovar A. Safarov** – Dr. of Law, Professor, Plenipotentiary Representative of the Republic of Tajikistan in the Russian Federation (Republic of Tajikistan)
- Valentina V. Ustyukova** – Dr. of Law, Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS), Moscow
- Veneta Hristova** – Assoc., Dr., Veliko Tarnovo University «St. Cyril and Methodius» (VTU «St. Cyril and Methodius»), Bulgaria
- Sergey G. Chukin** – Dr. of Philos. Sciences, Professor, Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation (SPVI of the National Guard Troops)
- Mukhtar Y. Yahyaev** – Dr. of Philos. Sciences, Professor, Dagestan State University (DSU), Makhachkala

Editorial Board of the Journal:

- Anna P. Alekseeva** – Dr. of Law, Associate Professor, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
- Alexander P. Almosov** – Cand. Econ. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Aleksei P. Anisimov** – Dr. of Law, Professor, Department of Civil and International Private Law, Institute of Law, Volgograd State University
- Ashirbekova Madina T.** – Dr. Jurid. Sciences, Professor, Volgograd Institute of Management the branch of Ranepa
- Elena S. Boltanova** – Dr. Jurid. Sciences, Professor, National Research Tomsk State University (NR TSU)
- Anna S. Borisova** – PhD. Econ. Sciences, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Yulia V. Brekhova** – Cand. Econ. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Natalia E. Buletova** – Dr. Econ. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Sarkis S. Voskanyan** – Dr. Polit. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Evgeniya V. Gulyaeva** – Cand. of Philol., Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Richard A. Danakari** – Dr. of Philos. Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Yulia A. Drozdova** – PhD. Social Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Andrey V. Yegorov** – Cand. PhD., Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Alexander Ye. Epifanov** – Dr. of Law, Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Tatyana B. Ivanova** – Dr. Econ. Sciences, Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Vladimir P. Kamyshansky** – Dr. of Law, Professor, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Kuban State Agrarian UNIVERSITY)
- Angelina L. Kuzevanova** – Dr. of Social Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Tamara I. Makarova** – Dr. of Law, Professor, Belarusian State University, Republic of Belarus, Minsk
- Irina V. Maksimova** – Dr. of Economics. Sciences, Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Elena N. Malysheva** – Cand. Econ. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Svetlana S. Malyavina** – Cand. Psychology, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Ilya L. Morozov** – Dr. Polit. Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Anatoly Y. Ryzhenkov** – Dr. of Law, Professor, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista
- Yulia G. Semikina** – Cand. of Philol. Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Nikolay S. Subochev** – Dr. of Social Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa
- Igor O. Tyumentsev** – Dr. of Historical Sciences, Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕPOLITICAL
MANAGEMENT

Бардаков А. И., Кривошеева Н. И.
Демократический потенциал
социальных медиа..... 11

Bardakov A. I., Krivosheeva N. I.
Democratic potential of social
media..... 11

Михнева С. В.
Совершенствование системы местного са-
моуправления в Российской Федерации:
нормативно-правовой аспект..... 18

Mikhneva S. V.
Improving the system of local self-govern-
ment in the Russian Federation:
regulatory aspect..... 18

КАДРОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

HR MANAGEMENT

Савченко М. С., Гримашевич О. Н.
Проблемы управления персоналом
на предприятиях в условиях
удаленной работы..... 26

Savchenko M. S., Grimashevich O. N.
Human resource management problems
at the enterprises in the conditions
of distant work..... 26

Соколов А. А., Вершинина П. И.
Развитие персонала в современных
условиях деятельности коммерческой
организации..... 32

Sokolov A. A., Vershinina P. I.
Personnel development in the current conditions
of the commercial
organization..... 32

УПРАВЛЕНИЕ
В КОММЕРЧЕСКОМ СЕКТОРЕCOMMERCIAL
SECTOR MANAGEMENT

Бреус А. В., Кублин И. М.
Влияние маркетинговых коммуникаций на
конкурентоспособность компании..... 43

Breus A. V., Kublin I. M.
Impact of marketing communications on the
company's competitiveness..... 43

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯPHILOSOPHY OF POWER
AND MANAGEMENT

Балабай С. В., Манаев А. А.
Бренд и целевая аудитория: трудности
диалога и возможности коммуникации..... 51

Balabay S. V., Manaev A. A.
Brand and target audience: difficulties of dialogue
and communication opportunities..... 51

Ляшов В. В.
От «сигнифики» Виктории Уэлби
до критического мышления..... 57

Lyashov V. V.
Fromm Victoria Welby's «Significs» to critical
thinking..... 57

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Ермолаева Ю. В.
Климатические условия и особенности ре-
агирования государственных институтов
и гражданских организаций на ЧС
в России..... 68

Ermolaeva Y. V.
Climatic conditions and the characteristics of the
response of state institutions and non-state
services to emergency situations
in Russia..... 68

ЭКОНОМИКА**ECONOMICS****БАНКОВСКИЙ СЕКТОР****BANKING SECTOR**

Ибрагимов А. К., Жураев А. А.
Аудит проблемы эффективности управления рисками в коммерческих банках..... 82

Ibragimov A. K., Juraev A. A.
Audit the problems of the risk management efficiency in commercial banks..... 82

Брехова Ю. В., Потомова С. А.
Спасение экономики дело рук ипотеки?.... 90

Brekhova J. V., Potomova S. A.
Saving the economy at the hands of mortgages?..... 90

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА**SECTORAL ECONOMICS**

Горбунова Е. Г.
Антикризисные меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса..... 98

Gorbunova E. G.
Anti-crisis measures of state support for small and medium-sized businesses..... 98

Кравченко Н. А.
Особенности управления кластеризацией туристской сферы..... 103

Kravchenko N. A.
Features of managing clustering of the tourist sphere..... 103

Темирханова М. Ж.
Методика анализа туристской продукции на основе модели «расходы-продукт-прибыль»..... 111

Temirkhanova M. J.
Analysis technique for tourist products based on the «expenses-product-profit» model..... 111

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**ECONOMIC-STATISTICAL RESEARCH**

Леденёва М. В., Шамрай-Курбатова Л. В.
Построение рейтинга стран Африки по темпам и факторам экономического роста.. 117

Ledeneva M. V., Shamray-Kurbatova L. V.
Rankings of sub-saharan African countries by economic growth rates and factors..... 117

Чеботарева А. А., Киреева Н. А.
Российский продовольственный ритейл: угрозы и возможности развития..... 127

Chebotareva A. A., Kireeva N. A.
Russian food retail: threats and development opportunities..... 127

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ**FINANCIAL INSTRUMENT**

Найденков В. И. Хуваева А. Ш.
Финансовая устойчивость предприятия в условиях цифровой трансформации экономики..... 133

Naidenkov V. I., Khuvaeva A. S.
Financial stability of the enterprise in the conditions of digital transformation of the economy..... 133

Мордвинцев А. И., Дубов Р. С.
К вопросу развития системы стратегического планирования на муниципальном уровне..... 141

Mordvintsev A. I., Dubov R. S.
On the question of development of the strategic planning system at the municipal level of management..... 141

ПРАВО**LAW****ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА****THEORY OF STATE AND LAW**

Епифанов А. Е.
К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе..... 153

Epifanov A. E.
To the question of bridging gaps and conflicts of existing legislation in the law enforcement process..... 153

ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Дерюгина Т. В., Пономарченко А. Е.**
Блокчейн, смарт-контракты и управление незарегистрированными правами интеллектуальной собственности..... 163
- Кдлян Е. Л., Магдесян Г. А.**
Способы защиты интересов участников договора долевого строительства..... 170
- Иловайский И. Б., Гусейнов Т. А.**
Выбор применимого права при заключении договоров в киберпространстве: за и против..... 173

PRIVATE LAW

- Deryugina T. V., Ponomarchenko A. E.**
Blockchain, smart contracts and management of unregistered intellectual property rights..... 163
- Kdlyan E. L., Magdesyan G. A.**
Ways of protection of interests of participants of the contract of shared construction..... 170
- Povaysky I. B. Huseynov T. A.,**
Choice of applicable Law when concluding contracts in cyberspace: pros and cons..... 173

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- Рыженков А. Я.**
Развитие аграрного законодательства Китая: тенденции и перспективы..... 180
- Агеева А. В., Торопова К. Ю.**
Проблемы правового обеспечения реализации электронных обращений граждан в аспекте цифровой трансформации государственного управления России..... 189
- Регушевский Э. Е., Трошина Д. А.**
Отечественное и международное право в цифровом обществе: источники и формы..... 197
- Миронова С. М., Куркин И. В.**
Современное правовое регулирование публичных неналоговых платежей в Российской Федерации..... 203
- Чикильдина А. Ю.**
Правовые аспекты сохранения уникальных водных объектов в Российской Федерации..... 211

PUBLIC LAW

- Ryzhenkov A. J.**
Development of China's agricultural legislation: trends and prospects..... 180
- Ageeva A. V., Toropova K. Y.**
Problems of legal support of the implementation of electronic applications of the citizens in the aspect of digital transformation of public administration in Russia..... 189
- Regushevskiy E. E., Troshina D. A.**
Domestic and international Law in a digital society: sources and forms..... 197
- Mironova S. M., Kurkin I. V.**
Modern legal regulation of public non-tax payments in the Russian Federation..... 203
- Chikildina A. Y.**
Legal aspects of the protection of unique water bodies in the Russian Federation..... 211

УПРАВЛЕНИЕ
MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 32.019.51
ББК 66.02

А. И. Бардаков, Н. И. Кривошеева

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Бардаков Алексей Иванович – доктор политических наук, доцент, редактор издательско-полиграфического центра, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС; e-mail: bardakov@mail.ru

Кривошеева Наталия Игоревна – аспирант кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС;
e-mail: nataliya.krivosheeva_1994@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы информации и коммуникации в социальных медиа. Предполагается, что возможность диалоговой стратегии коммуникации в социальных медиа содержит потенциал развития демократии и публичной сферы. Предлагается теоретически осмыслить двойственную роль социальных медиа как инструмента демократического расширения прав и возможностей и как инструмента властного контроля и коммерции.

Ключевые слова: социальные медиа, Интернет, демократия, дискуссия, публичная сфера, власть, управление, информация, коммуникация, контент.

A. I. Bardakov, N. I. Krivosheeva

DEMOCRATIC POTENTIAL OF SOCIAL MEDIA

Aleksey I. Bardakov – Doctor of political sciences, editor of the publishing and printing center, Associate Professor of the Department of Public Administration and Management of the Volgograd Institute of Management – a branch of the RANEPА; e-mail: bardakov@mail.ru

Nataliya I. Krivosheeva – graduate student of the Department of Public Administration and Management of the Volgograd Institute of Management – a branch of the RANEPА;
e-mail: nataliya.krivosheeva_1994@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problems of information and communication in social media. It is assumed that the possibility of a dialog strategy of communication in social media contains the potential for the development of democracy and the public sphere. It is proposed to theoretically understand the dual role of social media as a tool for democratic empowerment and as a tool for power control and commerce.

Keywords: social media, Internet, democracy, discussion, public sphere, power, management, information, communication, content.

Социальные медиа – это относительно самостоятельные средства массовой коммуникации. Они могут выступать полноправным актором политических процессов. Основными отличиями социальных медиа от иных средств массовых коммуникаций являются возможность создавать пользовательский контент, или «контент, который генерируют пользователи» (user-generated content), а также зависимость от веб-технологий, с помощью которых контент продюсируется, публикуется, редактируется, обсуждается и распространяется широким кругом пользователей. Социальные медиа представлены в самых разнообразных формах: онлайн-социальные сети (Facebook, российский аналог vkontakte.ru и др.), блоги (LiveJournal), микроблогинг (Twitter), видеохостинги (YouTube), вики (Wikipedia), бизнес-сети (linkedin.com), фотохостинги, форумы, социальные закладки, музыкальные библиотеки, сайты пользовательских обзоров и отзывов (afisha.ru), социальные игры, виртуальная реальность и многие другие. «В широком смысле социальные медиа, – утверждает английский социолог Д. Мёрти, – означают множество относительно недорогих и широко доступных электронных инструментов, позволяющих любому человеку публиковать и получать информацию, сотрудничать и выстраивать отношения с другими людьми» [10, с. 7–8]. Д. Торнли предлагает следующее определение: «Социальные медиа – это онлайн-коммуникация, в которой индивидуум плавно и гибко меняет свою роль, выступая то в качестве аудитории, то в качестве автора» [12].

Соглашаясь в целом с мнением выше обозначенных авторов, хотим заметить, что более корректно характеризовать социальные медиа как совокупность веб-ресурсов, позволяющим пользователям коммуницировать друг с другом, производить и распространять контент.

Демократические формы правления обычно определяют как систему, в которой власть принадлежит народу и осуществляется им прямо или косвенно через институты представительства, периодически избираемые на свободных выборах. В настоящее время большинство демократий во всем мире являются представительными, поскольку люди выбирают своих представителей, чтобы те выражали их интересы, будучи обладателями властных полномочий. Надо заметить, что о прямом и косвенном владении властью народом существуют и прямо противоположные точки зрения. «Признание народной воли верховным началом общественной жизни, – утверждает Н. А. Бердяев, – может быть лишь поклонением формальному, бессодержательному началу ... В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности» [1, с. 173]. Анализируя утверждения Н. А. Бердяева, можно сослаться на временные или исторические рамки этих утверждений, полагая что сейчас новые политические реалии и другие обстоятельства формирования институтов представителей. Среди исследователей XXI века тоже немало подобных точек зрения. Д. Ван Рейбрук, раскрывая историю становления представительной власти во Франции, отмечает, что дворян и монарха сменила буржуазия, которая получила власть «... не по воле Бога, не по праву земли или рождения, а вследствие другого аристократического пережитка – выборов» [2, с. 50]. Автор в своей работе последовательно проводит мысль об исчерпанности выборов в современных социально-политических практиках. Признавая ценность такой постановки вопроса, можно заметить, что его предложения о жеребьевке не являются убедительными. Видимо, основная его исследователь-

ская ошибка коренится в абсолютизации социальности как формы существования социального индивида, а ведь современный человек есть «продукт» социально-культурных взаимосвязей.

Вот и интернет, с одной стороны, значим для решения общественных проблем, а, с другой стороны, важный инструмент индивидуального общения, что сопряжено с формами бытия культуры. Интернет бросает своеобразный вызов, предлагая мощные средства для непосредственного участия граждан в общественной жизни и политике. В этой связи принципиально важной становится возможность социальных медиа реализовывать диалоговую стратегию коммуникации, когда существует множество источников и множество приёмников информации. Традиционные медиа в основном используют монологическую стратегию, когда один источник информации и много приёмников.

Ключевой вопрос, который мы рассмотрим в данной статье, заключается в том, вносят ли социальные медиа вклад в развитие демократии, расширение публичной сферы и дискуссий или же социальные медиа являются прежде всего инструментами власти и коммерции. Чтобы ответить на вопрос, охарактеризуем различные проблемы, связанные с информацией и коммуникацией в социальных медиа и в интернете в целом.

Во-первых, возможность открытого участия в интернете и социальных сетях может привести к хаосу, в котором могут отсутствовать типовые правила поведения, что не позволит вести структурированный диалог. В отличие от стратегической иерархической модели управления с тщательным и точным распределением задач социальные медиа создают свободные сети и в большинстве случаев не имеют лидеров сети. Поскольку сети, как правило, не имеют централизованной структуры руководства и четких линий власти, они не могут достичь консенсуса и не могут устанавливать стратегические цели. К тому же, актуальной проблемой является то, что социальные медиа имеют тенденцию отвлекать людей от важных политических вопросов. Известный политолог и журналист Е. Морозов считает, что мало кто использует интернет и социальные сети для политической активности, в то время как огромное количество людей просматривают там порнографию, играют в игры, смотрят фильмы или делятся фотографиями [8, с. 27]. Эти тривиальные способы использования интернета и социальных сетей хорошо известны на Западе, и в настоящее время они распространяются в авторитарных режимах. Кроме того, Е. Морозов отмечает опасность того, что сам объем информации, доступной через социальные сети, в сочетании с её возросшей общей доступностью через Интернет и круглосуточными циклами новостей создаёт более короткие промежутки внимания, в которых важные новости быстро вытесняются новыми событиями в других местах [8, с. 76]. Социальные медиа могут создавать быстрые и «громкие» обсуждения. Однако они могут быть поверхностными, короткими и легко вытесняемыми более новой информацией.

Во-вторых, существует проблема недостоверной информации в Интернете. Она связана с тем, что значительная часть контента Интернета ненадежна. Как широко распространенный источник информации Интернет должен предоставлять достоверную и актуальную информацию, но пользовательский контент и блоги, в частности, часто определяются как ненадежные источники, содержащие личные и односторонние мнения. Справедливо сказать, что здравый смысл и порядочность должны быть правилом или приемлемой практикой при размещении материалов в интернете, но поскольку интернет в значительной степени саморегулируемая

область, реакция приходит только тогда, когда кто-то жалуется. Очевидно, что существует необходимость в более эффективном балансе между обеспечением надлежащего поведения в интернете, назначением ответственности и защитой свободы слова. Конечно, предоставление информативного и безопасного онлайн-опыта важно как для пользователей, так и для бизнеса. Зачастую онлайн-дебаты поляризованы и, как правило, их участники не прислушиваются к друг другу. Л. Дальберг отмечает, что Интернет и социальные медиа не в состоянии адекватно учитывать асимметрию власти, с помощью которой достигается обсуждение и консенсус, интрасубъективную основу смысла, центральную роль уважения различий в демократии и демократическую роль групп «единомышленников» [5, с. 829]. То, что часто отсутствует в онлайн-дискуссиях, – это консенсусное, обоснованное и рациональное решение, не говоря уже о том, что не всё затронутое этим решением включено в него. Но справедливо будет сказать, что очень мало онлайн-контента является юридически действительным, и еще меньшая часть фактически подлежит любому виду судебного иска.

В-третьих, цензура может быть проблемой. Степень цензуры в интернете варьируется в зависимости от страны. В то время как большинство демократических стран имеют умеренную интернет-цензуру, другие страны заходят так далеко, что ограничивают доступ к такой информации, как новости, и подавляют дискуссии среди граждан. В таких странах, как Китай, Северная Корея и Куба, соответствующие правительства ограничивают доступ своих граждан в интернет, блокируя определенные веб-сайты. Международная амнистия, неправительственная организация, занимающаяся правами человека, отмечает, что Китай имеет самое большое зарегистрированное число заключенных журналистов и кибер-диссидентов в мире. Facebook, Twitter и YouTube явно заблокированы в Китае, а в марте 2010 года Google вышла из Китая из-за все более сильной цензуры своих поисковых запросов. Были запущены внутренние китайские аналоги этих объектов, такие как Baidu, Taobao, Renren и QQ, которые могут более легко контролироваться государством. Точно так же кубинский интернет является одним из наиболее жестко контролируемых в мире, в то время как интернет в Северной Корее доступен только с особым разрешением и используется, главным образом, в правительственных целях.

В-четвертых, Интернет стал главной ареной для корпоративной деятельности, как и другие сферы культурной индустрии. Индивидуализация потребления сопровождалась консолидацией прав собственности на средства массовой информации, что привело к появлению глобальных мультимедийных корпораций, стремящихся перестроить киберпространство как торговую недвижимость. Можно утверждать, что Интернет и социальные медиа сегодня являются стратифицированными пространствами, и требуется альтернативный, некорпоративный интернет. Гигантские корпорации колонизируют социальные сети и доминируют в их финансово-экономической деятельности. Крупные корпоративные (и в меньшей степени политические) акторы доминируют и, следовательно, централизуют формирование контента, ассоциаций, собраний и мнений в социальных сетях. Либеральные свободы превращают капиталистические социальные медиа в свою противоположность. Концепция участия в социальных сетях – это своеобразная современная идеология. Поэтому представляется необходимым и практически осуществимым «Веб 2.0» обозначать не как систему участия с политически-нейтральной коннотацией, а использовать более критические термины, такие как класс, эксплуатация и прибавочная стоимость.

Корпоративные социальные сети собирают данные о пользователях путём постоянного мониторинга и записи онлайн-активности. Собранные данные затем хранятся, объединяются и анализируются для создания подробных профилей пользователей, содержащих информацию о личных интересах и поведении в интернете. Это, в свою очередь, дает возможность целенаправленной рекламы с целью привлечения потребителей к покупке товаров и услуг. Механизм таргетированной рекламы в социальных сетях был назван «паноптической сортировкой», поскольку социальные медиа получают точную картину интересов и деятельности своих пользователей. Корпоративные социальные сети могут продавать рекламным клиентам товар данных пользователей по цене, превышающей вложенный постоянный и переменный капитал. Так называемые «просьюмеры» социальных сетей являются двойными объектами коммодификации: они сами являются товарами, и через эту коммодификацию их сознание, находясь в сети, постоянно подвержено товарной и рекламной логике.

С ростом пользовательского контента, платформ свободного доступа к социальным сетям и других платформ, которые приносят прибыль за счет онлайн-рекламы, интернет, похоже, приближается к стратегиям накопления, используемым капиталом в традиционных средствах массовой информации, таких как телевидение или радио. Пользователи, которые загружают фотографии и изображения, пишут посты на стенах и комментарии, отправляют почту своим контактам, добавляют друзей или просматривают другие профили, например, на Facebook, представляют собой аудиторию-товар, который продается рекламодателям. Разница между аудиторией традиционных средств массовой информации и интернет-аудиторией заключается в том, что в последнем случае пользователи также являются производителями контента и занимаются постоянным его производством, коммуникацией, созданием сообществ и т. п.

Существует дискуссия о конфиденциальности переписки людей при использовании онлайн-сервисов, таких как электронная почта, текстовые сообщения и социальные сети. Если раньше люди создавали некоторый контент с ожиданием, что этот контент должен оставаться частным, то с появлением социальных сетей он теперь находится в публичном пространстве. Как только мы попадаем на Facebook или Twitter, мы в основном сообщаем всем, где мы находимся, что мы делаем, 24 часа в сутки. Этот мир социальных медиа создает среду открытого распространения. И поскольку технология действительно широко распространена, а объем данных, которые мы создаём, очень велик, регулирование социальных медиа затрудняется. Открытым остаётся вопрос, принимают ли крупные сайты социальных сетей меры по защите конфиденциальности пользователей?

В-пятых, в Сети часто отсутствует обширный диалог и критическая дискуссия – сама суть публичной сферы. По-видимому, существует разрыв между доступом к информации и способностью к диалогу, поскольку содержательные дебаты обычно отсутствуют в социальных сетях, где преобладают тривиальные коммуникации. В случае с Twitter, например, диалог ограничен самим фактом, что он позволяет обмениваться только быстрыми, короткими сообщениями (140 символов). Это означает, что число активных участников коммуникационного процесса может увеличиться, хотя и останется мало места для предметного социально-политического диалога с участием групп и отдельных лиц. К. Ширки утверждает, что

политическая свобода должна сопровождаться гражданским обществом, достаточно грамотным и тесно связанным, чтобы обсуждать общественные вопросы [11, с. 2]. Он поддерживает теорию социологов Э. Каца и П. Лазарсфельда о том, что формирование хорошо продуманных политических мнений представляет собой двухэтапный процесс. Первый шаг требует доступа к информации; второй – использования этой информации в беседах и дебатах. В рамках этой концепции К. Ширки утверждает, что сайты социальных сетей не только сделали информацию широко доступной, но и произвели революцию в том, как люди формируют политические мнения [11, с. 2].

Наконец, несмотря на растущую известность Интернета как пространства, где люди получают доступ к новостям, а рекламодатели тратят деньги, он остается средством распространения, а не источником оригинального новостного контента. Хотя интернет-компании инвестируют в эту среду, но инвестиции, как правило, делаются в технологии, а не в журналистов. Интернет-сайты, не связанные с традиционными средствами массовой информации, как правило, собирают истории из различных газет и служб или комментируют новости, но делают мало оригинального освещения местных новостей, социально значимых репортажей. Общеизвестный факт о «мусоре» в социальных сетях вовсе не смущает социальные медиа, что можно объяснить только значимостью финансовой составляющей для этих институтов. Коммерция является важнейшим фактором существования и вектора развития социальных медиа. А там где есть финансовый интерес власть не упустит своего, поэтому можно согласиться с С.П. Поцелуевым в том, что «... сеть не ослабляет, но укрепляет властные отношения ... Усиление власти осуществляется здесь за счет расширения её творческого ... потенциала» [3, с. 146]. Нет оснований отрицать позитивные моменты Интернета, социальных медиа, но за столетия, а точнее тысячелетия многое менялось в социальных практиках и средства передвижения, и инструменты коммуникации, и вооружение, и духовно-религиозные концепты и многое другое, но обладатели власти всегда находили возможность использовать эти новшества для укрепления, сохранения власти. Поэтому нет оснований сомневаться, что социальные медиа будут использоваться как инструмент формирования и манипуляции общественного сознания, сохранения или захвата власти. Некоторые вопросы о функциональной направленности социальных медиа остаются открытыми, видимо, в связи с небольшой историей их существования, но такой категориальный ряд как «мягкая сила», «цветные революции» уже достаточно ясно показывает, что социальные сети в целом и социальные медиа в частности играют важную роль в политических процессах. Интернет очередное социальное явление на которое возлагают надежды по развитию демократии, ранее это связывали с партиями, выборами, опросами и как замечает Г. Б. Юдин «... он (Джордж Гэллап – А.Б., Н.К.), подобно фокуснику, заставил общество поверить в чудо опросов и признать их необходимость» [4, с. 16]. Нечто подобное происходит и с социальными медиа.

Итак, способен ли Интернет, а вместе с ним и социальные медиа внести свой вклад в развитие демократии, создав здоровую дискуссионную общественную сферу или это всего лишь миф? Этот вопрос требует дальнейшего теоретического осмысления. Если традиционные средства массовой информации, такие как газеты, помогли создать общественные пространства, где люди инициировали формы коммуникации внутри национальных государств,

то новые социальные медиа могут сделать то же самое в международном пространстве, в котором граждане всё больше вкладывают своё время для общения друг с другом и создания контента. Все зависит от того, как человек пользуется интернетом и социальными сетями. Как и все новые медиа-технологии, Интернет и социальные медиа могут быть полезным инструментом, основой межличностной коммуникации как в локальных обществах, так и в глобальном пространстве, что будет свидетельствовать о становлении и развитии бытия КУЛЬТУРА, формы которой являются обязательным условием развития демократии. Иными словами, социальные медиа в политических практиках обречены быть инструментом господства и контроля, а в практиках межличностных коммуникаций, человеческих взаимодействий они становятся инструментом расширения прав и возможностей отдельного человека и человечества в целом.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
2. Ван Рейбрук Д. Против выборов. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2013. 110 с.
3. Поцелуев С. П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии: монография. Ростов н/Д: СКАГС, 2010. 496 с.
4. Юдин Г. Б. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 174 с.
5. Dahlberg L. Rethinking the Fragmentation of the Cyberpublic: From Consensus to Contestation. *New Media and Society* 9 (5), 2007, pp. 827–847.
6. Fuchs C. *Foundations of Critical Media and Information Studies*. New York: Routledge, 2011. 400 p.
7. Gandy O. «Toward a Political Economy of Personal Information». *Critical Studies in Mass Communication* 10 (1), 1993. 283 p.
8. Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. Public Affairs, 2012. 448 p.
9. Murdock G. «Building the Digital Commons: Public Broadcasting in the Age of the Internet», Speech, Spry Memorial Lecture, University of Montreal, 22 November. 2004. URL: https://pantherfi.le.uwm.edu/type/www/116/Theory_OtherTexts/Theory/Murdock_BuildingDigitalCommons.pdf (дата обращения: 25.11.2020).
10. Murthy D. *Twitter: Social Communication in the Twitter Age*. Cambridge, 2013.
11. Shirky C. The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change. *Foreign Affairs*. Vol. 90, No. 1 (JANUARY/FEBRUARY 2011), pp. 28–41. URL: <https://www.cc.gatech.edu/~beki/cs4001/Shirky.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).
12. Thornley J. What is «social media»? URL: <https://thornleyfallis.com/social-media-defined/> (дата обращения: 25.11.2020).

УДК 347.193.2(470)

ББК 67.400.7(2Рос)

С. В. Михнева

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Михнева Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС;
e-mail: svet-mihneva@list.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема развития законодательства в сфере местного самоуправления в РФ в свете последних конституционных изменений. Автор рассматривает правовые основы местного самоуправления, требующие развития и совершенствования. Выявлена проблема определения правового положения сити-менеджера, институт которого сегодня имеет значимость в системе государственного и муниципального управления. Предлагается законодательно закрепить юридический статус сити-менеджера, то есть главу местной администрации, назначенного по контракту, и определить его как должностное лицо местного самоуправления, а не муниципального служащего. Автор рассматривает вопросы нормативного определения муниципального образования, в связи с чем, разработано и предлагается данное определение.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципалитет, глава муниципального образования, муниципальное образование, органы местного самоуправления, сити-менеджер.

S. V. Mikhneva

IMPROVING THE SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: REGULATORY ASPECT

Svetlana V. Mikhneva – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Department of Public Administration and Political Science of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА;
e-mail: svet-mihneva@list.ru

Abstract. The article examines the problem of the development of legislation in the field of local self-government in the Russian Federation in the light of the latest constitutional changes. The author examines the legal foundations of local self-government that require development and improvement. The article reveals the problem of determining the legal status of a city manager, the institution of which is important today in the system of state and municipal administration. It is proposed to legislate the legal status of the city manager, that is, the head of the local administration appointed under the contract, and to define him as a local government official, not a municipal employee. The author considers the issues of the normative definition of a municipal formation, in connection with which this definition has been developed and proposed.

Keywords: local government, municipality, head of the municipality, local government, city manager.

В современных условиях жизни нашего общества, обусловленных концептуально-законодательной парадигмой правового демократического государства и требованиями реалий общественной деятельности, государственной правовой политики, финансово-экономических

потребностей и показателей, происходит активизация деятельности государственного аппарата, направленной на стабилизацию общественных отношений путем внедрения своевременных мер и мероприятий. В этом срезе на первый план выходит необходимость формирования государственными структурами политики удовлетворения потребностей общества и установления стабильных параметров его устойчивого развития в строгом сочетании с правовыми конституционными установлениями. Тем более актуальность данного подхода все более обуславливается и подтверждается факторами санитарно-эпидемиологического благополучия населения, активного и интенсивного перехода на дистанционные формы взаимодействия в образовательной, трудовой и иных сферах. Таким образом, функционирование различных общественных субъектов, институтов, групп затрагивает непосредственно государственные органы и органы местного самоуправления, поскольку от их качественной работы, эффективного взаимодействия государственного и местного уровня зависит своевременный ответ на вызовы и угрозы современной действительности. На что и делается сегодня акцент главой нашего государства и другими представителями федеральной и региональной власти. Если сфера государственной власти и управления достаточно четко урегулирована законодательством, то в отношении местного самоуправления, его организационно-правовых моделей и основ сегодня наблюдаются пробелы и несовершенства.

Местное самоуправление – это довольно сложный комплексный и многогранный институт, имеющий древние исторические корни, собственные модели организации управления и механизмы осуществления. Исторический путь развития местного самоуправления, уходящий в глубину веков (термин «муниципии» возник при формировании и развитии свободных общин еще в Древнем Риме) [7, с. 64], свидетельствует о важности анализа современного понимания сущности, смыслового значения и деятельности направленной муниципальное управление, в том числе, места и роли органов и должностных лиц местного уровня, их политико-правового статуса, структурно-функциональных связей и основ взаимодействия.

Область местного самоуправления затрагивает интересы как научного сообщества, так и практических работников в сфере муниципального строительства ввиду ряда факторов. С одной стороны, властный уровень в виде системы местных органов, которые непосредственно не подотчетны государству в силу статьи 12 Конституции Российской Федерации [4], закрепляющей независимость и самостоятельность местного самоуправления, а, с другой стороны, приближенность местной власти к народу, призванной выражать его интересы, удовлетворять нужды и потребности, осуществлять муниципальную демократию.

Проблемное поле сегодняшних многочисленных исследований заключается в определении и повышении эффективности и оптимальности таких показателей как уровень развития муниципалитета, финансово-экономические основы, в том числе, доходная часть местного бюджета, жилищно-коммунальная сфера муниципальных образований и другое. Не меньшее значение отводится учеными и практиками и организационно-правовым основам функционирования органов местного самоуправления. Сегодня наблюдается ситуация при довольно длительном периоде реформирования местного самоуправления, ознаменованном принятием и вступлением в силу Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9], происходят незначительные изменения в сторону улучшения показателей эффективного развития муниципалитета.

На сегодняшний момент в общественных кругах и государственных политических организациях идет активное обсуждение конституционных изменений, обусловленных предложениями Президента Российской Федерации Путина В. В. о создании единой системы органов публичной власти, как на государственном уровне, так и на уровне местном. Сегодня в России в соответствии с основополагающими конституционными законодательными принципами выделяются три ветви (законодательная (представительная), исполнительная и судебная) власти в соответствии со статьей 10 Конституции Российской Федерации и три уровня власти (обусловлены положениями статьи 5 Конституции Российской Федерации о выделении в составе федеративного устройства 85 субъектов федерации) [4]. В связи с этим, к уровням власти относятся – государственный уровень, включающий федеральный и региональный (субъекты федерации) элементы, и уровень местного самоуправления.

При объявленной оптимальности взаимного сотрудничества всех публичных органов власти требуется не только практическая воплощенность заявленных лозунгов, потребуется длительная работа по совершенствованию законодательства, его модернизации. Так, если государственная власть строится на принципах федерального управления, управления в субъектах федерации с правом принятия законов, то местное самоуправление осуществляется в полном фактическом подчинении государственным задачам, законам, так как органы местного самоуправления не наделены правом принятия законов, а следовательно, полностью их деятельность подчинена актам с большей юридической силой. Таким образом, одна лишь задача – оптимизация деятельности и взаимного сотрудничества всех органов власти потребует огромного потенциала и юридических возможностей всех субъектов государственной политико-правовой системы, как в законодательном плане, так и в практическом его осуществлении.

Но для эффективной слаженной работы органов публичной власти возможен единый подход как к основным понятийным категориям, принципам, подходам, так и к законодательным положениям, их трактовкам. Обратимся к более подробному анализу местного самоуправления, поскольку, на наш взгляд, именно муниципальные аспекты функционирования всего государственного механизма сейчас приковывают внимание ученых и практиков.

Местное самоуправление является важной сферой жизнедеятельности как общества, так и государства ввиду ее разноплановой направленности: с одной стороны, решать насущные проблемы и вопросы местного населения, а, с другой стороны, – проводить политику государства на муниципальном уровне – там, где население непосредственно нуждается в истинной демократии, правовых формах ее реализации и гражданском обществе. Сегодня местное самоуправление рассматривается различными учеными как комплексный политико-правовой институт, обладающий юридической базой, собственными организационно-правовыми формами осуществления, территориальными, финансово-экономическими и иными основами [1]. Местный уровень власти является непосредственным элементом публичного управления, институтом публичной власти. В связи с чем, органы муниципального уровня, являясь публичными по своему определению, заслуживают особого научного анализа и рассмотрения в системе всех институтов публичной власти.

Публичная власть сегодня определяется конституционными положениями, которые определяют как горизонтальное, так и вертикальное формирование аппарата и механизма публичной власти. В связи с чем, в современной России публичная власть сформирована в виде государственной власти федерального и регионального уровня и муниципальной власти.

Как отметил Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию 2020 года «проблемы в образовании, здравоохранении и в других сферах обусловлены разрывом между государственным и муниципальным уровнями власти. И такая разделенность, запутанность полномочий отрицательно сказывается на людях. Предусмотренные законодательством общие для всех граждан права, возможности и гарантии в разных регионах и муниципалитетах обеспечиваются по-разному. Это несправедливо по отношению к человеку и несет прямую угрозу нашему обществу и целостности страны. Поэтому необходимо закрепить в Конституции Российской Федерации принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены» [8].

Каждая сфера общественной жизни развивается и функционирует с помощью соответствующих институтов. Что касается государственно-правовой сферы, то она имеет институциональный характер по преимуществу, сама же институционализация выглядит как специфическая общая закономерность возникновения, развития и функционирования всех явлений государственно-правовой жизни [2, с. 21].

Следует различать термин «местное самоуправление» и «муниципальное управление», так как первое понятие является более широким, и включает в себя второе понятие. Учитывая законодательное определение, закрепленное и в Европейской Хартии местного самоуправления 1985 года [3] и в действующей российской нормативно-правовой базе, местное самоуправление предполагает самостоятельную, под свою ответственность деятельность населения по решению вопросов местного значения посредством как территориально-общественного самоуправления, местных конференций, сходов граждан и так далее, так и через деятельность муниципальных органов. Муниципальное управление осуществляется в пределах территории муниципального образования, границы которого устанавливаются законами субъекта федерации.

В системе органов муниципального управления важное значение имеет глава муниципального образования, который осуществляет непосредственное руководство муниципалитетом. Сегодня предпринимаются многочисленные попытки рассмотреть данного главенствующего субъекта местного самоуправления с различных позиций. Однако, в аспекте публичной власти и публичного управления глава муниципального образования не получил полного и должного рассмотрения. Таким образом, актуальность затрагиваемой тематики обусловлена необходимостью анализа главы муниципального образования как института публичной власти с учетом современного концептуального развития российской государственности и учетом норм и положений действующего законодательства.

Надо отметить, что практическая деятельность главы муниципального образования, реализация им своих должностных прав и обязанностей напрямую связана с рядом влияющих на это социально-экономических, политических, правовых и иных факторов, которые также требуют обстоятельного осмысления.

Институт главы муниципального образования занимает одно из ключевых положений в системе органов местного самоуправления. Учитывая опыт проведенных реформ в сфере местной власти, обусловленных принятием и вступлением в силу Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9] необходимо выявить и проанализировать наиболее эффективные модели устройства и функционирования местной власти. В соответствии с действующим законодательством глава муниципалитета – это выборное должностное лицо, которое, однако, может избираться различными способами [6, с. 191]. Таким образом, модели правовой организации института главы муниципального образования определяют возможные различные его юридические статусы, варианты соотношения компетенции, механизмов избрания и прекращения полномочий, процедур функционирования.

Глава муниципального образования осуществляет непосредственное руководство жизнедеятельностью местного сообщества, то есть и решение вопросов местного значения, и ведение исполнительно-распорядительной деятельности в отношении возглавляемого представительного или исполнительного местных органов, и выражение и представление интересов местного населения; и осуществление взаимосвязи с федеральными и региональными органами государственной власти, с местными органами других муниципалитетов, осуществление правотворческой деятельности по урегулированию муниципально-правовых отношений и другие функции. Как самостоятельный институт публичной власти на местном уровне глава муниципального образования тесно взаимодействует с другими публичными институтами, так как находится во взаимосвязи на государственном уровне и его основная задача, на наш взгляд, заключается в сочетании и соотнесении интересов, потребностей и нужд местного населения с основными задачами и функциями государственной власти, поскольку основные приоритеты развития государства закладываются государством, государственным аппаратом посредством законодательной, правоприменительной и правоохранительной деятельности.

Еще раз отметим, что право законодательной деятельности, то есть принятия нормативно-правовых актов, обладающих высшей юридической силой, принадлежит только органам государственной власти федерального и регионального уровней. В свою очередь, представительные органы местного самоуправления не имеют полномочий принимать законы, а только подзаконные нормативно-правовые акты, именуемые в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» муниципальными правовыми актами. Таким образом, можно сделать вывод о формально юридической самостоятельности местных властей, закрепленной в статье 12 Конституции Российской Федерации 1993 года, на практике же – решения, принимаемые местными органами в виде правовых актов, не должны противоречить актам с большей юридической силой, то есть федеральному и региональному законодательству, принимаемому только государственными законодательными органами. Выступая в качестве руководителя муниципалитета, глава должен исполнять свои должностные полномочия в соответствии со своим юридическим статусом и в структурно-функциональной системе всего механизма публичной власти. Сегодня отсутствует определение именно в законодательном ракурсе такого важного и значимого института местной власти как глава муниципального образования. Что, на наш взгляд, несколько не отвечает современным требованиям и реалиям. Таким образом, видится закономерным внесение ряда корректировок в виде новых уточняющих

положений и норм, позволяющих более точно определить и закрепить главу местного самоуправления (муниципального образования).

В современных условиях формирования и развития демократического правового государства и гражданского общества особенностями главы муниципального образования как института публичной власти являются следующие условия: с одной стороны, глава муниципального образования – это обязательный орган местного самоуправления и высшее должностное лицо местного самоуправления, непосредственно исполняющее полномочия по решению вопросов местного значения, а, с другой стороны, глава муниципального образования представляет собой институт демократии и одну из основ гражданского общества муниципалитета.

Глава муниципального образования как основной обязательный орган местного самоуправления и должностное лицо местной власти, замещающее муниципальную должность с позиции институционального подхода можно рассматривать в качестве самостоятельного комплексного института публичной власти местного (муниципального) уровня. С этих позиций, теоретически и концептуально под главой муниципалитета как института публичной власти предлагается понимать в широком смысле как самостоятельный орган и должностное лицо муниципально-публичной власти, представляющий интересы местного сообщества, наделенное собственной компетенцией для решения вопросов местного значения с учетом национальных, исторических и иных местных традиций и обычаев. В узком смысле глава муниципального образования как институт публичной власти представляет собой юридически оформленную, организационно обособленную часть механизма публичной власти муниципального уровня, избираемую непосредственно местным населением или представительным органом муниципального образования, наделенную публично-властными исполнительно-распорядительными полномочиями и необходимыми материальными средствами для осуществления деятельности по решению вопросов местного значения в пределах своей компетенции в соответствии с установленными принципами.

Отметим тот факт, что не только органы местного самоуправления и его должностные лица как самостоятельные институты требуют законодательной доработки, но и в своем логически обоснованном и юридически верном определении нуждается и территориальная основа местного самоуправления. Муниципальные образования как обособленные собственными границами территориальные единицы, в рамках которых функционируют органы местного самоуправления, не нашли полного и четкого своего законодательного определения. При этом наблюдается картина динамичного развития видового разнообразия муниципалитетов. При разработке федерального закона о местном самоуправлении в 2003 году закреплялись только пять основных видов муниципальных образований [8]: сельское поселение, городское поселение, муниципальный район, городской округ и внутригородская территория города федерального значения. А сегодня мы в этом же законе насчитываем восемь видов муниципальных образований, в числе последних – муниципальный округ.

В новых условиях предстоящих реформ в нашей стране необходимо внести некоторые положения в действующее законодательство в сфере муниципального управления. В частности, речь идет о целесообразности закрепления законодательного определения понятия муниципального образования.

Так, предлагается в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепить определение *муниципального*

образования как «территориально и организационно обособленную систему муниципально-публичной власти, осуществляющей местное самоуправление посредством форм самоуправления и органов муниципального управления, наделенных властными полномочиями для решения вопросов местного значения». В широком смысле муниципальное образование представляет собой организационно-территориальную единицу, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, и функционируют местные органы.

В тоже время, вызывает научно-теоретический и практический интерес такой новый субъект муниципального управления как сити-менеджер.

По поводу главы местной администрации, назначенного по контракту главой муниципального образования следует внести некоторые замечания относительно его юридического статуса, а в частности, ответить на вопрос – является ли относительно новый субъект местного уровня – так называемый сити-менеджер – муниципальным служащим или должностным лицом местного самоуправления. Уточнение его правового статуса непосредственно влияет и на взаимоотношения главы муниципалитета с главой местной администрации. В этом случае надлежит обратиться к двум основным федеральным законам: Федеральному закону № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9] и Федеральному закону № 25-ФЗ от 02.03.2007 «О муниципальной службе в Российской Федерации» [10]. Так в соответствии с законом о муниципальной службе [10] сити-менеджер относится к муниципальным служащим. Однако, на наш взгляд, следует уделить данному субъекту более пристальное внимание с позиции как правового регулирования, так и научных критериев в совокупности с системно-функциональным и системно-структурным подходами.

Термина «сити-менеджер» в законодательстве непосредственно нет. Но в соответствии с правовыми положениями закона о муниципальной службе данного субъекта можно определить следующим образом: Сити-менеджер – это лицо, возглавляющее исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления – местную администрацию, которого назначил по контракту глава муниципального образования, являющийся руководителем местной думы [5]. Поэтому, на наш взгляд, глава исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления – местной администрации, назначенный по контракту главой муниципального образования является должностным лицом местного самоуправления и не относится к категории муниципальных служащих, поскольку его основная задача – это не обеспечивать исполнение полномочий местного исполнительно-распорядительного органа – местной администрации, а непосредственно исполнять его полномочия, так как он является главой данного органа. Сити-менеджер как должностное лицо, структурно-функционально и системно взаимодействующее с главой муниципального образования, не относится к числу муниципальных служащих, поскольку он непосредственно исполняет полномочия такого самостоятельного органа местного самоуправления как местная администрация и замещает муниципальную должность.

На наш взгляд, в соответствии с действующим законодательством в сфере местного самоуправления и муниципальной службы Российской Федерации сити-менеджер – то есть глава местной администрации, назначенный по контракту главой муниципального образования, является должностным лицом местного самоуправления, который непосредственно исполняет полномочия исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления

(местной администрации). Таким образом, глава местной администрации, назначенный по контракту, не является муниципальным служащим. Таким образом, это следует закрепить в Федеральном законе № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» 2007 года [10].

В заключении еще раз отметим о важности предпринимаемых решениях конституционных изменений, поскольку это, в конечном итоге, затронет не только законодательство и его главные концептуальные положения и принципы, но и на довольно значительный временной период потребует работы правоприменителей по внедрению ряда последовательных нормативных новшеств в современную практическую деятельность.

Библиографический список

1. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Н. С. Бондарь, В. И. Авсеенко, С. Н. Бочаров и др.: под ред. проф. Н. С. Бондаря. М.: Закон и право, 2002. 559 с.
2. Вопленко Н. Н., Ветютнев Ю. Ю. Институционализация как закономерность государственно-правовой жизни // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 3.
3. Европейская хартия о местном самоуправлении // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 36. Ст. 4466.
4. Конституция Российской Федерации: от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. № 237.
5. Михнева С. В., Герберг Т. А. Глава муниципального образования как институт публичной власти: история и современность // Вестник Евразийской Академии административных наук. 2019. № 3(48).
6. Михнева С. В., Митячкина Е. С. Правовое положение главы исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1.
7. Муниципальное право Российской Федерации: учебник / под ред. Ю. А. Дмитриева. М.: Методический центр учебной и практической литературы. 1999. 512 с.
8. Послание Президента Российской Федерации Путина В.В. Федеральному Собранию Российской Федерации. 2020 г. 15 января // Российская газета. 2020. № 7 (8061).
9. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления: Федеральный закон Российской Федерации: от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
10. Российская Федерация. Законы. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации: от 2 марта 2007 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.

КАДРОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

HR MANAGEMENT

УДК 331.44

ББК 65.05

М. С. Савченко, О. Н. Гримашевич

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ

Савченко Майя Сергеевна – магистрант Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.; e-mail: msmezhonova@yandex.ru

Гримашевич Ольга Николаевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Бизнес-технологии и логистика» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.; e-mail: Grimashevich@list.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные особенности управления персоналом на предприятии. Выделены внешние и внутренние факторы, влияющие на систему управления персоналом. Показаны особенности управления персоналом в условиях пандемии. Авторы анализируют изменения системы управления персоналом под воздействием пандемии. Показано, что от сотрудников требуют новые навыки дистанционная работа. Представлена характеристика особенностей организации процесса удаленной деятельности, особое внимание уделяется ее технической стороне. Показано, что пандемия коронавируса негативно повлияла на систему управления персоналом, в частности в настоящее время наблюдается сокращение персонала, как в мире, так и в России. Систематизированы факторы, определяющие влияние перехода на удаленный режим работы, на конкурентоспособность предприятия, эффективность его работы.

Ключевые слова: персонал, мотивация, управление персоналом, пандемия, коронавирус, удаленная работа, дистанционная работа.

M. S. Savchenko, O. N. Grimashevich

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT PROBLEMS AT THE ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF DISTANT WORK

Maya S. Savchenko – Master's Student of the Saratov state technical the university of Gagarin Yu. A.;
e-mail: msmezhonova@yandex.ru

Olga N. Grimashevich – Doctor of Economics, professor, professor of the Department of «Business Technologies and Logistics» of the Saratov state technical the university of Gagarin Yu. A.;
e-mail: Grimashevich@list.ru

Abstract. In this article modern features of human resource management at the enterprise are considered. The external and internal factors influencing a personnel management system are allocated. Features of human resource management in the conditions of a pandemic are shown. Authors analyze changes of a personnel management system under the influence of a pandemic. It is shown that remote work demands new skills from employees. Characteristic of features of the organization of process of remote activity is presented, special attention is paid to its technical aspect. It is shown that the coronavirus pandemic negatively affected a personnel management system, in particular reduction of staff, both in the world, and in Russia is observed now. The factors defining influence of transition to a remote operating mode, on competitiveness of the enterprise, efficiency of its work are systematized.

Keywords: personnel, motivation, human resource management, pandemic, coronavirus, distant work, remote work.

Управление персоналом за последние годы в нашей стране стало обязательной частью управления предприятием или менеджмента. Подобная ситуация обусловлена тем, что предприятия нацелены на сегодняшний день не только на увеличение собственных доходов, но и на все остальные сферы деятельности менеджмента, что позволяет успешно осуществлять свою деятельность на протяжении достаточно долгого времени.

Эффективная работа предприятия осуществляется благодаря наличию высококвалифицированных кадров, правильного распределения их функциональных обязанностей и адекватной системе управления [3]. Поэтому необходимо рассматривать вопрос управления кадрами в рамках современных технологий, открытий и инноваций и с позиции их адаптации к условиям функционирования и специфике отечественных предприятий. Применение современных технологий позволяет повысить качество системы управления персонала того или иного предприятия.

Система управления персоналом подразумевает ряд элементов, способствующих эффективной работе предприятия с точки зрения его кадрового потенциала. Управление персоналом направлено на обеспечение планомерного и организационного воздействия с помощью организационных, экономических и социальных мероприятий с созданием надлежащих условий труда, что позволит повысить показатели производительности труда и уровня конкурентоспособности предприятия в целом [1, с. 250].

Система управления персоналом опирается на нормативно-правовую базу, по которой осуществляется государственное регулирование минимального размера уровня оплаты труда. Поэтому одним из основных факторов управления персоналом, является экономический интерес [2, с. 109]. В первую очередь для коммерческого предприятия экономический интерес складывается из интересов руководства – получение прибыли.

Система управления персоналом предприятия имеет свою структуру и изменяется под влиянием внешних и внутренних факторов (рисунок). По сути, она представляет, как уже было отмечено ранее, комплекс элементов, воздействующих на персонал и его эффективность и тем самым повышая уровень конкурентоспособности предприятия.

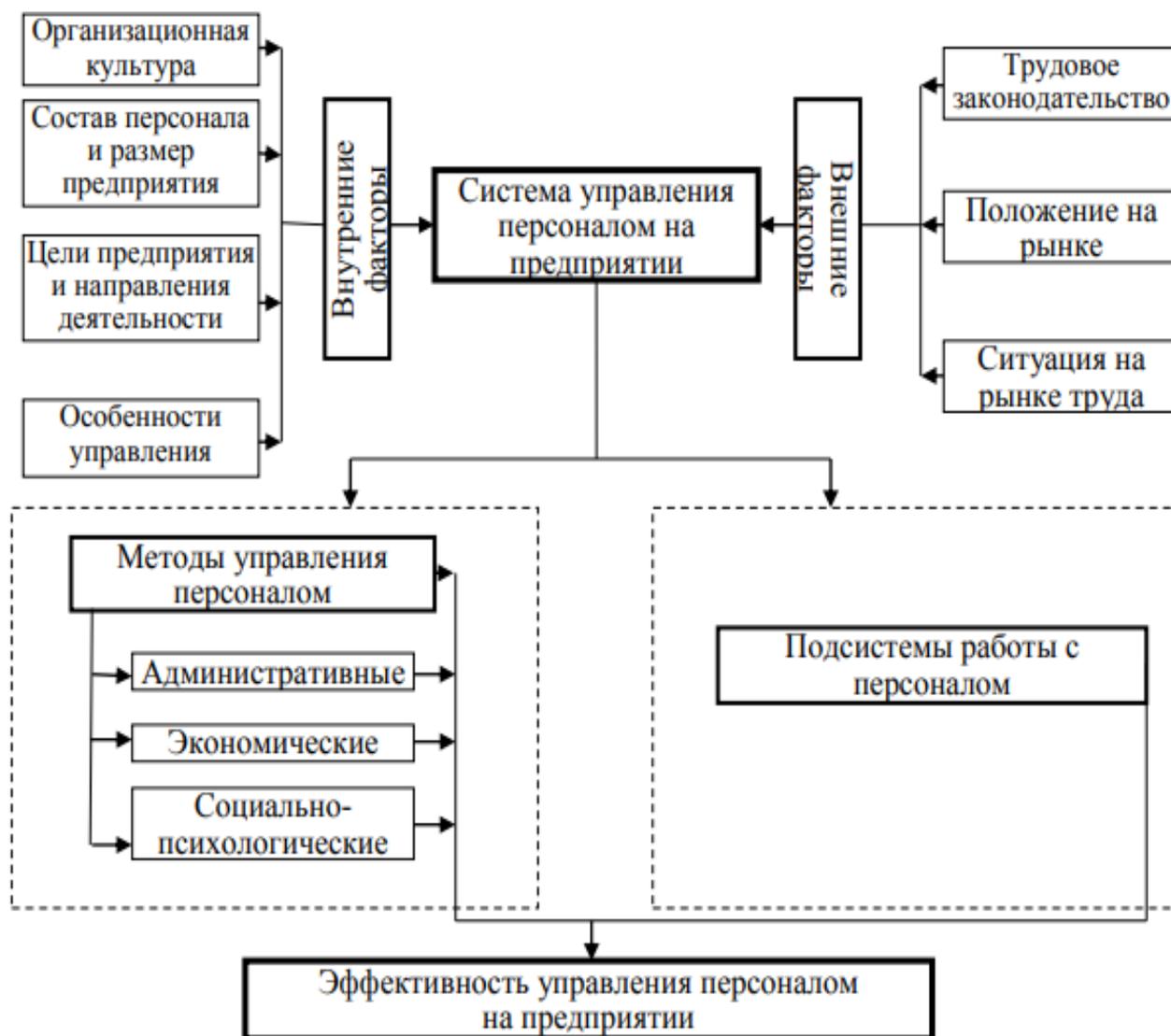

Рис. Система управления персоналом предприятия

Совокупность разнообразных стимулов направленных на мотивирование людей, называется стимулированием. Одной из его самых употребляемых форм является стимулирование, выраженное материально. Стимулирование – это один из инструментов, по средствам которого возможно осуществление мотивирования [8, с. 25–26]. Поэтому не стоит эти понятия считать тождественно равными.

Выполнять идентичную работу человек может с разной степенью затраченных усилий. Сотрудник может трудиться в полную силу, а может, затрачивая лишь часть своих возможностей. Равным образом он может избегать трудной, ответственной работы и стараться брать для себя более легкую. Все эти факты демонстрируют то, какие усилия готов приложить работник.

А обусловлено это степенью мотивирования работника. Заинтересованность работника является прямым следствием двух важнейших факторов – монотонности рабочих действий и мотивации работника [4, с. 20].

Мотивация работника складывается из двух систем – материальной и нематериальной мотивации. Материальная мотивация складывается из оплаты труда и ее премиальной части. Зачастую материальная мотивация в российских компаниях является основной, поскольку специфика отечественного рынка труда заставляет искать работу не столько по полученным способностям, сколько по возможности устроиться и стабильно получать одинаковый уровень дохода. Нематериальная мотивация в этом плане представляет собой разного рода не денежные вознаграждения (похвалу, грамоту и т.д.), что редко становится мотивацией для работника осуществлять свою деятельность лучше. Комплекс из материальной и нематериальной мотивации является наилучшим вариантом, поскольку работник сразу выполняет свою потребность в денежных средствах и собственной реализации [6, с. 143].

Кроме того, важной характеристикой зависящая в большей степени от мотивации является неотступность и упорство в начатой работе. Это немаловажное условия деятельности, так как неоднократно попадают работники, быстро теряющие цепкость, заинтересованность и усидчивость к работе [5, с. 36]. Вне зависимости от результатов, если они потеряют интерес, то они перестанут стараться и будут выполнять свои обязанности более халатно. Также для эффективной работы сотрудникам необходимо проявлять настойчивость. Иначе, если работник сначала будет генерировать идеи, а в итоге не предпринимать никаких действий, то для компании это считается упущенными возможностями.

Рассмотрим то, как под воздействием пандемии меняется система управления персоналом. В результате пандемии, затронувшей как российскую, так и мировую экономику, рынок труда претерпевает трансформацию.

Ситуация вынуждает внедрять инструменты, которые еще некоторое время назад отождествлялись с будущим рынка. Происходит процесс внедрения дистанционной занятости, возрастает темп автоматизации рабочих мест. Одновременно происходит реализация программ повышения квалификации, позволяющих использовать технологии, которые работодатели предоставляют для обеспечения удаленной занятости.

Помимо этого, часть организаций сокращает персонал. Однако стоит не забывать, что данные решения могут впоследствии отразиться на долгосрочных целях, снизить нарабатанный потенциал, в первую очередь человеческий. Человеческий капитал является одним из основных ресурсов компании, поэтому именно он должен находиться в центре внимания и учитываться не только финансовый аспект, но и физический, социальный и эмоциональный. В такую нелегкую ситуацию важно попытаться сохранить высокую вовлеченность сотрудников в производственный процесс.

Дистанционная работа требует от сотрудников новые навыки. Часть работников столкнулась с этим впервые, что снижает производительность труда. Перед руководителями встает задача четко организовать процесс удаленной деятельности и продумать ее техническую сторону. При этом, важно учитывать специфику деятельности предприятия [7].

Первый момент, которому следует уделить внимание – использование системы коммуникации. Размещение актуальной информации должно происходить оперативно. В частности,

например, в ряде коммерческих предприятий информация поступает с помощью сайта, приказов директора предприятия, а также посредством электронной рассылки. Коммуникационная система должна действовать четко в течение всего периода дистанционной работы, в том числе в режиме 24/7 и онлайн.

Стоит отметить, что важен вклад самих сотрудников в устойчивость деятельности организации. Персонал должен понимать, что от них ожидают и что происходит в организации. Руководство должно помогать сотрудникам адаптироваться к изменениям, восстанавливая ощущение стабильной жизни [10, с. 134]. Руководитель должен подавать пример оптимизма и уверенности для своих подчиненных, однако стоит избегать ложных обещаний.

Чтобы обеспечить организацию связью и коммуникациями необходимо использовать различные доступные каналы: электронную почту, внутренние сети, сайты, социальные сети, видеоконференции.

Использование разных каналов позволяет обеспечивать связь с сотрудниками, где бы они ни находились. Возросла популярность использования мессенджеров для оперативной связи. Такие сети, как WhatsApp, Telegram, ВКонтакте позволяют создавать «беседы» с большим количеством участников [9, с. 161].

Такие платформы, как Skype, Zoom, MS Teams обеспечивают процесс коммуникации путем видеосвязи. Немаловажным является организация защищенности информации и данных, публикуемых в сети. Так, например, при сдаче онлайн-зачетов в вебинарной комнате, при предъявлении студентами документа, удостоверяющего личность, следует заклеивать персональные данные, чтобы эта информация не попала в Интернет.

Помимо пандемии новой причиной увеличивающихся проблем в системе управления персоналом является экономический кризис, который только подходит к своей предельной силе. Многие крупнейшие компании по всему миру и России в том числе, сокращают своих сотрудников, поскольку из-за ограничительных мер не смогли выполнять свою деятельность в полном объеме. К примеру, наибольшие потери получили индустрии туризма и авиасообщения.

Что касается системы управления персоналом, то здесь ситуация аналогичная. В период кризиса руководство предприятий старается в первую очередь сокращать издержки. Зачастую данный процесс касается качества товаров/услуг, а также работников предприятия, поскольку сокращаются их доходы.

Для одних предприятий переход на удаленный режим работы практически никак не повлиял на компании, цикл производства в которых завязан не на определенном цехе с соответствующим оборудованием. К таким относится IT-отрасль, где большая часть работников перешла на удаленную работу без проблем, поскольку работники имеют собственные компьютеры, а компании обеспечивают монтаж программного обеспечения на дому.

Для других предприятий переход на удаленный режим стал катастрофическим. К примеру, пострадал ряд предприятий сектора общественного питания и оказания услуг. Система управления персоналом в них попросту была расформирована за отсутствием необходимости. Большая часть работников была отправлена в бессрочный отпуск за свой счет или уволена.

Поскольку кризис имеет циклический ход (рыночная экономика возвращается к нему каждые 8–12 лет), а также неконтролируемый рост, работники пострадавших предприятий уменьшат свой бюджет расходов, поэтому уменьшится доход других предприятий.

Таким образом, системе управления персоналом на российских предприятиях важно адаптироваться к новым условиям существования, чтобы стать поддерживающим элементом предприятия в конкурентной борьбе.

Библиографический список

1. Базаров Т. Ю. Психология управления персоналом. Теория и практика: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2016. 381 с.
2. Верещагина Л. С., Кублин И. М., Тинякова В. И. Необходимость эквивиальности системы управления освоением инновационной продукции // *Инновации*. 2018. № 4 (234).
3. Воронин Э. Е. Формирование и развитие механизма аутсорсинга промышленного предприятия диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Саратовский государственный социально-экономический университет. Саратов, 2011.
4. Гримашевич О. Н. Методы стратегического анализа в условиях неопределенности внешней среды // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2016. № 4 (63).
5. Гримашевич О. Н., Жданов С. А. Параметры экономической устойчивости промышленных предприятий // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2017. № 3 (67).
6. Зайцева Т. В. Управление персоналом: учебник / Т. В. Зайцева, А. Т. Зуб. М.: ИД ФОРУМ: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 336 с.
7. Исследование: каково это – работать на удаленке // Finder URL: <https://blog.finder.vc/is-sledovanie-kakovo-eto-rabotat-na-udalenske> (дата обращения: 18.11.2020).
8. Кублин И. М., Махметова А. Е. Дескриптивный анализ особенностей постлеталентного управления промышленными предприятиями // *Поволжский торгово-экономический журнал*. 2011. № 2.
9. Макаров А. Д. Инновации в образование или новый вектор экономического ликбеза // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 10-2 (63).
10. Яшин Н. С., Андреева Т. А. Развитие системы вовлечения персонала в рамках системы менеджмента качества организации // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2018. № 4 (73).

УДК 331.108

ББК 65.05

А. А. Соколов, П. И. Вершинина

РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Соколов Алексей Алексеевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС; e-mail: ASokolov.vlg@mail.ru

Вершинина Полина Ивановна – магистрант Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС; e-mail: polina2495@yandex.ru

Аннотация. Развитие персонала является одним из факторов устойчивого функционирования организации и обеспечения ее конкурентоспособности. От того, насколько эффективно реализуются основные формы развития персонала, и какая часть сотрудников готова, например, к обучению и последующему применению своих знаний в труде, во многом зависит успешность деятельности предприятия. Для того, чтобы избежать дополнительных трудностей, следует самым внимательным образом относиться к решению данных вопросов, которые в настоящее время приобретают первостепенную важность, так как возрастает необходимость в специалистах, готовых к повышению своей квалификации, совершенствованию профессионального мастерства и передаче опыта молодому поколению.

Ключевые слова: управление персоналом, развитие, обучение, адаптация, переподготовка, кадровый резерв, организация, сотрудники.

A. A. Sokolov, P. I. Vershinina

PERSONNEL DEVELOPMENT IN THE CURRENT CONDITIONS OF THE COMMERCIAL ORGANIZATION

Alexey A. Sokolov – Candidate of Economics, docent of the Department of Public Administration and Political Science of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА; e-mail: ASokolov.vlg@mail.ru

Polina I. Vershinina – Master's Student of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА; e-mail: polina2495@yandex.ru

Abstract. Personnel development is one of the factors for the sustainable functioning of an organization and ensuring its competitiveness. The success of the enterprise largely depends on how effectively the main forms of personnel development are implemented, and what part of the employees is ready, for example, for training and the subsequent application of their knowledge in work. In order to avoid additional difficulties, one should be very careful about solving these issues, which are currently becoming of paramount importance, since the need for specialists who are ready to improve their qualifications, improve professional skills and transfer experience to the younger generation employees.

Keywords: development, training, adaptation, retraining, personnel reserve, personnel management, organization, employees.

Одной из актуальных проблем деятельности организаций в целом и, в частности коммерческих, является обеспечение их кадровой потребности в необходимом количестве и

требуемого уровня качества. Данная проблема сопровождает хозяйственную деятельность предприятий на протяжении всей истории их функционирования. Ее решение возможно не только за счет привлечения работников извне, но и путем реализации мероприятий по развитию персонала, в том числе в рамках эффективного использования системы управления знаниями. В этой связи, для достижения заданного уровня конкурентоспособности и преимущества среди других участников рынка руководству организации необходимо разрабатывать и проводить эффективную кадровую политику.

Специфика развития хозяйствующих субъектов на современном этапе с точки зрения их экономического благополучия и в социальной сфере такова, что в процессе управления персоналом существенно возрастает роль личностных качеств сотрудников [1, с. 58].

Главная цель мероприятий, связанных с развитием персонала, заключается в том, чтобы обеспечить соответствие кадрового состава предприятия принятой стратегии и достижение запланированных экономических показателей и социального уровня трудового коллектива. В этом смысле развитие персонала выступает одним из основных элементов (звеньев) кадровых технологий и способствует принятию эффективных и обоснованных решений в процессе управления персоналом [7, с. 151].

С позиции терминологии развитие персонала представляет собой пространственный процесс, предполагающий разработку и реализацию целого комплекса мероприятий, который включает совокупность организационных, экономических, социальных и психологических воздействий на работников. Это выражается в формах развития персонала – обучение, переподготовка и повышения квалификации, введение в должность и адаптация новых работников, аттестация, организация работы с кадровым резервом. Ответственными исполнителями таких мероприятий, как правило, выступают специалисты по управлению персоналом (сотрудники соответствующей службы предприятия). В результате выполнения задач по развитию персонала происходит совершенствование профессионального мастерства и приобретение необходимых навыков работников, растет трудовой потенциал каждого сотрудника. Все это является элементами стратегического управления [6, с. 105].

Кроме совершенствования собственно профессиональных качеств работников, развитие персонала также направлено и позволяет выявлять и раскрывать их творческие способности, тем самым создавая условия для активизации стратегического мышления и роста интеллектуального уровня [4, с. 8].

В широком смысле слова, обученные работники, то есть системно принимающие участие в мероприятиях по развитию персонала, – это такое же конкурентное преимущество для предприятия, как, например, выпускаемая им продукция высокого качества, широкого ассортимента и с надлежащим после продажным сервисом (если он предполагается).

Рассмотрим подробнее отдельные формы развития персонала.

Показателем правильно поставленной задачи обучения работников является связь каждого учебного модуля с конечной целью деятельности предприятия и с измеримым результатом труда каждого сотрудника. Необходимо осознавать тот факт, что обучение не должно быть исключительно ради пополнения знаний, умений и навыков работника, повышая только его ценность на рынке труда. После прохождения обучения работник должен улучшать показатели деятельности предприятия, которое предоставляет ему такую возможность. В ином

случае работу специалиста по управлению персоналом нельзя считать выполненной надлежащим образом, поскольку она не повлияла на повышение уровня результативности работника [9, с. 189].

Следует также обратить внимание, что, с одной стороны, недостаточно четкая и ясная система оценивания эффективности результатов обучения на предприятии оказывает негативное влияние как на ход выполнения задач руководителями, так и рядовыми сотрудниками, создавая впечатление отсутствия связи между их трудовыми усилиями и состоянием дел в организации. С другой стороны, предприятия сегодня вряд ли будут направлять какие либо значительные средства на обучение, если нет понимания о предполагаемых выгодах от данного мероприятия. И здесь существенную роль играют руководители и специалисты кадровых служб, в обязанности которых входит решение вопросов развития персонала, в том числе обучения [8, с. 18].

Первым шагом в организации процесса обучения, переподготовки и повышения квалификации кадров на предприятии является формирование потребности, то есть количества персонала, которое будет направлено для участия в этих мероприятиях. В рамках определения данной потребности можно выделить четыре подхода:

- первый – с точки зрения нормативов и фактического уровня выполнения работы;
- второй – с позиции отдельного сотрудника, принимая во внимание сложность выполняемой им работы;
- третий – учитывает потребность подразделения предприятия в кадрах заданной квалификации, которые могли бы обеспечить выполнение поставленных задач и достижение целей организации;
- четвертый – исходя из потребности в обучении на уровне предприятия в целом в соответствии с целями деятельности и имеющимися для этого человеческими ресурсами [4, с. 55].

Такое понятие как «адаптация» служит способом ознакомления сотрудника с содержанием деятельности, ее организацией и изменения собственной линии поведения в соответствии с требованиями новой среды. Процедура адаптации персонала призвана облегчить вхождение новых сотрудников в должность и социальную среду организации. По оценкам специалистов более 50 % людей, уволившихся со своей работы в течение первого года, приняли это решение уже в первый день своего пребывания в новой организации. Как правило, новичок на предприятии сталкивается с большим количеством трудностей, основная масса которых порождается именно отсутствием информации о порядке работы, месте расположения, особенностях коллег и т.д. То есть специальная процедура введения нового сотрудника в организацию может способствовать снятию большего количества проблем, возникающих в начале работы [3, с. 212].

С целью повышения производительности труда работников и технологического оборудования до уровня, обеспечивающего устойчивую конкурентоспособность предприятия на рынке, повышаются требования к квалификации персонала. Отсюда возникает необходимость подготовки руководителей разных уровней управления и специалистов для осуществления анализа и поиска решений, направленных на повышение эффективности и безопасности производства. Одним из методов, позволяющих обеспечить такую подготовку, является развивающая аттестация.

Под развивающей аттестацией понимается оценка соответствия мотивационного и квалификационного потенциала работника задачам развития предприятия и определение направлений взаимовыгодного для предприятия и работника развития и использования этого потенциала [10, с. 99].

Современная действительность характерна тем, что в социально-экономической сфере деятельности человека на первый план выходит его продвижение по ступеням служебной карьеры – статусной, профессиональной, должностной иерархии, повышение конкурентоспособности на рынке труда, максимально возможная реализация профессионально-трудового потенциала. При формировании резерва руководящих кадров необходимо определить базовые должности для каждой категории руководителей, а также источники комплектования резерва для выдвижения [2, с. 1].

Проанализируем опыт найма и развития персонала коммерческой организации ООО «Мегаполис» по представленным выше формам развития персонала.

Целью Общества является осуществление хозяйственной и иной деятельности, направленной на удовлетворение общественных потребностей в товарах и услугах и извлечение прибыли.

Основные виды деятельности ООО «Мегаполис»: производство пластмассовых изделий, используемых в строительстве; производство строительных металлических конструкций, изделий и их частей; производство металлических дверей и окон; производство прочих строительно-монтажных работ; работы по монтажу стальных строительных конструкций; работы по сборке и монтажу сборных конструкций.

Рассматривая кадровый состав данного предприятия, его можно условно разделить на менеджеров, которые занимаются поиском и привлечением покупателей продукции, и рабочих, занятых ее производством и монтажом.

Наем работников – задача кадровой службы предприятия. Ее сотрудники распространяют информацию об имеющихся вакансиях по различным каналам, преимущественно в цифровой среде, а также рассматривают и оценивают анкеты соискателей, приславших свои резюме для решения вопроса приема на работу. Далее, после согласования с администрацией предприятия, в которую входят генеральный директор и его заместитель, принимается окончательное решение о дальнейшем взаимодействии с тем или иным кандидатом. Приглашая на собеседование, сотрудник отдела кадров предоставляет анкету с вопросами, на которые соискателю предлагается ответить, и после этого продолжается диалог.

Независимо от того на какую должность берут человека, кандидата обязательно знакомили с видом продукции и следом работой с цеха, а далее уже и с администрацией организации. Далее проводилось коллегиальное решение и следом выбранного кандидата приглашали и составляли договор.

Ввод в должность и адаптация проходят следующим образом. Новому сотруднику представляют старшего менеджера или цехового рабочего, в зависимости от должности. Вновь принятый работник на протяжении месяца вместе с наставником изучает определенный вид работ, которые свойственны его должности, а также, если это необходимо, назначаются курсы подготовки или переподготовки сотрудников и внутренние уроки, которые составля-

ются специальным тренером. Эти уроки направлены в основном на приобретение теоретических знаний, а на практике сотрудник со своим наставником закрепляет изученный материал.

Предприятие всегда стремится повышать уровень образованности своих работников. Аккредитацию сотрудники не проходят, поскольку для производства металлопластиковых конструкций она не требуется, а, значит, необходимости в ней нет.

В последнее время на предприятии наблюдается уменьшение объема средств, выделяемых на развитие персонала. В качестве причины этого руководители называют то, что большая часть сотрудников работают давно и курсы, необходимые для поддержания оптимального уровня профессионального мастерства уже были пройдены, число покупателей относительно стабильно, и они имеют тенденцию постоянства размещения заказов у данного предприятия, поэтому нести дальнейшие расходы на развитие персонала, по мнению администрации, нецелесообразно.

На наш взгляд, интересным для анализа является отношение персонала ООО «Мегаполис» к такой позиции руководства и приятному на основе этого решению. Полученные данные помогут оценить действующую систему развития персонала на предприятии и на этой основе дать характеристику деятельности по управлению человеческими ресурсами. В целях такого анализа было проведено исследование, в рамках которого сотрудникам был задан ряд вопросов, касающихся действующей системы развития персонала.

На вопрос о том, удовлетворены ли они работой по подбору и развитию персонала, ответы распределились следующим образом: 43 % опрошенных удовлетворены и считают, что в организации подбору и развитию персонала отводится важное значение, 33 % не удовлетворены работой кадровой службы в этом направлении, 24 % сомневаются (рис. 1).

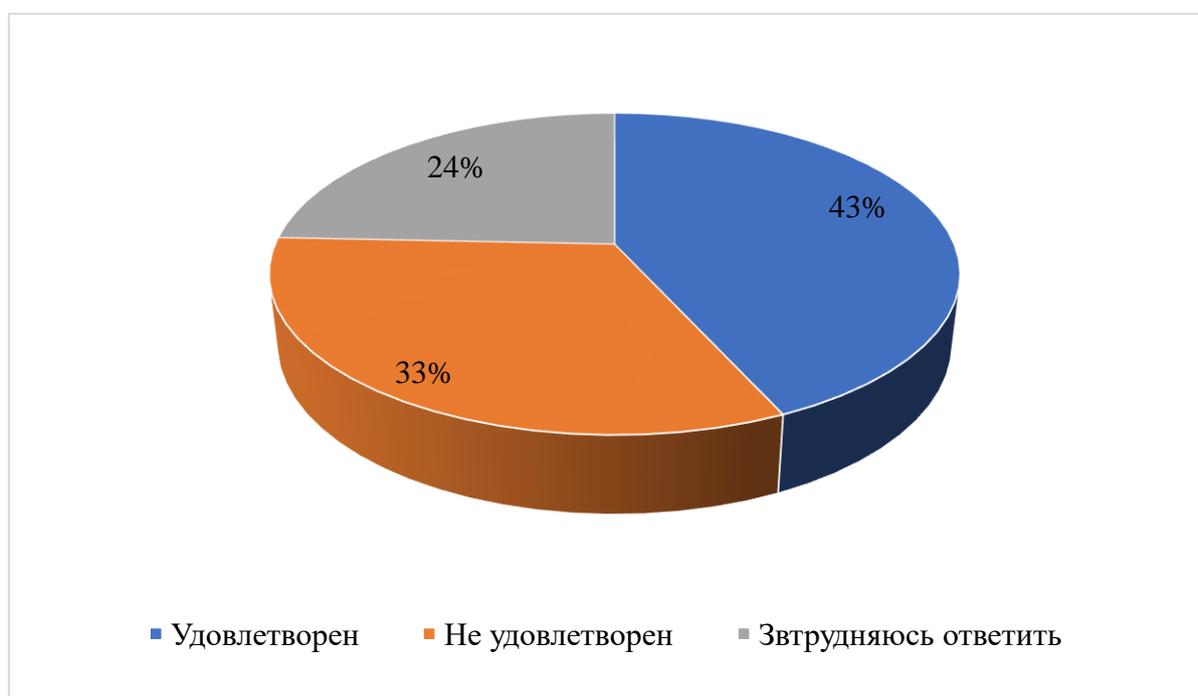

Рис. 1. Распределение ответов работников на вопрос об удовлетворенности системой подбора и развития персонала

Далее целесообразно понять, как долго продолжался период адаптации у сотрудников, и что, по их мнению, показалось наиболее сложным в течение этого периода (рис. 2 и 3).

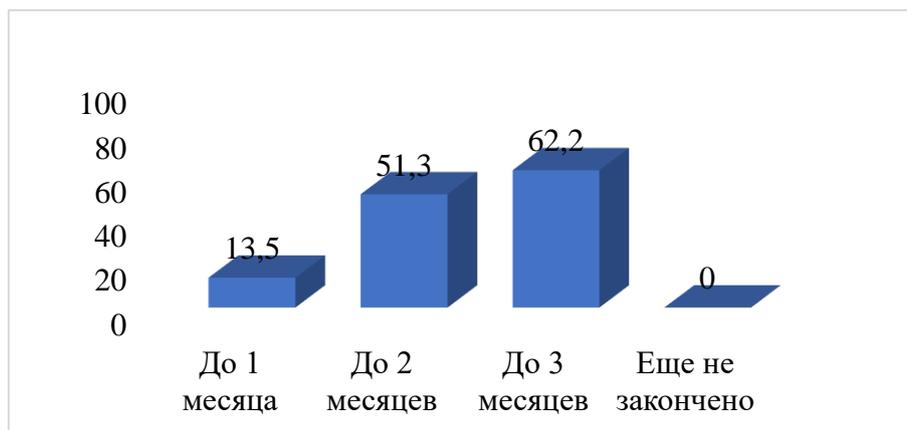

Рис. 2. Распределение ответов работников на вопрос о продолжительности периода адаптации

Более половины работников (62,2 %) указали, что период адаптации продолжался на протяжении трех месяцев. Это, вероятно, связано со спецификой производства данной продукции. У 51,3 % сотрудников период адаптации занял два месяца и у 13,5 % – один месяц.

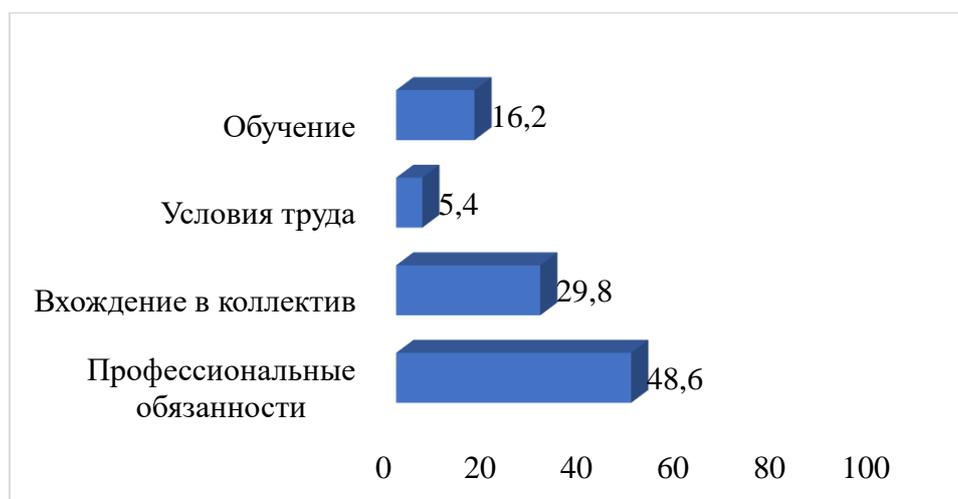

Рис. 3. Распределение ответов работников на вопрос о сложностях, возникающих в период адаптации

В течение периода адаптации самым сложным для работников было выполнение профессиональных обязанностей. Это отметили 48,6 % опрошенных. 29,8 % сотрудников ответили, что трудным было вхождение в коллектив, что можно объяснить одновременным приемом большого количества людей, и необходимостью времени на их знакомство друг с другом. Сложности в обучении явились для 16,2 %, что составляет меньшую долю, по сравнению с предыдущими категориями, хотя обучение производству пластиковых конструкций является непростой задачей. Условия труда в качестве трудностей назвали 5,4 % сотрудников. В процессе исследования мы поинтересовались, что же было не так в условиях труда? Опрошенные указали на необходимость косметического ремонта в цехе, а также на прохладную атмосферу. После опроса администрация приняла обязательство принять соответствующие меры.

Период адаптации у сотрудников занял значительное время, поэтому интересным будет узнать, а обращались ли новые работники в этот период за помощью более опытных коллег, кроме непосредственных наставников (рис. 4).

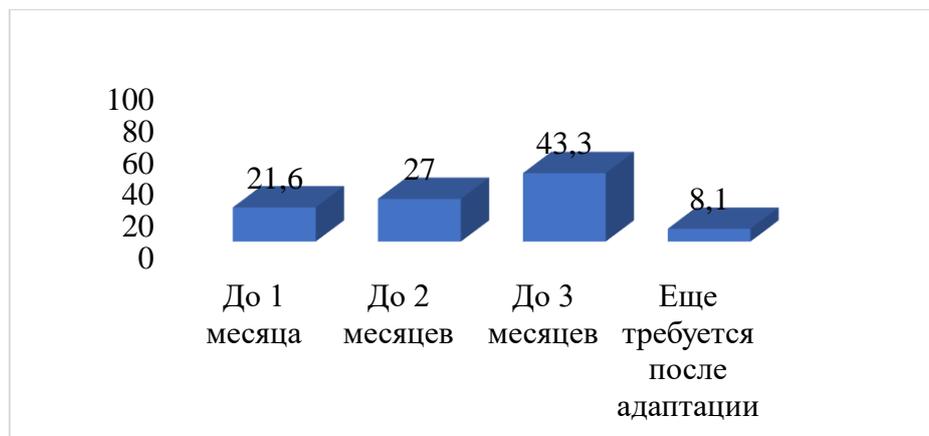

Рис. 4. Распределение ответов работников на вопрос об обращении в период адаптации к опытным коллегам

Более 43 % опрошенных отметили, что в помощи коллег нуждались на протяжении трех месяцев; 21,6 % указали, что до одного месяца (в основном это были работники, занимающие руководящие должности); 27 % опрошенных отметило, что в помощи коллег нуждались первые два месяца; 8,1 % – до сих пор нуждаются в такой помощи. Таким образом, между работниками происходит обмен опытом и оказывается помощь в освоении профессии.

Далее проследим отношение работников предприятия к продвижению внутри организации и к профессиональному росту (рис. 5).

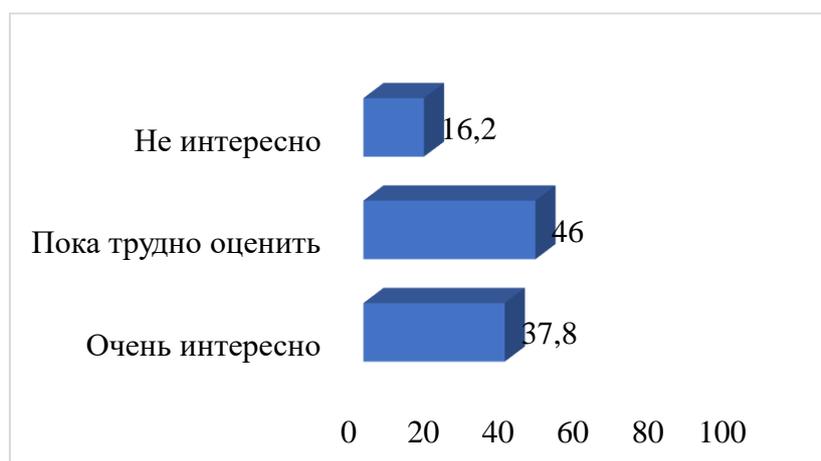

Рис. 5. Распределение ответов работников на вопрос об отношении к продвижению внутри организации и к профессиональному росту

Ответы распределились следующим образом: 46 % опрошенных затрудняются сказать, хотели ли бы они продвигаться по служебной лестнице внутри организации; 37,8 % сотрудников интересуются профессиональным ростом и развитием; 16,2 % ответили, что им это не интересно.

Следующая диаграмма представляет отношение работников к развитию персонала на данном предприятии (рис. 6).

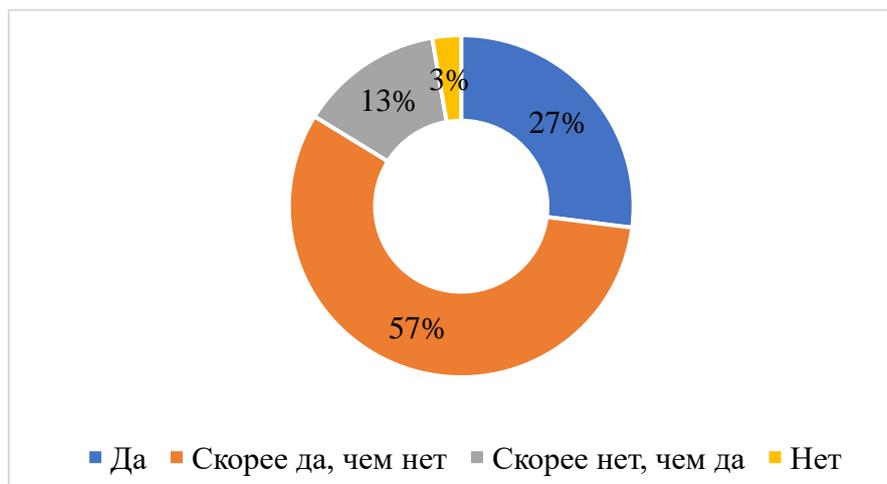

Рис. 6. Распределение ответов работников на вопрос об отношении к развитию персонала

Большинство опрошенных сотрудников (84 %) считают, что мероприятия по развитию персонала являются эффективными; 16 % опрошенных считают, что эти мероприятия являются не сильно важными. Следует заметить, что 70 % затрудняются ответить, то есть сомневаются, а это означает наличие возможности убедить их в необходимости развиваться для самореализации.

Рассмотрим мнения работников по поводу влияния мероприятий, связанных с развитием персонала, на повышение по службе (рис. 7).

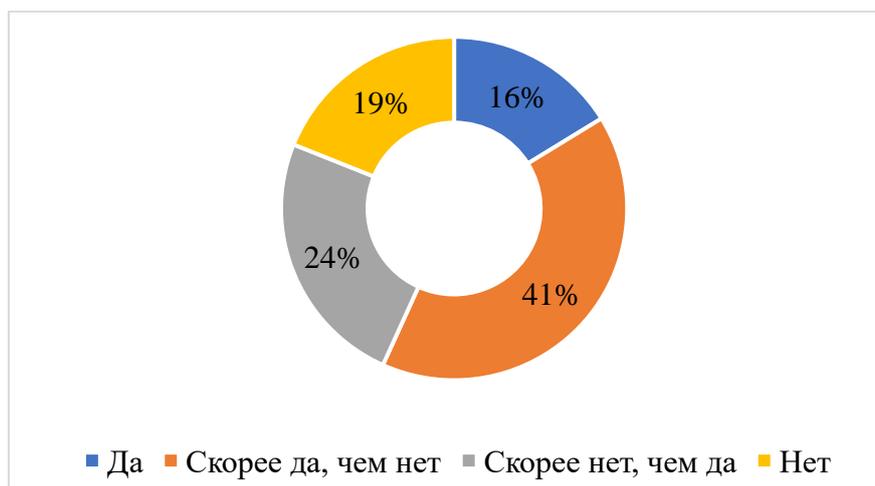

Рис. 7. Распределение ответов работников на вопрос о влиянии мероприятий по развитию персонала на повышение по службе

Мнения разделились практически пополам. 41 % работников считают, что развитие персонала, скорее всего, является фактором назначения на более высокую должность; 16 % опрошенных четко в этом убеждены; 43 % опрошенных все-таки считают, что участие в мероприятиях по развитию персонала не влияет на повышение в должности.

Рассмотрим, как предприятие относится к развитию персонала, какой вклад оно делает для развития собственных сотрудников, существует ли внутрифирменное развитие персонала, и какое внимание этому уделяется (рис. 8).

Рис. 8. Распределение ответов работников на вопрос об отношении руководства предприятия к развитию персонала

Из диаграммы видно, что мнения сотрудников разделились. Около четверти (13,5 % и 10,8 %) считают, что резервы для повышения эффективности труда задействованы; 24,3 % ответили, что большинство внутренних резервов не используется. Более половины опрошенных сотрудников (51,4 %) затруднились ответить. Возможно, они просто не знают об имеющихся внутренних резервах.

Далее представлено распределение мнений работников о статусе развития персонала в организации (рис. 9).

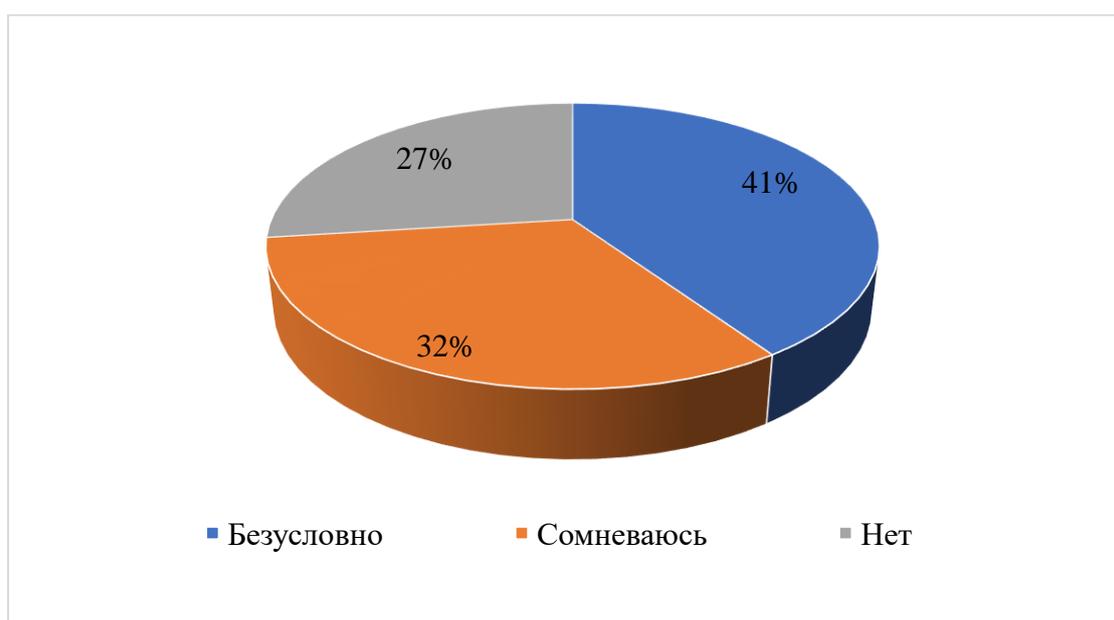

Рис. 9. Распределение мнений работников о статусе развития персонала в организации

Как видно из диаграммы, 41 % сотрудников пришли к мнению, что развитие персонала предприятия является неотъемлемым элементом его деятельности; 31 % опрошенных сомневаются, что неотъемлемый элемент развития заключается в персонале; 27 % не согласны с тем, что развитие, в целом, и обучение, в частности, играет какую-то роль.

На следующей диаграмме представлено распределение мнений работников о том, относятся ли проводимые на предприятии мероприятия к развитию персонала (рис. 10).

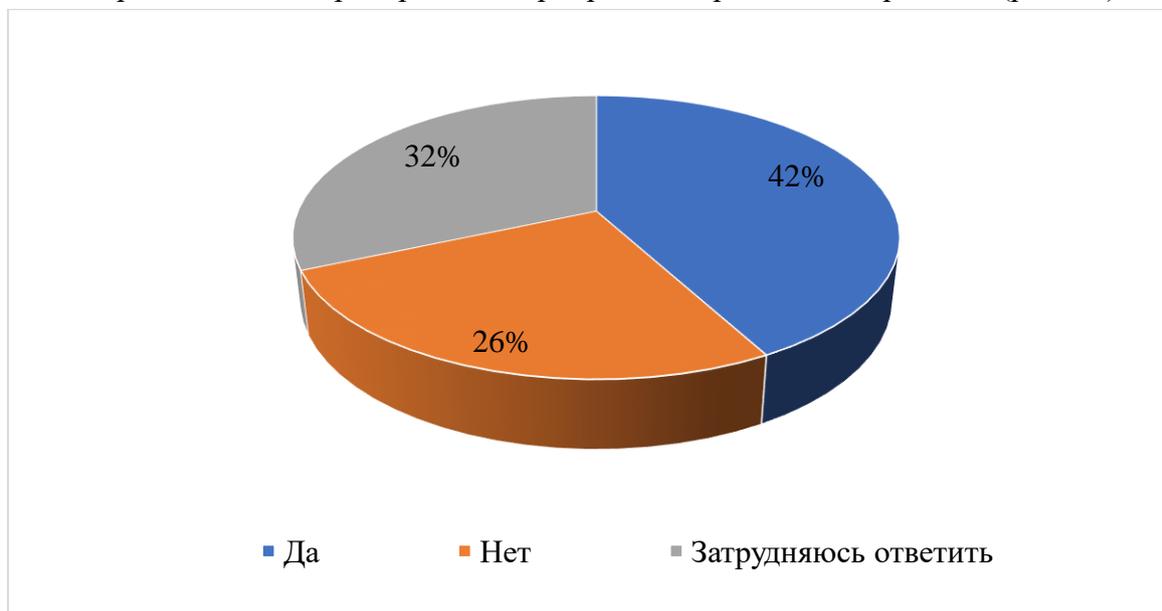

Рис. 10. Распределение мнений работников о том, относятся ли проводимые на предприятии мероприятия к развитию персонала

Данные свидетельствуют о том, что 42 % опрошенных подтверждают проведение на предприятии мероприятий, направленных на развитие персонала; 26 % ответили, что никаких тренингов, связанных с развитием персонала, не проводится; 32 % опрошенных затруднились ответить.

На анализируемом предприятии проводимые мероприятия по развитию персонала в основном направлены на приобретение навыков управления персоналом, обучение работе на новом оборудовании, совершенствованию личностных качеств. Мероприятия проводятся с различной периодичностью – от ежегодных до ежемесячных, в зависимости от того, как часто это требуется работникам.

Таким образом, развитие персонала является неотъемлемой частью системы управления предприятием. Несмотря на различные причины, руководство современных организаций стремится отводить развитию персонала ключевую роль в построении стратегии. Однако, не всегда это проходит в эффективном режиме с точки зрения результатов и затрат на их достижение.

Следует отметить, что развитие персонала является, с одной стороны, неотъемлемой составляющей собственно управления и предстает в виде процедур по работе с людьми (отдельными работниками и коллективами); а с другой, оно представляет собой вполне самостоятельный набор специфических функций, которые на предприятиях выполняют специализированные структурные подразделения.

Исходя из результатов, полученных в ходе исследования, можно выделить следующие. Развитие персонала в организации является важным компонентом системы управления человеческими ресурсами. Именно от данного показателя зависит заинтересованность сотрудников в работе. Значительная часть респондентов затруднялись давать однозначные ответы, отвечали между «да» и «нет». Это говорит о сомнениях в отношении выполняемой работы, недостаточном понимании своего настоящего и будущего на данном предприятии.

Результаты исследования показали, что система развития персонала не является определенно важным компонентом для работников предприятия. Тем не менее, сотрудники готовы к новому, к обучению и повышению своего профессионального мастерства. Однако, в настоящее время руководством предприятия взят курс на экономию затрат и в этой связи расходы на мероприятия по развитию персонала в значительной степени оптимизированы. Это создает риск в обеспечении деятельности квалифицированным персоналом, от которого во многом зависит конкурентоспособность предприятия.

В свою очередь, эффективная реализация форм развития персонала предполагает усилия со стороны не только предприятия, но и работника. Только в этом случае возможно получение положительных результатов и достижение целей деятельности.

Библиографический список

1. Алехина Л. Л. Повышение эффективности функционирования предприятия за счет его оптимального обеспечения человеческими ресурсами / Л. Л. Алехина, Я. С. Кучинова // Научные записки ОрелГИЭТ. 2018. № 2.
2. Анурина Т. М. Технологии работы с кадровым резервом предприятия / Т. М. Анурина, Е. С. Андрианов // Научные записки ОрелГИЭТ. 2013. № 1.
3. Воденко К. В. Управление персоналом: учебник / К. В. Воденко, С. И. Самыгин, К. Г. Абазиева [и др.]; под редакцией К. В. Воденко. 2-е изд. М.: Дашков и К, 2019. 374 с.
4. Кибанов А. Я. Управление персоналом в России: история и современность: монография. Кн. 1 / Под ред. А. Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2017. 240 с.
5. Киселева Г. С. Оценка потребности организации в переподготовке и повышение квалификации кадров // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 2.
6. Ларионов Г. В. Инновационное формирование тенденций управления человеческими ресурсами: монография. М.: Дашков и К, 2014. 160 с.
7. Пихтовников Ю. В. Управление профессиональными квалификациями в нефтегазовом комплексе: монография. М.: Дашков и К, 2016. 206 с.
8. Полтарыхин А. Л. Развитие обучение персонала и оценка эффективности // Научные записки ОрелГИЭТ. 2016. № 6.
9. Чекан А. А. Особенности обучения персонала на различных этапах жизненного цикла организации / А. А. Чекан, Л. В. Матюнин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2018. № 2.
10. Шивырялкина, О. С. Подготовка персонала к развивающей аттестации (на примере ОАО «Ургалуголь») // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 3.

УПРАВЛЕНИЕ В КОММЕРЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

COMMERCIAL SECTOR MANAGEMENT

УДК 339.138

ББК: 65.291.3.

А. В. Бреус, И. М. Кублин

ВЛИЯНИЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ КОМПАНИИ

Бреус Артём Вячеславович – магистрант Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.; e-mail: artembreus@mail.ru

Кублин Игорь Михайлович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и маркетинга Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.; e-mail: ikublin@mail.ru

Аннотация. Сегодня на развитие компании в условиях рыночных отношениях влияет множество факторов, особенно маркетинговые коммуникации. Существует довольно много способов и направлений коммуникаций, которые помогают компании развиваться и продвигать свой бренд. В статье рассматривается понятие маркетинговых коммуникаций, их виды, этапы и направления развития. Описываются основные цели и задачи маркетинговых коммуникаций, а также их влияние на конкурентоспособность компании. Приводится анализ используемых маркетинговых коммуникаций в компании ЕРАМ.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, конкурентоспособность, адресат, информация, кодирование и декодирование информации.

A. V. Breus, I. M. Kublin

IMPACT OF MARKETING COMMUNICATIONS ON THE COMPANY'S COMPETITIVENESS

Artem V. Breus – Master's Student of the Saratov state technical University name Gagarin Yu.A.; e-mail: artembreus@mail.ru

Igor M. Kublin – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and marketing of the Saratov state technical University name Gagarin Yu.A.; e-mail: ikublin@mail.ru

Abstract. Today, the development of the company in the conditions of market relations is influenced by many factors, especially marketing communications. There are quite a few ways and directions of communication that help a company develop and promote its brand. the article deals with the concept of marketing communications, their types, stages and directions of development. The main goals and objectives of marketing communications are described, as well

as their impact on the company's competitiveness. the analysis of used marketing communications in epam company is given.

Keywords: marketing communications, competitiveness, addressee, information, encoding and decoding of information.

Современные компании стремительно развиваются, наращивая свой потенциал, привлекая при этом всё больше клиентов и потребителей. Естественно, для положительной динамики конкурентоспособности необходимо общаться и взаимодействовать со своей аудиторией, в чём компании помогают маркетинговые коммуникации [2, с. 12].

Конкурентоспособность – это способность компании выделяться на фоне других похожих, при этом улучшая свои позиции и свой бренд.

Маркетинговые коммуникации (МК) – это процесс передачи целевой аудитории информации о компании, её бренде, товарах, продуктах и услугах. Мониторинг коммуникационной деятельности компании в области маркетинга возможно осуществлять с использованием системного и информационного подходов, которые активно применяются в отечественных исследованиях [4, 10, 11]. Системный подход предполагает учет и особенности не только организации и структуры компании, но и выявление факторов внешней среды, оказывающей определяющее воздействие на ее работу. Кроме этого, необходимо учесть обратную связь элементов коммуникационного пространства, что позволяет усилить эффекты управления маркетинговыми процессами [8].

Можно сказать, что МК состоят из нескольких элементов, представленных на рисунке 1.

Рис. 1. Элементы маркетинговых коммуникаций

Дадим каждому элементу небольшое определение:

- инструменты – каналы донесения информации до аудитории компании;
- источник – компания, которая распространяет информацию;
- адресат – целевая аудитория;
- информация – то, что компания желает донести до адресата;
- кодирование информации – представление информации в различных форматах, в зависимости от инструментов (видеоролик, баннер, реклама на сайтах и т.д.);
- декодирование – результат кодирования информации (обратная связь от потенциальной аудитории).

Если говорить о задачах маркетинговых коммуникаций, то можно выделить следующие:

- формирование лояльного отношения аудитории к компании, её продукции, товарам и услугам;
- создание узнаваемости компании;
- донесение информации до потребителей, пользователей и потенциальной аудитории;
- стимулирование аудитории в определённом месте и времени;
- указание на индивидуальность компании и её положительные отличия от конкурентов.

Сам процесс коммуникации состоит из нескольких этапов, которые показаны на рисунке 2.

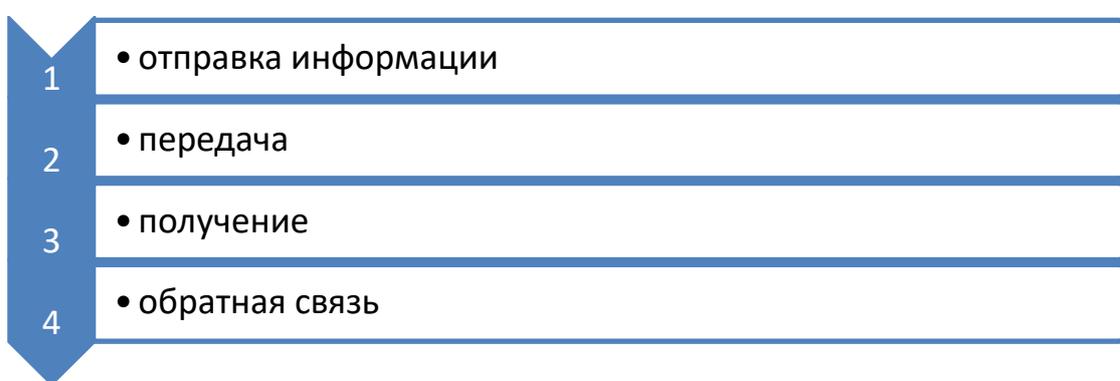

Рис. 2. Этапы коммуникации

Именно на 1 этапе происходит кодирование информации по различным направлениям, которые показаны на рисунке 3.

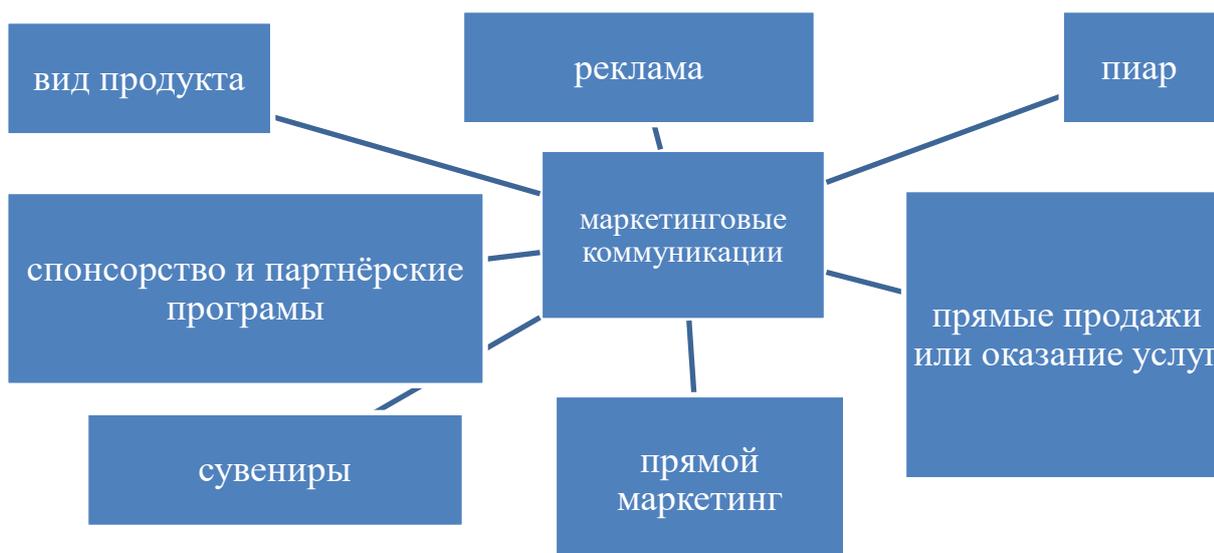

Рис. 3. Направления маркетинговых коммуникаций

Развиваясь во всех выше перечисленных направлениях, компания может конкурировать с другими. Цель данной конкуренции – выявить новые потребности и предложить способы их удовлетворения [9].

Постоянное совершенствование всех направлений маркетинговых коммуникаций является залогом создания сильной конкуренции для других компаний [6], а также продвижения продукции и услуг компании на рынке и узнаваемость бренда.

Несомненно, перед компанией стоят сложные задачи, такие как:

- выявление и моделирование наиболее эффективных коммуникаций на текущий период [5, с. 731];
- анализ закономерностей использования инструментов маркетинговых коммуникаций;
- градация потенциальной аудитории;
- оценка каждого из направлений маркетинговых коммуникаций;
- направленность и своевременность коммуникаций;
- развитие каждого направления.

Рассмотрим маркетинговые коммуникации на примере компании ЕРАМ (Саратов).

Компания ЕРАМ использует следующие направления маркетинговых коммуникаций:

1. **Сайт eram-group.ru.** На данном сайте представлена общая информация о компании, услугах, карьерном росте, подходах, идеях и проектах в России, в том числе о саратовском филиале. Представлена деятельность компании (консалтинг, дизайн, разработка, управление и оптимизация), а так же один из главных девизов, показанный на рисунке 4.

2.

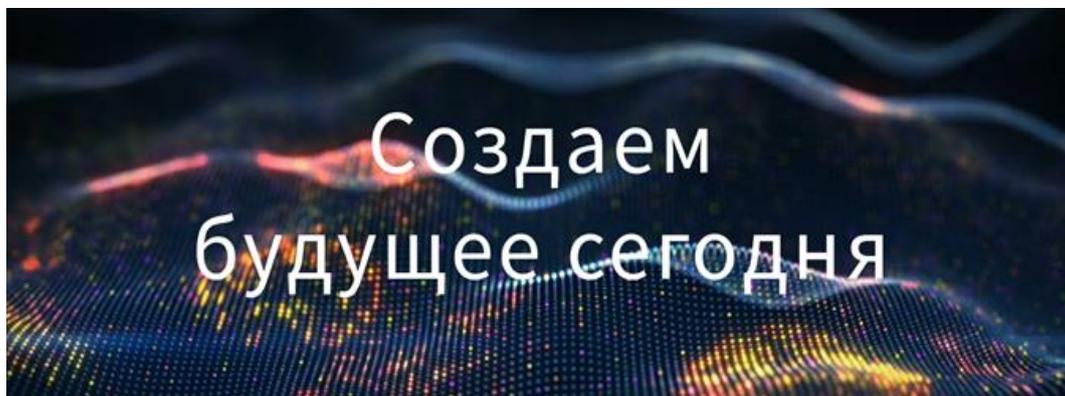

Рис. 4. Девиз компании

Необходимо отметить, что на сайте присутствуют контакты для связи с определёнными направлениями: карьера, инвесторы, медиа, сотрудничество, стать клиентом, органы власти [7]. Соответственно, так компания может коммуницировать с физическими и юридическими лицами.

3. **Сотрудничество с ВУЗами.** Стоит отметить, что компания уделяет огромное внимание будущим специалистам в сфере IT, создавая свои лаборатории на базе университетов и институтов, что является непосредственной коммуникацией с возможными потенциальными

сотрудниками [1; 3]. В период с 2018 по 2020 год в компанию пришло 15 практикантов и стажёров. Рассмотрим прохождение практики студентами и стажёрами в период 2018- 2020 годов (рис. 5).

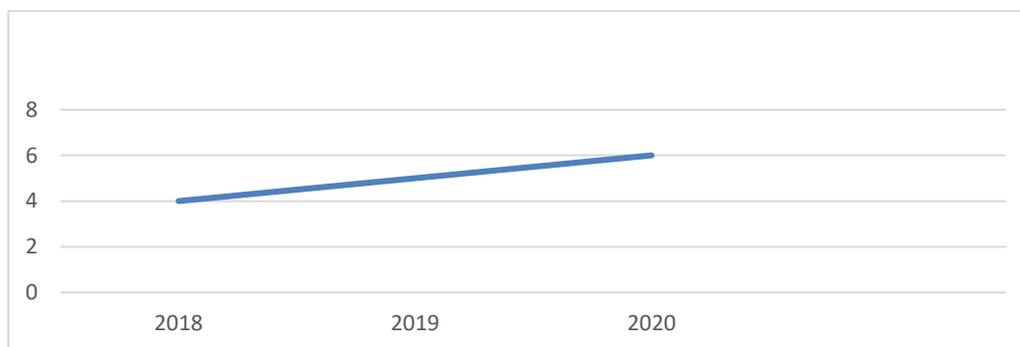

Рис. 5. Динамика прохождения практики и стажировки

На сегодняшний день саратовский офис принимает в практиканты и стажёры студентов из Саратовского Государственного Технического Университета (СГТУ) и Саратовского Государственного Университета. Подготовка студентов в университете ведётся по 65 образовательным программам.

Совместно с партнёрами из Института электронной техники и машиностроения ЕРАМ проводит открытые лекции, квизы, соревнования, а также организует прохождение летней практики. У студентов СГТУ есть возможность пройти обучение в тренинг-центре ЕРАМ по любому доступному направлению. Важно понимать, что все указанные коммуникационные формы маркетинговой деятельности формируют пространство культуры образования, выявляя ценности и смыслы как маркетинговой, так и образовательной деятельности [9, с. 196].

Если говорить о СГУ, то по совместной инициативе СГУ и ЕРАМ в 2010 году на базе факультета компьютерных наук и информационных технологий была создана базовая кафедра, на которой проводят занятия сотрудники компании ЕРАМ. А с 2014 года функционирует совместная лаборатория. Основные направления обучения: разработка приложений на платформе .NET, разработка веб-приложений, Java-программирование. Также проводятся различные мероприятия для студентов – Tech Talks, Code Battles, летняя практика.

4. Карьера в ЕРАМ. Компания на данный момент развивается и набирает обороты, соответственно растёт и штат сотрудников. При найме кандидатов рекрутер так же доносит информацию о компании и основных её ценностях. В нынешних реалиях немаловажно кандидатам заявить о себе, оставив свои данные и резюме, что можно сделать и на сайте компании. Следовательно, если человек в поисках работы, то данный способ коммуникации будет эффективным. В компании представлен широкий спектр развития для любых подразделений и уровней сотрудников. Несомненно, пути и возможности развития в компании являются сильным конкурентным преимуществом на рынке. На рисунке 6 показаны основные направления роста сотрудника компании.

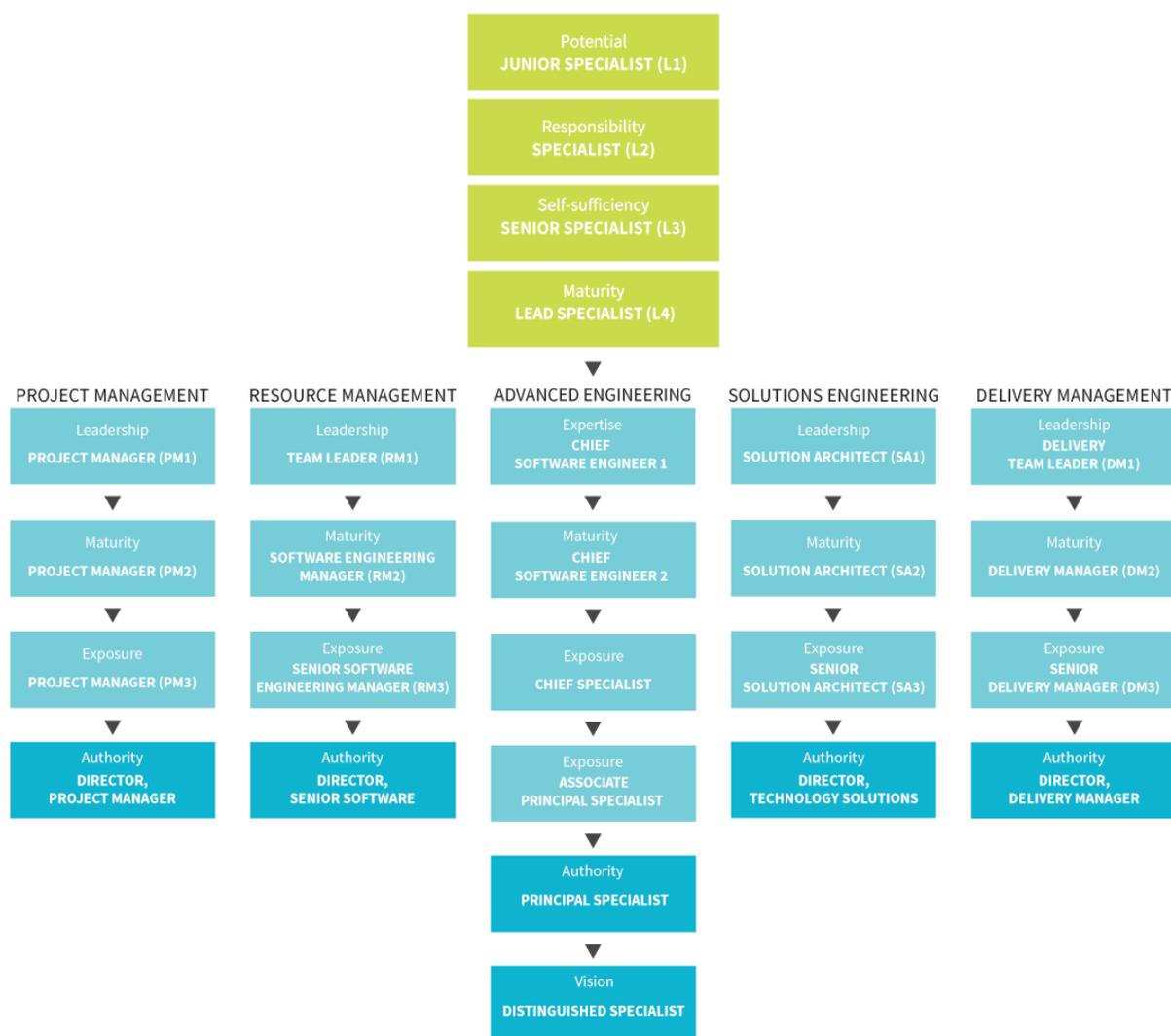

Рис. 6. Карьерный путь в EPAM

5. Проведение встреч и митапов. Конечно, в условиях нынешней пандемии EPAM не проводит очных тренингов и встреч. Однако существует множество онлайн-конференций, где освещаются различные темы. Совсем недавно прошли такие вебинары как: Трансформация после Agile: что дальше?, Escape – essential Skills, Хакатон: EPAM Startup Jam, Цифровой офис будущего и другие. На данных вебинарах можно прокачать свои hard и soft скиллы, где специалисты делятся своими знаниями, что является прямой коммуникацией с людьми [12]. Именно такие конференции и вебинары могут способствовать увеличению аудитории компании.

6. Корпоративные сувениры и продукция. Каждый сотрудник имеет свой набор продукции от компании, часть которой получает при старте, часть после определённого времени. Необходимо отметить, что вся сувенирная продукция является качественной и несёт в себе стилистику компании. Данная продукция полезна в быту и всегда напоминает сотрудникам о своей работе. Рассмотрим ситуацию, что разработчик может взять свой рюкзак от компании и пойти куда-либо. При этом люди вокруг могут обратить внимание на бренд, где может возникнуть вопрос: «А что это за бренд?», что приведёт к знакомству с компанией и, возможно, к сотрудничеству.

7. **Сотрудничество с партнерами.** ЕРАМ сотрудничает с известными компаниями в различных направлениях: банки, медицина, образование, телекоммуникации, производство и т.д. Конечно, сотрудничество является способом коммуникации с обществом в целом. Для этого необходимо сформировать представление об основных направлениях проектов (рис. 7).

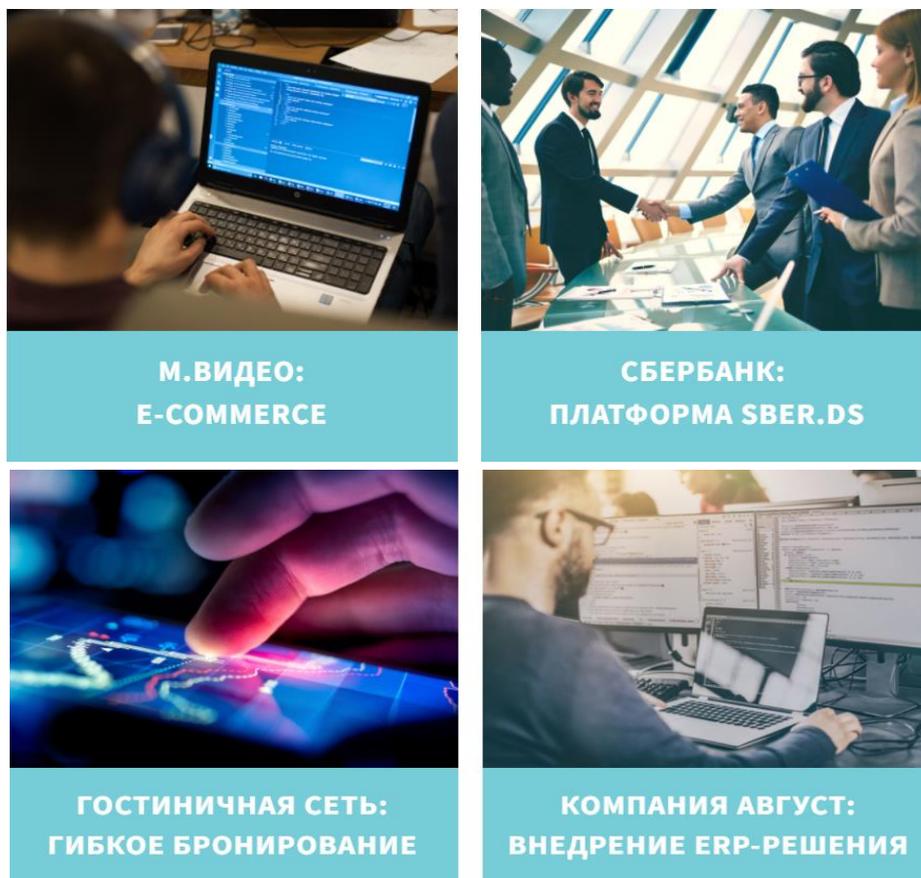

Рис. 7. Основные направления проектов

В целом же все маркетинговые коммуникации способствуют увеличению числа сотрудников компании, о чём говорит рисунок 8.

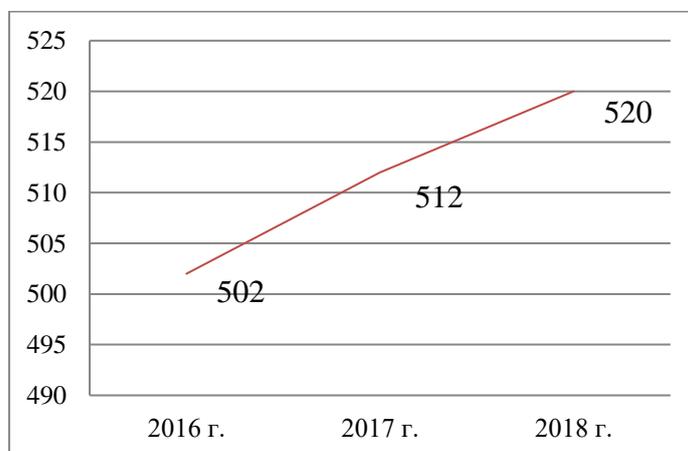

Рис. 8. Динамика численности персонала саратовского филиала ЕРАМ за 2016–2018 гг., чел.

При коммуникации с аудиторией необходимо всегда следовать целям и установкам компании, чётко и своевременно доносить информацию до потребителя и пользователя услуг.

Безусловно, в современных реалиях каждая компания должна коммуницировать с людьми и доносить свой посыл, при этом необходимо понимать, что любая коммуникация может порождать новую, тем самым увеличивая аудиторию компании.

Таким образом, выполнение и учёт всех факторов и задач, поставленных перед компанией, поможет ей улучшить свои позиции на рынке, донести информацию до аудитории, перевести потенциального клиента в потребителя.

Библиографический список

1. Балабай С. В. Ноосферная концепция образования // Наука и общество. 2019. № 2 (34).
2. Бурмистрова И. К., Кублин И. М. Рынок B2B – современные формы сотрудничества и развития // Наука и общество. 2018. № 2 (31).
3. Демидова Е.И. Образование в условиях цифровизации // Экономическая безопасность и качество. 2019. № 3 (36).
4. Демидова Е. И., Захаров А. В., Ефимова Е. А. Бедность как социальная проблема российского общества // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 5 (59).
5. Ивер Н. Н., Кублин И. М., Максаев А. А. Современные маркетинговые инструменты управления качеством продукции и услуг: стратегии, подходы и проблемы // Экономика и предпринимательство. 2019. № 5 (106).
6. Кублин И. М., Санинский С. А. Маркетинговые подходы к организации информационных процессов // Наука и общество. 2015. № 2 (21).
7. Митрохина Т. Н., Баскакова Ю. М. Индексный анализ в сравнительной политологии // В сборнике: Современное общество: человек, власть, экономика. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002.
8. Официальный сайт EPAM Systems, Inc. URL: <https://www.epam-group.ru> (дата обращения: 07.12.2020).
9. Тетюев Л. И., Балабай С. В. Пространство культуры современного образования: философско-педагогические основания // Власть. 2019. Т. 27. № 5.
10. Учаев А. Н. Либеральный прагматизм. Реализация военного, политического и экономического потенциала Канады в годы Второй мировой войны. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. 332 с.
11. Учаев А. Н., Учаева Н. А. Финансовая специфика развития и функционирования военного производства Канады в годы Второй мировой войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 1 (80).
12. Шорина А. А. Сформированность рефлексивных умений как условие эффективности организационных решений // Изменяющийся мир: общество, государство, личность. Сборник материалов IV международной научной конференции. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 103–109.

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHY OF POWER AND MANAGEMENT

УДК 339.138

ББК 65.291.3

С. В. Балабай, А. А. Манаев

БРЕНД И ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ: ТРУДНОСТИ ДИАЛОГА И ВОЗМОЖНОСТИ КОММУНИКАЦИИ

Балабай Светлана Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии Саратовского государственного технического университет имени Гагарина Ю. А.; e-mail: narrativ63@mail.ru

Манаев Арсений Андреевич – магистрант кафедры экономики и маркетинга Саратовского государственного технического университет имени Гагарина Ю. А.; e-mail: manaev1998@mail.ru

Аннотация. Современная трансформация коммуникации бренда с целевой аудиторией напрямую зависит от тщательного анализа целевой аудитории, выбранных каналов коммуникации и грамотно сформированного сообщения. С появлением всё большего количества брендов, окружающих нас, расширяется степень воздействия и уровня вовлеченности целевой аудитории в коммуникацию с брендами. На этом фоне раскрываются новые возможности коммуникации, новые каналы распространения и налаживания коммуникации, а также коммуникация с позиции бренда становится более удобной для целевой аудитории [1, с. 48]. Цифровые технологии и выход маркетинга на новый, цифровой и информационный уровень открывают всё более совершенный, удобный и технологически доступный инструментарий для построения эффективного взаимодействия бренда, усиливая его влияние посредством грамотно построенной и развитой коммуникации с целевой аудиторией. В данной статье коммуникация рассматривается с позиции взаимодействия бренда с целевой аудиторией [6, с. 9]. В процессе исследования представлены как базовые концепции и принципы коммуникации, так и перспективные, активно развивающиеся каналы коммуникации, постепенно внедряющиеся в нашу повседневную жизнь, давая тем самым новые возможности брендам для своего роста.

Ключевые слова: коммуникация, бренд, целевая аудитория, взаимодействие бренда с целевой аудиторией, коммуникация бренда, современная коммуникация, цифровой маркетинг.

S. V. Balabay, A. A. Manaev

BRAND AND TARGET AUDIENCE: DIFFICULTIES OF DIALOGUE AND COMMUNICATION OPPORTUNITIES

Svetlana V. Balabay – Candidate of philosophy, associate Professor, associate Professor of the Department of Economics and marketing, Saratov state technical University name Gagarin Y. A.; e-mail: narrativ63@mail.ru

Arseny A. Manaev – graduate student of the Department of Economics and marketing, Saratov state technical University name Gagarin Y. A.; e-mail: manaev1998@mail.ru

Abstract. The modern transformation of brand communication with the target audience directly depends on a thorough analysis of the target audience, selected communication channels and a well-formed message. With the appearance of more and more brands around us, the impact and level of engagement of the target audience in communication with brands is expanding. Against this background, new communication opportunities are revealed, new channels of distribution and communication establishment, as well as communication from the brand position becomes more convenient for the target audience [1, p. 48]. Digital technologies and the emergence of marketing to a new digital and informational level open up more and more perfect, convenient and technologically accessible tools for building effective brand interaction, strengthening its influence through well-built and developed communication with the target audience. In this article, communication is considered from the perspective of brand interaction with the target audience [6, p. 9]. The research presents both basic concepts and principles of communication, as well as promising, actively developing communication channels that are gradually introduced into our daily lives, thereby giving new opportunities for brands to grow.

Keywords: communication, brand, target audience, brand interaction with target audience, brand communication, modern communication, digital marketing.

Введение. Актуальность темы обусловлена нарастающим количеством брендов, окружающих нас и налаживающих коммуникацию с нами на протяжении всей нашей сознательной жизни. По этой причине каждому бренд-менеджеру необходимо понимать насколько мощным инструментом является коммуникация, в том числе и ее новые каналы. Современные технологии сильно упростили коммуникацию в восприятии потребителей, но вместе с тем, построение коммуникации бренда становится всё более сложной задачей, ведь необходимо учитывать гораздо больше факторов, условий и возможностей коммуникации для успешного построения взаимодействия с целевой аудиторией.

В статье предметом рассмотрения является возможности коммуникации при взаимодействии бренда с целевой аудиторией, а также формирование представления о новых каналах коммуникации и их особенностях.

Обсуждение. Бренддинг, как и сама концепция бренда с течением времени претерпели массу изменений. Характер их сообщений, основной посыл и методы взаимодействия постоянно менялись, но цели оставались неизменными – налаживание отношений и донесение до целевой аудитории желаемого сообщения, правильной трактовки этого сообщения и в последствии получение желаемого действия в отношении бренда или товара (покупка, закрепление информации в сознании людей или формирование новой потребности) [5 с. 111].

Абсолютно любой компании, будь то продавцу, производителю или исполнителю определённых услуг необходимо правильно и грамотно налаживать контакты со всеми своими потребителями [9, с. 106], как настоящими, которые уже осведомлены и пользуются услугами и продуктами бренда, так и потенциальными клиентами.

Методы исследования. В процессе исследования использовались следующие методы: монографический, кластерного анализа, синтеза и другие общенаучные методы.

Результаты исследования. В данной работе фокус внимания переведен на аудиторию, неосведомленной о продукте, его свойствах и качествах. Такую аудиторию можно рассматривать как потенциальная аудитория бренда.

Стандартными шагами к привлечению внимания к товару (продукту, бренду или услуге) можно выделить:

- информирование через СМИ своей целевой аудитории посредством источников и распространителей информации;
- налаживание доступной и широкой сети дистрибуции товаров;

- использование линейки маркетинговых инструментов (наружная, нативная и скрытая реклама, организация мероприятий и фестивалей) [8, с. 732];
- настройка партнёрских контактов, подразумевающих предоставление сэплов и готовых продуктов партнёрам на условиях рекламы;
- выход на прямое взаимодействие с потребителями с целью получения обратной связи [7].

Всё перечисленное не обходится без наличия коммуникации в этих процессах. Она происходит посредством большого количества элементов: миссии бренда, его девизов и слоганов, логотип, фирменного стиля и т.д. Всё это и формирует ключевую структуру сообщения бренда и его содержание в восприятии потребителей. Залог успеха сообщения заключается в тщательном выборе конкретного сегмента.

Главная задача коммуникации в бренд-менеджменте заключается в формировании положительного мнения о бренде, продукте или предоставляемой услуге. При этом, эффективная коммуникация должна строиться исходя из как можно тщательного анализа целевой аудитории, как настоящей, так и потенциальной. Необходимо ставить себя на место целевой аудитории, знать о ней всё, об её предпочтениях и желаниях, проблемах и заботах [10, с. 53]. Имея на руках подробно составленный портрет потребителя, бренду проще прогнозировать и понимать потенциальную реакцию на сообщение и в последствии достигать целевого действия. Вместе с тем, налаживая общение с целевой аудиторией, нужно понимать, что этот процесс в последствии должен быть постоянным, с получением обратной связи, так как мнения, мода, спрос и настроения склонны к изменчивости. Из этого вывода выходит первый этап разработки коммуникации.

Например, компания BMW достигла в 2020 году лидерства на российском рынке автомобилей в премиум-сегменте, достигнув отметки в 34,2 тыс. автомобилей на 30 сентября 2020 года, показав при этом рост объемов продаж на 1 % по сравнению с тем же сроком в 10 месяцев за 2019 год. Данный объём составляет около 30 % всех продаж в данном сегменте, что гораздо выше ближайших конкурентов в лице Lexus (15,9 тыс. шт.) и Mercedes-Benz (30,1 тыс. шт.).

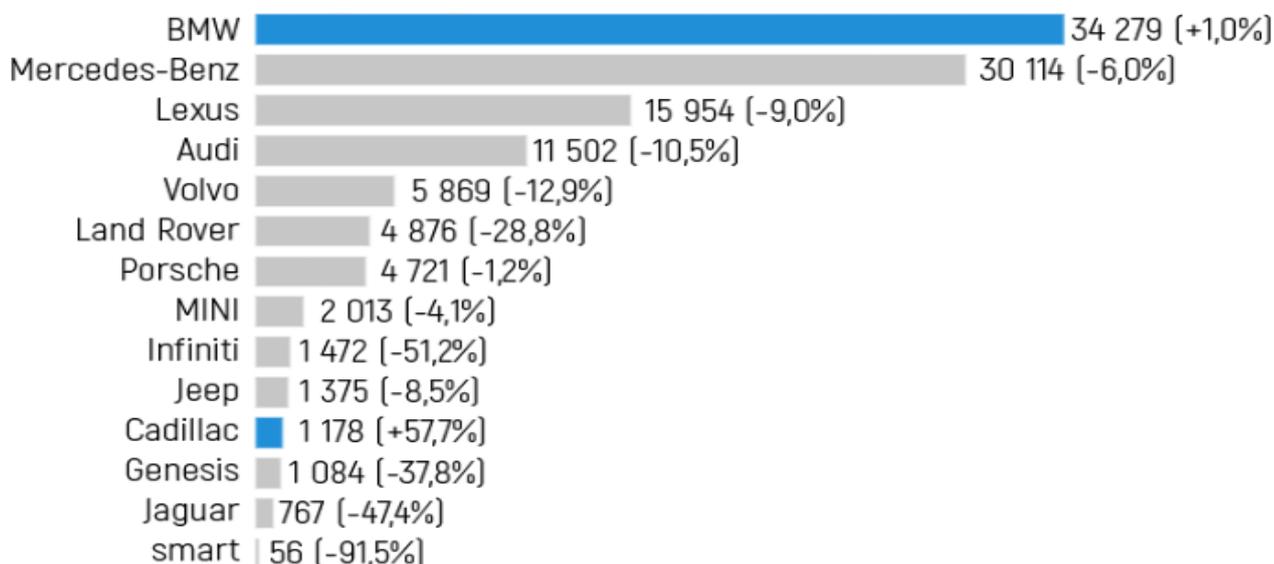

Рис. 1. Статистика продаж автомобилей премиум-сегмента по данным на 30 ноября 2020 года

Благодаря эффективным рекламным кампаниям вместе с грамотным позиционированием новых и обновлённых моделей автомобилей и были достигнуты высокие показатели продаж даже невзирая на повышение цен. Анализ и понимание целевой аудитории, следование трендам в построении коммуникации и взаимодействии с аудиторией позволило компании выпустить весьма успешный кроссовер BMW X7 в сегменте полноразмерных премиум-кроссоверов, где больше 10 лет доминировал Mercedes-Benz со своим GL-классом. Продвижение в социальных сетях, помощь и техническая поддержка клиентов в соответствии с ожидаемым качеством сервиса дали возможность не только стать лидером, но и единственным брендом из лидеров, кто показал положительную динамику продаж на фоне кризиса в стране.

После определения аудитории, следующим этапом является прогнозирование реакции целевой аудитории на сообщение, в ходе которого определяется предпочтительная модель поведения. В большей степени прогнозирование основывается на данных подробного портрета потребителя. Чем лучше и детальнее будет сформирован портрет, тем проще понять основные мотивы потребителей и их потенциальную реакцию, её быстроту и получение обратной реакции. Самым благоприятным и целевым исходом, который рассматривается при прогнозировании является совершение покупки или же иное необходимое действие.

На третьем этапе выбирается вид обращения, т.е. определяется то, каким будет обращение: текстовым, печатным, визуальным, аудио-обращение или видео-обращение, и как отдельный вид – интернет-обращение к пользователям.

Четвёртым этапом в ходе разработки становится процесс выбора каналов коммуникации, т.е. средств, посредством которых будет происходить взаимодействие с потребителями.

После прохождения всех вышеуказанных этапов, обращение транслируется потребителям и таким образом налаживается коммуникация, где одним из ключевых эффектов является обратная связь, играющая большую роль во взаимодействии бренда с целевой аудиторией.

Существует большое множество классификаций и категорий каналов коммуникации, поэтому представить все будет весьма проблематичной задачей. Остановимся на самых распространённых каналах коммуникации:

- коммуникация посредством СМИ;
- стимулирование сбыта;
- наружная реклама;
- социальные сети: таргетинг, размещения у лидеров мнений на известных платформах, работа с группами и каналами в мессенджерах;
- торговые и партнерские точки: открытие своих или размещение в чужих локациях с учетом потоков аудитории;
- мобильные приложения: доступ к вашему продукту, баллы из программы лояльности в приложениях партнеров;
- интернет-реклама и продвижение: SEO, контекстная реклама, RTB-системы, сайт и т.д.

Процесс выстраивания коммуникации бренда с целевой аудиторией неминуемо претерпел изменения на фоне изменений как средств связи и коммуникации (тотальная цифровизация общества), так и самого общества. Во многом это породило новый способ эффективного взаимодействия – омниканальность. Суть заключается в создании общей системы разных ка-

налов, которые действуют в связке. Например, посты в социальных сетях, интеграции в тематических роликах и подталкивающие к действию контекстные рекламные баннеры. Потенциальный потребитель, увидев и декодировав сообщение, транслируемое в ролике о бренде, переходит по контактам в социальные сети, где происходит новый виток коммуникации – потребитель анализирует состояние сети, проводит собственный мониторинг и находит точки соприкосновения [12, с. 39].

Так можно сформировать новое требование к коммуникации бренда с целевой аудиторией. Бренд должен быть «живым», настоящим и не прикрываться кричащими лозунгами, не представляя из себя по сути ничего, что отличало бы его от сотен других. На этой почве возникает необходимость более плотного взаимодействия и общения с потребителем [4, с. 13].

Бренд должен стать своего рода другом. Не тем, кто в глазах потенциального потребителя закрывает потребность, а тем, кто решает в первую очередь проблему, которую сам потребитель может не замечать. Так возникают доверительное отношение, чувство заботы и внимания к себе, что весьма нетипично для рядовых брендов, ограничивающихся простым набором устаревших правил ведения диалога с целевой аудиторией [2, с. 105].

Современные брендинговые агентства направляют свои усилия на формирование личности бренда, разработку его характера и эмоциональных реакций на действия целевой аудитории. Всё это выводит бренд на новый уровень взаимодействия, делая коммуникацию более глубокой и интересной. К примеру, бренд Adidas ведёт собственную страничку в сети Instagram. Если пользователь выкладывает фото с отметкой профиля Adidas под своей фотографией, есть шанс что менеджеры по социальным сетям заметят эту отметку и добавят её в профиль бренда, предварительно спросив разрешение у пользователя. В последствии, данное фото может оказаться на официальном сайте Adidas, выступая в роли демонстрации пользовательского опыта от ношения одежды определённой модели. Таким образом бренд становится ближе к постоянным клиентам и потенциальным покупателям, показывая, что он на одной волне с ними и готов делиться фото так же как они со своими друзьями в социальных сетях.

Новым трендом в коммуникациях брендов с целевой аудиторией стало активное применение чат-ботов для общения с клиентами. С одной стороны, это несколько противоречит концепции «живого бренда» и «живой коммуникации» в буквальном смысле, но данный канал коммуникации и возникшие впоследствии новые алгоритмы разработки вполне позволяют налаживать эффективный канал коммуникации.

Изначально чат-боты представляли собой не более чем фильтр-помощник, помогающий пользователям решить незначительные вопросы, возникающие в процессе «общения» с брендом. Если проблема не решалась, то происходило подключение к процессу коммуникации сотрудника-представителя бренда [11, с. 17].

Впоследствии, данная концепция не ограничилась на обычной схеме помощи-консультации, а развилась в сложную систему с широким функционалом и областями применения, начиная от полноценного обеспечения работы официальных мессенджеров и заканчивая ведением полноценных диалогов, цель которых спровоцировать представителя целевой аудитории на нужное бренду действие в процессе коммуникации (оформление заказа, связь с представителем, получение информации по продукту бренда). Проведение конкурсов как ещё один способ коммуникации с целевой аудиторией так же входит в инструментарий чат-ботов и потенциально способен не только привлекать новых участников, но и подогревать интерес новых

пользователей простотой участия и высокой степенью интерактивности. Несмотря на все плюсы, в этой механике есть и недостатки. Зачастую пользователи после оглашения результатов конкурса отписываются от канала или странички бренда, неудовлетворённые результатом. В виду этого эффективность такого приёма в качестве привлечения новых клиентов со временем снижается. Также, алгоритм чат-ботов иногда сбивается и некорректно работающий бот может вызвать только негатив и неудобства для пользователя, которому нужна информация здесь и сейчас.

Таким образом можно сформировать общие тенденции коммуникации бренда с целевой аудиторией в современных условиях. В первую очередь это характеризуется цифровизацией процессов. Проникновение брендов в жизни людей происходит стремительно и незаметно благодаря смартфонам, социальным сетям и менеджерам, что открывает новое поле для возникновения совершенно новых форм взаимодействия потребителей с брендом. Малым, а в особенности крупным брендам просто необходимо «держать руку на пульсе» и следовать трендам (безусловно, если концепция бренда позволяет такое развитие, и оно не ограничено идеологическими рамками), так как это позволяет лучше понимать, анализировать и разрабатывать новые стратегии работы с целевой аудиторией. Коммуникация становится постоянным явлением даже в отсутствии триггеров, так как принимает всё более непринуждённый, свободный и открытый характер.

Однако, вместе с тем привлекается не только новая аудитория, но и возникают негативные эмоции и отношение со стороны старых, консервативных потребителей, которым трудно воспринимать новый формат и каналы коммуникации [3, с.112].

Заключение. Некоторые просто не готовы к таким изменениям и каждому бренду необходимо оставаться в рамках той целевой аудитории, на которую он изначально ориентировался, не привнося инновационные и новые решения в коммуникацию, которые способны оттолкнуть постоянных клиентов и привести компанию к кризису. Безусловно, новые тренды в развитии коммуникации находятся в экспериментальном положении и требуют определённой обкатки, но вместе с тем каждому бренду стоит оставаться в поле зрения постоянно технологически развивающегося общества, дабы товары и услуги находили своего конечного потребителя, а бренд развивался и усиливал свои позиции. Коммуникация как инструмент является сильным и эффективным не только в отношении взаимодействия крупных брендов со своей целевой аудиторией, но и небольшие бренды так же должны использовать коммуникацию и налаживать её для большего привлечения новых пользователей к новой марке.

Библиографический список

1. Аракелова И. В. Анализ и оценка эффективности современных программ лояльности потребителей // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. № 17 (120).
2. Балабай С. В., Ежов О. Н. Философско-методологические аспекты темпорального подхода в социологии // Наука и общество. 2020. № 1 (36).
3. Балабай С. В., Ежов О. Н. Концепция человеческого капитала: ценностно-темпоральный подход // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. 2019. № 3 (51).

4. Бурмистрова И. К., Кублин И. М. Актуализация проблемы моделирования управления инновационным развитием на современном этапе функционирования экономики // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 1 (05).
5. Габинская О. С. Маркетинговые коммуникации. М.: Academia, 2018. 368 с.
6. Глухов С. А., Плеханов С. В. Формирование лояльности потребительских предпочтений торгового предприятия // Социальные науки. 2020. № 2 (29).
7. Дроздова Ю. А. Территориальные общности в условиях социальной турбулентности // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 1. URL: https://old.vlgrganepa.ru/files/izd/paradigmi/Parad_N1.pdf
8. Ивер Н. Н., Кублин И. М., Максаев А. А. Современные маркетинговые инструменты управления качеством продукции и услуг: стратегии, подходы и проблемы // Экономика и предпринимательство. 2019. № 5 (106).
9. Матковская Я. С. О рынке G2B: генезис и перспективы // Маркетинг. 2011. № 4 (119).
10. Нижегородцев Р. М., Горлевская Л. Э., Секерин В. Д. Современные методы анализа целевой аудитории рекламного рынка // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2013. № 3.
11. Пилявская М. М., Гаврилова И. М. Омниканальность – стратегия реализации товара // Инновационное развитие легкой и текстильной промышленности / сборник материалов Всероссийской научной студенческой конференции. М.: Издательство: Московский государственный университет дизайна и технологии. 2016. С. 16–18.
12. Семенова О. С. Интернет-брендинг и маркетинговые коммуникации в развитии брендов организации // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2017. № 4.

УДК 159.955

ББК 87.153.4

В. В. Ляшов

ОТ «СИГНИФИКИ» ВИКТОРИИ УЭЛБИ ДО КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ¹

Ляшов Вячеслав Васильевич – кандидат философских наук, доцент, ЮФУ;
e-mail: saddydg@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи формирования критического мышления с помощью сигнифики, протосемиотической концепции, разработанной на рубеже 19–20-х вв. английской исследовательницей леди Викторией Уэлби.

Ключевые слова: критическое мышление, сигнифика, интерпретация, перевод, означивание, знак, значение, метафора, аналогия.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00261.

V. V. Lyashov

FROMM VICTORIA WELBY'S «SIGNIFICS» TO CRITICAL THINKING

Viacheslav V. Lyashov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University; e-mail: saddydg@mail.ru

Abstract. The objective of the article is to consider the main ideas of critical thinking formation using signifiсs, a proto-semiotic concept developed at the turn of the 19th–20th century by the English researcher Victoria Lady Welby.

Keywords: critical thinking, signifiсs, interpretation, translation, signification, sign, meaning, metaphor, analogy.

Одними из главных функций, которые выполняет философия являются: аналитическая (анализ обыденного знания, религиозных, научных и собственно философских концепций) и критическая (критическое осмысление различного рода общественных явлений своего собственного содержания, а также научных и религиозных построений).

Большой вклад в становление и развитие критического метода, как особой формы философского исследования, внесли: Сократ и Платон (прежде всего благодаря особому стилю вопросительного философствования), Ф. Бэкон, разработавший учение об идолах – препятствиях на пути познания, Р. Декарт, создавший учение о радикальном сомнении, И. Кант, написавший свой знаменитый труд «Критика чистого разума», но особенно ярко эта функция реализовалась в марксизме («Святое семейство или критика критической критики», «К критике политической экономии», «Критика Готской программы», «Критика политической экономии»). Лингвистический поворот в XX в. сместил реализацию этой функции в область исследования языков (как естественных, так и искусственных).

Но с 70-х гг. XX в. по сей день, философы все больше стали обращать внимание на необходимость формирования в рамках философии практического критического мышления. Такая потребность порождается тенденцией возникновения особого современного «тестового» взгляда на реальность и «клипового» типа мышления.

То что исследователи подразумевают под критическим мышлением весьма неоднозначно. Существует множество трактовок сущности этого феномена. Если рассматривать точки зрения зарубежных исследователей можно выделить несколько трактовок.

При психологическом подходе под критическим понимается особый тип мышления, основанный на когнитивных навыках и стратегиях и позволяющий приходить к результатам, которые отличаются своей взвешенностью, логичностью и целенаправленностью. так как оно нацелено на определенный желаемый результат. Но так или иначе, способность умело рассуждать – это навык критического мышления, который является неотъемлемой частью любой сферы жизнедеятельности человека, которые только можно себе представить [7].

В другом подходе, подчеркивается неразрывная связь критического мышления с творческим [2]. Главная цель критического мышления реализуется в проверке предложенных решений с целью определения их возможного применения, а также тестирования предложенных идей, то есть анализ того насколько они применимы, как их можно усовершенствовать и так

далее. То есть, творчество будет наименее продуктивно, если его нельзя подвергнуть критическому анализу, т.к. творческое мышление создает что-то принципиально новое, а критическое мышление выявляет недостатки этого нового.

В социально-прагматической концепции критическое мышление определяется как дисциплинированное, самонаправляемое и саморегулируемое мышление, которое иллюстрирует совершенства мышления, соответствующие к специфическому способу или области мысли, в которой выделяется две формы его проявления. Слабое или софистическое мышление отвечает интересам определенного индивида или определенной группы, направленным на собственное эгоистическое благо. Сильное критическое мышление – справедливое – направлено на интересы различных людей или групп, и помогает человеку развивать такие черты мышления как: интеллектуальное смирение, интеллектуальная честность, интеллектуальная храбрость. Наилучшими принципами критического мышления он считает ясность, точность, конкретность, тщательность, согласованность, последовательность, логичность, значимость, честность [11].

Обращаясь к исследованиям отечественных философов и логиков можно выделить структурный [1], комплексный [10] и дидактический [7], подходы.

При структурном критическое мышление мыслится как последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний или систем высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям. Оно противоположно догматическому, которое заключается в принятии фактов, норм, положений, учений, ценностей, которые считаются истинными, установленными раз и навсегда и не подлежащими пересмотру. Критическое же мышление связано с постоянной готовностью к пересмотру идей. Но, несмотря на это, существует также преемственность по отношению к другим взглядам, так как для критики должна существовать база, основа. Критическая традиция состоит из четырех этапов. Первый этап заключается в усвоении взглядов предшественников, второй – в проверке взглядов на внутреннюю непротиворечивость, последовательность, соответствие фактам, третий – в указании найденных противоречий, непоследовательностей и так далее, четвертый – в выдвижении новой концепции, которая исключит найденные противоречия. Все четыре этапа образуют цикл критической традиции.

При комплексном подходе под критическим мышлением понимается комплекс аргументативных и логических методов, которые являются простыми схемами и требуют конкретного наполнения в зависимости от поставленной перед ним практической задачи. Эти схемы регламентируют ход аргументации вне зависимости от содержания. А за обращение к содержанию уже отвечает мышление творческое, креативное. Оно не пользуется предзаданными схемами, поэтому ему научиться тяжело, в отличие от мышления критического, которому возможно научиться. Творческое мышление невозможно без критического, так как нельзя создать что-то принципиально новое без критики уже имеющегося. Критическое мышление выступает как основа для последующего креативного осмысления. Поэтому такое мышление строится на обобщенных схемах, является систематичным, последовательным, мультиперспективным, а главное, комплексным, так как вырабатывает типовые решения различных практических задач и называется метакогнитивным.

При дидактическом подходе критическое мышление трактуется как новая современная дисциплина, появившаяся во второй половине двадцатого века, в основе которой лежит интерпретация классической формальной логики. Это междисциплинарная область знания, которая берет свое начало в рамках историко-философской мысли, а в дальнейшем продолжает развиваться, учитывая результаты, полученные в логике, методологии науки, истории философии, социальной философии, риторике, теории принятия решений и так далее. Критическое мышление предполагает наличие навыков рефлексии относительно собственной мыслительной деятельности, развитие способностей к аналитической деятельности и оценке аналогичных способностей других людей, а также умение работать с различными понятиями, суждениями и умозаключениями. вместе с тем одна из важнейших особенностей критического мышления заключается в том, что оно учит анализу и конструированию рассуждений, получению знания вне зависимости от профессиональной сферы деятельности. В его рамках исследуются вопросы «как?», «когда?» и «почему?», делаются те или иные выводы в общем контексте исследования.

Таким образом, рассмотренные варианты определения критического мышления, показывают, что хотя данный когнитивный процесс является многогранным и сложным, существует главная сущностная черта критического мышления – это способ работы с информацией, который предполагает развитие аналитических способностей на основе логики. Оно учит анализу и конструированию понятий, суждений и умозаключений и предполагает смещение акцента с простого усвоения и понимания информации на развитие самостоятельного, нестандартного способа мыслить. При помощи критического мышления, которое отличается своей логичностью, целенаправленностью, можно анализировать различные идеи и их практическую значимость, выявлять их недостатки и сильные стороны, ставить под сомнения идеи, соотносить их с реальными фактами, а также усовершенствовать. Технологии развития критического мышления в настоящее время активно внедряются в систему западного образования как посредством разработки специальных курсов и тренингов, так и с помощью «перестройки» академических дисциплин в русле развития критического мышления.

Суть его в том, чтобы сместить акцент с обыкновенного усвоения информации и знаний на развитие собственного критического взгляда в работе с любыми задачами. Особенностью курсов критического мышления является то, что они направлены на практическую область применения и используют рассуждения, взятые из различных областей знания, в том числе и из повседневной жизни. То есть, критическое мышление анализирует естественные рассуждения с учетом особенностей субъекта, который отличается своими установками, характером, образовательным и профессиональным уровнем и не стремится их подогнать под существующие стандарты. Один из исследователей критического мышления, американский учёный М. Скривен, указывая на необходимость развития умений критического мышления учащихся, говорит о нём как об образовательной ценности «наравне с умениями читать и писать» [4].

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что проблемы формирования критического мышления поднимались задолго до возникновения сегодняшних логико-психологических трудностей в формировании человека информационного общества.

Исследователь, который первым обратил внимание на необходимость целенаправленного и планомерного (методического) формирования критического мышления была английская философия Виктория Уэлби (1837–1912). (Подробнее см. [3], [5], [6]). После рассмотрения

проблем интерпретации относительно Священного писания интерес Уэлби к этико-теологическому дискурсу фокусируется на лингвофилософских проблемах, что находит выражение в серии эссе, опубликованных в конце XIX века. К ним относятся: «Значение и метафора», впервые опубликованные в «The Monist» в 1893 г. [7 с. 421–30] и «Смысл, значение и интерпретация», опубликованные в двух частях в журнале «Mind» в 1896 г. [7 с. 430–49]; «Зерна смысла» [14]; а уже в начале 20-го века и ее монографии «Что такое значение?» [18] и «Сигнифика и язык» [19].

Занимаясь исследованием языка, она создала оригинальное протосемиотическое учение – сигнифику, целью которой было анализ знаков вне логико-гносеологических границ, но в системе отношений знаков к этическим, эстетическим и прагматическим ценностям. Сигнифика исследует этико-прагматические и аксиологические измерения означивания. В. Уэлби описывает свою сигнифику как «философию интерпретации», «философию перевода» и «философию означивания» [17, с. 89], [12, с. 273–275].

В своей сигнифике Уэлби сосредотачивается на ряде специфических вопросов, таких как соотношение стандартного и вариативного значения, возможность построения идеального искусственного языка, структура значения, роль определения в детерминировании значения, связь между фигуральным и метафорическим значением, соотношение слова и контекста, роль метафоры, аналогии и гомологии в усилении выразительных возможностей языка и др.

В раннем эссе «Значение и метафора» Уэлби подвергает сомнению идею, что лингвистические выражения имеют своего рода центральное, основное или стандартное, буквальное значение – она часто называет это понятие простым значением, которое не меняется от контекста к контексту. *«Дело в том, что мы постулировали абсолютное Простое Значение, о котором нужно думать, как если бы оно должно быть всегда написано с заглавной буквы. Мы фактически уже предполагаем, что наши слушатели и читатели имеют одинаковы по интеллекту и духу. Мы практически предполагаем, что у одни и те же логически обоснованные взгляды, что их внимание нарастает и ослабевает в одних и тех же местах, что их ассоциации, их ореолы памяти и среды, их врожденные склонности символизировать или изображать все подчиняются одному и тому же образцу»* [14, с. 512–513]. Поскольку никакие два обстоятельства, при которых произнесено высказывание, никогда не могут быть абсолютно идентичными в отношении психологических состояний высказывающего, никакие два высказывания, утверждает Уэлби, никогда не могут означать одно и то же.

Таким образом, Уэлби взвешивает аргументы за и против двух следующих тезисов: что выражения имеют центральное значение и значения выражений вариативны. В пользу первого положения говорит тот факт, что без чего-то вроде основных или постоянных значений трудно объяснить, как один человек понимает другого при создании звуков-знаков: звуки как лингвистические выражения должны каким-то образом иметь некоторые свойства, которые дают слушателю некоторую подсказку о том, какое значение вносит говорящий при произнесении. Но Уэлби не согласна с тем, что такие свойства лингвистических выражений допускают в конечном итоге используемое понятие инвариантных значений в разных контекстах, а поскольку изменение значения действительно происходит, такое изменение должно быть связано с использованием выражений в определенных контекстах. Ее идея заключается в том, что, хотя мы замечаем изменения «постоянного» значения только после длительных периодов времени, такие изменения должны происходить в обычных контекстах посредством тонкого «сдвига

границ», то есть тонких различий в применении терминов; таким образом, видимость стабильности значения должна восприниматься скептически, действительно не может быть устойчивых центральных значений, которые выражения переносят из одного контекста в другой. Уэлби использует свои взгляды в отношении стандартных значений для выражений в качестве основы для критики тех, кто надеется построить идеальные логические языки или международные языки, такие как эсперанто или волапук: *«В настоящее время мы даже не достигли адекватного представления о том, каким должен быть идеальный язык: мы думаем о нем, если вообще думаем, как о формализованном диалекте культуры с его фразами, представленными в соответствии с подлинной и естественной важностью слова, «как будто это было что-то еще, кроме того, что говорящие приуголовили! Или же мы пытаемся изобрести искусственный волапук. Несомненно, настало время, чтобы фетиш возможного Простого Значения, одинакового во всех временах и местах и для всех, был полностью разоблачен»* [15, с. 192].

Она выступила против тех, кто считал, что социальные институты, сооружающие какой-то идеализированный международный язык, могут достичь важных целей, объясняя, что даже самые идеальные мыслимые языки по-прежнему будут использоваться носителями и всегда будет служить выражению особых намерения ораторов для достижения своих целей в каждом случае использования языка. Она считала, что движениям за идеальные или международные языки, которых хотелось бы достичь, будет лучше служить общее обучение «сигнифике». Уэлби очень критична к тем, кто считает, что приверженность конвенционализму важнее творческой выразительности в языке: *«Слова – это условные знаки. Они имеют в виду то, что под ними подразумевают говорящие и понимают слушающие. Нет другого смысла в том, чтобы правильно сказать, что язык означает что-либо. Поэтому ясно, что если бы у нас была возможность выбора и мы могли бы получить полный контроль над языком, который теперь насмехается и делает нас бессловесными, там, где нам больше всего нужна выразительность»* [17, с. 283–284].

Почти все вышеперечисленные цитаты подводят нас к другой идее разрабатываемой Уэлби, и которая может быть даже более фундаментальной, чем те, которые уже упоминались. Это отождествление значения с намерением говорящего что-то донести до аудитории. На протяжении всех ее изысканий эта тема звучит постоянно. Например, в «Смысле, значении и интерпретации», опубликованном в 1896 году, она пишет: *«Тот факт, что значение включает в себя намерение и результат, кажется, указывает на то, что это наиболее общий термин, который мы имеем для ценности знака, символа или метки»* [15, с. 28].

Уэлби четко отождествляет значение с намерением говорящего, и она использует эту концепцию значения, чтобы еще раз противостоять идее о том, что выражения имеют стандартные значения независимые от контекста использования: Она повторяет что-то вроде этой формулировки в своей статье 1911 года «Сигнифика» для Британской энциклопедии, что смысл сам по себе не имеет смысла; в то время как это главный символ слова «смысл», который должным образом зарезервирован для конкретного смысла, который он призван передать. Для Уэлби значение всегда зависит от творчества или находчивости говорящего в определенном контексте, пытающегося найти разумный способ передачи мыслей. Почти все доводы Уэлби о языке основываются на этой идее.

Ее главная работа «Что такое значение? Исследования в области развития значимости [17] посвящены поиску значения «значения», в триадической системе понятий «смысл», «значение» и «значимость» / «означивание», развивая фундаментальные аспекты своей теории знаков, которую она называет «Сигнифика». Здесь Уэлби представляет основные идеи своей сигнифики в попытках сформировать фундаментальную и универсальную теорию знаков: *«Строго говоря, не существует такого понятия, как Смысл слова, а есть только тот смысл, в котором оно употребляется – обстоятельства, состояние ума, референция, «универсум дискурса», принадлежащий ему. Значение слова – это намерение, которое он хочет передать, - намерение пользователя. Значимость всегда многообразна и усиливает его смысл, а также его значение, выражая его важность, его привлекательность для нас в данный момент, его эмоциональную силу, ее идеальную ценность, ее моральный аспект, ее универсальный или, по крайней мере, социальный диапазон. Вся наука, вся логика, вся философия, вся полемика об эстетике, об этике, о религии в конечном счете сосредотачиваются на этом: в чем смысл, что мы подразумеваем под этим, в чем значимость, то есть почему мы заботимся о красоте, истине, добре? Почему мы ценим опыт? И почему мы ищем значимость и возвращаемся к ценности бесчисленных наблюдаемых фактов в соответствии с формулами значимости, такими как гравитация или естественный отбор? Потому что мы-это выражение мира, как бы «выраженное» из него повелительным или настойчивым давлением еще не понятых естественных стимулов»* [17, с. 5–6].

Таким образом, сигнифика, представляет собой динамический взгляд на значение, где центральное место во всех видах перевода и интерпретации занимает то, что она говорит о том, как мы должны научиться «обозначать» и «сигнализировать»: *«Человек задает вопрос, и ждет на него ответ. Но сначала он должен научиться говорить, по-настоящему «выражать» себя и мир. Для этого он должен научиться обозначать и сигнализировать. Он должен открыть, наблюдать, анализировать, оценивать сначала смысл всего того, что он ощущает через осязание, слух, зрение, и осознать свой интерес, то, что он практически означает для него; затем смысл – намерение – действия, мотив поведения, причину каждого следствия. Таким образом, наконец – то он увидит значимость, предельную опору, центральную ценность, жизненный подтекст всех переживаний, всех знаний, всех фактов и всех мыслей»* [17, с. 6].

В приведенной выше цитате мы видим четкое проявление триадического мышления: первое-это смысл (возможные значения), второе- значение как «намерение», а третье - значение как значимость.

На уровне логической процедуры плохое использование языка и выражений неотделимо от порождения ложных проблем, непонимания и путаных рассуждений. Поэтому должно быть улучшено понимание человеком различий и общностей между знаками, смыслами и значениями. По мнению Уэлби, такое положение дел требует развития «критического языкового сознания “и соответствующей «лингвистической терапии».” Соответственно, для правильного диагноза «лингвистической патологии» необходима адекватная теория знаков и значений [12, гл. 4]. Именно сигнифика может взять на себя задачу теоретического анализа и терапевтического лечения, поскольку она пытается предложить практические способы для решения проблем сигнификации (означивания). Сигнифика описывается Уэлби как «метод умственной тренировки», который концентрирует интеллектуальную деятельность на «значении», как главной ценности и условия для всех форм обучения и познания. Опять же, сигнифика - это

«метод наблюдения, способ эксперимента» который «включает индуктивный и дедуктивный методы в один процесс». Это то, что Вайлати окрестил “гипотетико-дедуктивным методом”, а Пирс – “абдукцией” или “ретродуктивным методом.” Сфера охвата и референции сигнифики универсальна. С этой точки зрения она выступает как трансдисциплинарный метод, а не как “восполняющая система.” Наиболее существенно то, что” задействованный принцип формирует естественную самодействующую критику каждой системы в свою очередь, включая идеал здравого смысла « [17, с. 162], следовательно, сигнифика также является метадисциплиной.

Уэлби отстаивала необходимость развития «лингвистической совести» против “плохого использования языка», которое неизбежно включало плохое понимание, плохое использование логики и бессвязную аргументацию. Предложив множество новых терминов для того, чтобы выражения используемые в новой дисциплине, изучающей язык были более точными, Уэлби не пытается «полностью» устранить двусмысленность слов, поскольку различает два типа двусмысленности: 1) двусмысленность в смысле многозначности, конституирующей слово, позитивный атрибут, связанный с многоформным и диалогическим взглядом на действительность и, как таковой, необходимое условие выразительности и понимания; 2) двусмысленность как неясность, экспрессивная неадекватность, которая является причиной путаницы и двусмысленности и провоцирует «паралич мысли». Характерное для нее обращение к аналогиям из мира природы при разговоре о языке, служит для выявления таких характеристик, как “пластичность”, “экспрессивная двусмысленность” и “приспособляемость”, как отличительные черты словесных выражений. Например, Уэлби проводит аналогию между контекстом и средой и, следовательно, между взаимно адаптивным механизмом, регулирующим отношения между словом и контекстом, с одной стороны, и между организмом и средой – с другой. : *«Если мы посадим на трон одну королеву-слово вместо другой посреди улья рабочих контекстных слов, они будут вести себя совсем по-другому. Они выгонят, убьют или примут её»* [17, с. 40]. Слово, как и организм, приспособляется к своему окружению, которое оно модифицирует, и, наоборот, контекст влияет и каким-то образом модифицирует это слово.

Над тем, чтобы обусловить значение смысла в структуре, которая никогда не тождественна самой себе работают различные факторы .Они включают в себя специфический историко-социокультурный контекст, коммуникативный контекст, лингвистическое употребление, процедуру вывода, психологические и эмоциональные характеристики, память, внимание, намерение, способность к ассоциациям, аллюзии и предположения, энтимемы, память, обстоятельства, склонность к символизированию или изображению, априорные условия языка и т. д. Поэтому Уэлби обращает внимание на диалектическую взаимодополняемость и взаимозависимость между силами неопределенности и детерминированности, неясности и точности, множественности и монологичности, между центробежными и центростремительными силами, действующими в языке, в конечном счете, в нашей собственной терминологии, между логикой изменчивости и логикой тождества. Генетически и структурно динамический характер языка, присущий ему потенциал креативности и новаторства, а также действие только что перечисленных переменных – все эти аспекты делают невозможным обращение к определению как к абсолютному и окончательному средству для мистификации языка. Но, поскольку освобождение языка от так называемых языковых ловушек, препятствующих его развитию , является условием овладения окружающим миром, Уэлби признала полезность определения,

хотя и не в абсолютном смысле. Определение служит ограниченным, но конкретным целям и особым интересам. То, что наиболее достойно выражения и интерпретации в терминах “значимости”, чаще всего ускользает от определения [17, с. 10]. Определение не объясняет двусмысленность языка, понимаемого как условие успешной коммуникации. И когда мы прибегаем к определению для решения проблем значения и выражения, величайшее благо возникает в процессе работы над этим определением, а не в его фактической формулировке, Уэлби проводила различие между «жестким определением» и «пластическим первичным определением» [19]. Первое всегда вторично из-за своей тенденции замораживать значение и делать его статичным в ориентации на единый, однозначный смысл. Напротив, «пластическое первичное определение» учитывает живой характер языка и, следовательно, его способность адаптироваться к новым означаемым контекстам. Значение отдельных слов часто определяется только по отношению к другим словам, в лингвистическом контексте, в контексте самой пропозиции. Значение самого лингвистического контекста также определяется его отношением к отдельным словам, образующим этот контекст [13, с. 140–42]; [12, с. 415].

Языковое сознание предполагает развитие критической и интерпретативной способности и, следовательно, отказ от таких тенденций, как догматизм, педантизм и анархизм в языковом употреблении, логическом выводе и знаковом поведении в целом.

Чтобы решить проблемы языка, а не прибегать к дефинициям, необходима адекватная теория знака и значения. Уэлби не только придерживается трехсторонней трактовки значения, разделяя его на «смысл», «значение» и «значимость»; но и вводит другое важное различие между «простым», «фактическим» или «буквальным», «прямым» значением, с одной стороны, и «фигуральным», «косвенным» или «рефлексивным» значением, с другой. Она отмечает, что процессы означивания не отвечают бинарному взгляду, который различает два полюса «метафорического, косвенного или рефлексивного значения», с одной стороны, и «буквального, прямого или фактического значения», с другой. Действительно, термин «буквальный», по мнению Уэлби, является более образным и более емким, чем сам термин «метафорический» [12, с. 422]. Вместо этого она предполагает третью область значения, конституирующую означивающие практики, “третью ценность” значения – ни полностью буквальную, ни полностью образную, в которой “метафорическое” и “буквальное” сочетаются в различной степени [17, с. 139]; “Третье значение” или «третья область» значения предполагает наличие контактной зоны, где границы не определены и в процессе взаимодействия знаков возникают интерпративные процессы. Метафорическое значение не может быть сведено к декоративности, оно не является исключительным ни для языка литературы, ни для художественного видения в целом. Напротив, метафорический процесс структурен для развития знания и для означивающих процессов в целом. Эта неопределенная третья ценность, или третья область значения, проходит через весь язык, включая обычный язык, где действительное и символическое, реальное и идеальное, прямое и рефлексивное смешиваются, как в картине. Одно и то же высказывание может транслироваться в различных областях смысла – актуальном и прямом, символическом, образном или некотором сочетании, тем самым обнаруживая свою неоднозначную природу и способность к адаптации и трансформации, как это выясняется в ходе живых процессов коммуникации.

Аналогия и метафора действуют имплицитно и бессознательно как в быденном языке, так и в научно-философском языке. По этой причине Уэлби считает, что изучение таких

средств производства смысла должно быть системно внедрено в образовательные программы, с непрерывным тестированием на практическом уровне, согласно критериям воздействия на собеседников в общении. «Сигнификационное образование», овладение «методом сигнифики» требуется с самых первых лет обучения.

Настаивая на необходимости критики образности и аналогии, а также на необходимости создания навыков анализа, классификации и проверки выразительных средств вообще, особенно когда речь идет о вербальных знака и в качестве защиты от языковой анархии, Вайлати также подчеркивал необходимость критического осмысления языка, которое должно начаться в детстве. Он выступал за развитие привычки размышлять над «questioni di parole» или, как говорит Уэлби, «вербальными вопросами» в их радикальной взаимосвязи с процессами аргументации и приобретения знаний: *«Я считаю, что изложение и классификация словесных ошибок и, прежде всего, их высмеивание (игрой словами) являются одним из наиболее эффективных педагогических приемов для формирования привычки воспринимать окружения языка. Это средство несколько аналогично тому, к которому прибегали лакедемоняне, которые, чтобы сохранить в своих сыновьях ужас перед опьянением, заставляли их помогать омерзительным деяниям и высказываниям мрачных илотов»* [13, с. 141].

Вайлати, как и Уэлби, отстаивает необходимость «критики языка», осознания сложной природы значения слов, бессознательное использование которых часто приводит к непониманию и лингвистическим ловушкам. Вместо того чтобы сосредоточиться на построении искусственного языка в попытке решить проблемы двусмысленности и непонимания, задача языкового анализа и философских рассуждений состоит в том, чтобы усилить и обновить общий язык, пересмотреть его связь с жизнью во всех ее аспектах и на всех уровнях, от повседневного обыденного языка до высших сфер художественного, научного и профессионального языка.

Таким образом, поскольку язык и логика, языковые знаки и логические процессы неразрывно связаны отношениями взаимозависимости, так что плохое использование языка влечет за собой плохое использование логики. Говоря о необходимости «изучения языка», Уэлби подчеркивает неизбежную связь между языком, мышлением, действием и ценностями. Ошибочная концептуализация, ложные проблемы – например, ошибочный контраст между «свободной волей» и «детерминизмом», «свободой» и «необходимостью» – в значительной степени являются результатом языковых проблем и плохого употребления языка.

Библиографический список

1. Брюшинкин В. Н., Маркин В. И. Критическое мышление, логика, аргументация. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. 173 с.
2. Линдсей Г. Творческое и критическое мышление / Г. Линдсей, К. Халл, Р. Томпсон // Хрестоматия по общей психологии: психология мышления. М., 1981. 149–152 с.
3. Ляшов В. В., Скрипник К. Д. Сигнифика В. Уэлби и семейотика Ч. Пирса: сравнение в отношении проблемы знака и значения // Научная жизнь Кавказа. 2020. № 3.
4. Скривен М. Критическое мышление: Его определение и оценка. М.: Академия, 1997. 248 с.
5. Скрипник К. Д. Истоки и формирование сигнифики: ранние работы Виктории Уэлби // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2020. №5.

6. Скрипник К. Д. Философское эпистолярное наследство: феномен леди Виктории Уэлби // *Философский журнал / Philosophy Journal* / 2019. Т. 12. № 2.
7. Сорина Г. В. Критическое мышление: история и современный статус // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2003. № 6.
8. Стил Дж. Л., Мередит К. С., Темпл Ч., Уолтер С. *Основы критического мышления*. М.: Изд-во Ин-та «Открытое общество», 1997. 277 с.
9. Халперн Д. *Психология критического мышления*. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
10. Шуман А. Н. *Современная логика: теория и практика*. Мн.: Экономпресс, 2004. 416 с.
11. Paul Richard W. *Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World*. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ., 1990.
12. Petrilli Susan. *Signifying and Understanding: Reading the Works of Victoria Welby and the Signific Movement*. Berlin: Mouton. 2009.
13. Vailati, Giovanni. 1971. *Epistolario 1981–1909*, ed. G. Lanaro. Turin:Einaudi.
14. Welby V. *Meaning and Metaphor* // *The Monist*. 1893, vol.3. No.4. P. 510–525.
15. Welby V. *Sense, Meaning and Interpretation* // *Mind*. 1896, vol. V, No. 17. P. 24–37; No. 18, P. 186–202.
16. Welby Victoria. . *Grains of Sense*. London: Dent. 1897.
17. Welby V. *What is Meaning?* / Repr. of the ed. London, 1903. Amsterdam: John Benjamin Publ.Co., 1983. 321 p.
18. Welby V. *Significs and Language* / Repr. of the ed. London, 1911. Amsterdam: John Benjamin Publ.Co., 1985. 435 p.
19. Welby V. *Significs* // *Encyclopedia Britannica*, 11th ed., vol. XXV. New York, 1911. P. 78–81.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 316.3

ББК 60.54/60.56

Ю. В. Ермолаева

КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ РЕАГИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ И ГРАЖДАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ЧС В РОССИИ¹

Ермолаева Юлия Вячеславовна – научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; e-mail: mistelfrayard@mail.ru

Аннотация. В статье описаны результаты анализа специфики чрезвычайных ситуаций (ЧС) и реагирования на них государственных институтов и гражданских инициатив в зависимости от климатогеографических особенностей регионов России на примере шести регионов из разных климатических зон: Краснодарский край, Московская область, Забайкальский край, Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Приморский край. Основные выводы исследования состоят в выявлении следующих общих черт: (1) чем климатогеографические условия тяжелее (Забайкальский край, Краснодарский край, Ямало-Ненецкий автономный округ), тем меньше в момент ЧС целесообразна помощь волонтерских организаций и более актуальны функции промышленных, государственных муниципальных служб, ответственных за предотвращение ЧС (2) госслужбы ориентированы на базовое просвещение населения, усиленное патрулирование, комплексный мониторинг, первостепенное реагирование, а волонтерские группы ориентированы на мониторинг, превентивные практики, компенсируют нехватку кадровых или патрулирующих ресурсов официальных ведомств; (3) природные ЧС, обусловленные климатогеографическими условиями усиливают возможность гибридных (техногенных и природных) ЧС.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, реагирование на ЧС, волонтеры в критических ситуациях, климат России, наводнения, пожары, оползни, Арктика, экологические катастрофы, организация МЧС.

¹ Проект РНФ «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», грант №19-78-10052 / the Russian Science Foundation grant «Emergency volunteering as a reply to the natural and technological challenges in Russia», project No 19-78-10052.

Y. V. Ermolaeva

CLIMATIC CONDITIONS AND THE CHARACTERISTICS OF THE RESPONSE OF STATE INSTITUTIONS AND NON-STATE SERVICES TO EMERGENCY SITUATIONS IN RUSSIA

Yulia V. Ermolaeva – Researcher in Federal Research Sociological Center RAS;
e-mail: mistelfrayard@mail.ru

Abstract. The article describes the results of the analysis of the specifics of emergencies and the response to them of state institutions and civil initiatives, depending on the climatic and geographical features of the regions of Russia using the example of six regions from different climatic zones: Krasnodar Territory, Moscow Region, Transbaikalian Territory, Murmansk Region, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Primorsky Krai. The main conclusions of the study are to identify the following common features: (1) the more difficult climatic conditions (Transbaikalian Territory, Krasnodar Territory, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) reduce the need of volunteer organizations at the time of an emergency, there are more relevant the functions of industrial, state municipal services those responsible for the prevention of emergencies (2) civil services are focused on basic education of the population, increased patrolling, integrated monitoring, primary response, and volunteer groups are focused on monitoring, preventive practices, compensate for the lack of human resources or patrolling resources of official departments; (3) natural emergencies caused by climatic and geographical conditions enhance the possibility of hybrid (technogenic and natural) emergencies

Keywords: emergencies, emergency response, volunteers in critical situations, the climate of Russia, floods, fires, landslides, the Arctic, environmental disasters, the organization of the Ministry of Emergencies.

Введение

На территории России, обладающей разнообразием геологических, климатических и ландшафтных особенностей, встречаются более 30 опасных природных явлений, при этом 70 % территории находится в северной полосе с суровым климатом. Климатические зоны России состоят из всех поясов, относящихся к континентальному климату, для которого характерны амплитуды температур воздуха в сезон (жаркое лето и холодная зима), а также значительные изменения температуры в течение суток (особенно в переходные сезоны), вместе с разнообразием ландшафта это увеличивает частоту и вариацию видов ЧС, создает необходимость проводить специальные операции и создавать новые институты реагирования. Количество чрезвычайных ситуаций (ЧС) в России в 2017 г. оказалось наименьшим за последние 3 года. Если в 2015 году их было 257, то в 2017 г. – уже 177 (на 32 % меньше). На 20 % снизилось и число погибших в ЧС: с 699 человек до 556. Впрочем, число пострадавших выросло на 75 %, с 20,7 тыс. до 36,4 тыс. человек во многом из-за выросшего числа ЧС на Кавказе (40,3 тыс. пострадавших в 2016 году против 2,3 тыс. в 2015 г.), на Дальнем Востоке (почти 40 тыс. пострадавших в 2016 г. против 319 в 2015 г.) и в Сибири (21 тыс. и 8,2 тыс. соответственно) [29, 31].

Результаты общероссийских исследований в рамках ЧС в разных климатических поясах применялись С. К. Шойгу для составления атласа разнообразных рисков на всей территории страны [2], безопасность в разных природно-техногенных сферах и климатических поясах России была изучена В. С. Мاستрюковым [25], Ц. Е. Мирцхуловой [26]. Оценка природных опасностей на основе методов математической морфологии ландшафта проводилась А. С. Викторовым [10], Г. Гухманом [13], В. Б. Болтыровым [5].

Более узконаправленные исследования касались разных видов ЧС. В контексте наводнений на территории России комплексная оценка рисков подтопления территорий подземными водами при наводнениях, загрязнений бассейнов в России была проведена А. П. Белоусовой [7], А. Н. Бешенцевым [8], М. И. Истоминой [19]. Одновременно уделяется внимание таким вопросам, как география распространения волн и цунами и опасность их проявления для населения Дальнего Востока, технологические ЧС в ежегодных докладах природоохранной деятельности на примере Мурманской области, выявленные в работах А. М. Лазаревой и М. В. Лаврушевой [23], А. Ю. Кудриным [21].

Изучение снежных лавин, селей на территории РФ проведены Г. П. Бодренковой [6], а так же А. Н. Божинским, В. Ф. Перовым, Е. С. Трошкиной [19]. Проблемы изменения климата России в качестве ЧС будущего, а также в необходимость обеспечения гидрометеорологической безопасности жизнедеятельности России в связи с наступающим изменением климата были изучены С. Г. Добровольским [14]. Особое внимание опасности интенсивности проявления природных ЧС на юге Европейской части России уделяется А. И. Бедрицким, А. А. Коршуновым, Л. А. Хандожко, М. З. Шаймардановым [20]. Распределение наиболее часто возникающих зон пожаров на территории РФ изучены Е. С. Арцвбашевым [3], Н. В. Барановским [4], А. И. Запорожец [17].

Подлежат анализу также правовые и институциональные аспекты защиты населения в ЧС, изученные Ю. Л. Воробьевым [12], обсуждается государственная политика в области регулирования природной и техногенной безопасности [13]. Все больше внимания занимают процессы мобилизации волонтеров в контексте политических протестов (А. Невский) [28] в государственных докладах, научных источниках и отчетах организаций, ответственных за предотвращение ЧС [6].

Ценность представляет опыт исследования по направлениям: волонтерские практики реагирования на ЧС в разных регионах [6, 25], статус спасателей в особо тяжелых условиях и Арктике [33], проблемы организации подготовки к волонтерской деятельности в условиях крупного города, выделенных О. Н. Яницким [34], структурно-функциональный анализ основных факторов катастроф и роли волонтеров по их устранению О. Усачевой [35], М. В. Мирановой [27].

Методология

Метод: структурированный case-study. Источники формирования кейсов – официальные статистические данные и отчеты по особенностям климатических зон. Для реализации задач исследования. В России выделено по одному наиболее населенному региону из 6 условных климатических зон: тропическая зона – Краснодарский край, умеренно-континентальная – Московская область, умеренная зона резко континентальный – Республика Бурятия, субарктическая – Мурманская область, арктическая – Ямало- Ненецкий автономный округ, муссонная – Владивосток.

Главная гипотеза: особенности климатических природных зон и характер ЧС определяют особенность организации волонтерской деятельности и государственных структур. В зависимости от ЧС различаются: 1) технические и экологические средства защиты 2) определенный экологический регулирующий институт (законодательство и правила МЧС) 3) набор навыков и практик волонтеров.

Задачи:

- описать особенности образования ЧС в разных климатических зонах;
- описать ресурсы (технические, административные, социальные) в обеспечении своевременной помощи в условиях ЧС;
- отметить особенности организации государственных и волонтерских организаций.

Результаты и обсуждения

Таблица 1

Регион, климат и практики спасательных служб

Регион, климат, типичные ЧС	Практики Предотвращения ЧС, взаимодействие институтов МЧС и добровольных спасателей
<p>Краснодарский край – Субтропическая и тропическая зона Представлены все виды ЧС и стихийных бедствий</p>	<p>Кооперация, разветвленная сеть МЧС и НКО, центрируется в Краснодаре, распределена по наиболее проблемным точкам по виду ЧС. Улучшаются системы мониторинга и расширяются зоны гражданских оповещений</p>
<p>Московскую область – умеренно-континентальный климат Неблагоприятные метеорологические явления- туман, ветер, мороз, метель, гололедно-изморозевые отложения, техногенные и промышленные аварии, пожары в области и жилых территориях</p>	<p>Мощности МЧС покрывают весь город и ориентированы на техногенные ЧС, в МО пожарами занимаются добровольные организации и институты лесопользования, высокий уровень кооперации, развитая система мониторинга, проводят образовательные лекции</p>
<p>Республика Бурятия – резко континентальный климат На территории циклически повторяются ЧС природного характера, обусловленные наледными явлениями, ледовыми заторами, сходом снежных лавин, наводнением, вызванным продолжительными ливневыми дождями, селями, лесными пожарами, землетрясениями</p>	<p>МЧС и ответственные организации покрывают территорию из шести областей, составляют долговременный, кратковременный и ежедневный мониторинг, ведут поисковые работы</p>
<p>Мурманская область – субарктическая зона Заморозки; осадки и паводки; сезонные загрязнения воды, вирусная опасность, ЧС техногенного характера по разливу нефти и нефтепродуктов</p>	<p>Многоуровневое сотрудничество: международные спасательные службы, федеральные и региональные службы по ликвидации ЧС и спасению населения, региональные службы имеют свою область ответственности по ликвидации ЧС по каждому из видов землепользования, водопользования, недропользования, строительства промышленных объектов, которые обязаны участвовать в мониторинге в пределах своей компетенции, НКО привлекается по необходимости</p>
<p>Ямало-Ненецкий – арктическая зона Сильный мороз, сильный снег, сильная метель, резкие изменения погоды, шквалы и сильный ветер, заморозки, дождевые паводки, весеннее половодье, водоснежные потоки, снежные лавины, селевые потоки, пожары, техногенные ЧС по загрязнению рек и ПДК по воздуху в промышленных зонах. Техногенные ЧС (разливы промышленных объектов)</p>	<p>Расширен бюрократический аппарат МЧС и ответственных организаций в области укрепления жилых и промышленных объектов в сложных условиях, спасательные работы проводят государственные организации. Реализованы предотвращающие ЧС международными и региональными НКО по очистке территории от отработанных промышленных жидкостей, региональная система НКО не сильно развита (условия среды слишком требовательны к квалификации спасателей)</p>
<p>Владивосток – муссонный климат Метели, тайфуны, снежные заносы, техногенные ЧС</p>	<p>Ответственные за ЧС – МЧС и муниципальные службы. Ориентация на строительство объектов предотвращения ЧС, мониторинг, оповещение, образование и тренинг населения</p>

Работа спасателей (МЧС и волонтеров) определяется условиями природной среды (УПС) во многом зависит от рельефа местности (равнины, холмы, горы), высоты над уровнем моря (атмосферное давление), климатом (солнечная радиация, температура и влажность воздуха, осадки, ветер), состава подстилающей поверхности (грунта), наличия водоисточников, разнообразия фауны и флоры. Чем более экстремальными являются условия, тем больше требований предъявляется к обучению и статусу спасателя (получение сертификатов на специальные операции) [9]. Главное условие: государственные и добровольные спасатели сами не должны стать спасаемыми.

Чем больше температурные колебания и резки погодные контрасты, тем больше учений вынуждены проводить подведомственные организации и контролировать разные виды ЧС. Наиболее рискогенные регионы (Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ) являются стратегически важными с точки зрения промышленного развития и политической ситуации, что суммирует увеличение и природных, и техногенных рисков, обусловленных тяжелыми условиями труда в сложных повседневных погодных условиях.

Чем тяжелее природные условия, тем шире бюрократический аппарат с разделением области ответственности. Это усложняет обучение добровольных спасателей, ограничивает возможности их действий, требует получение и институционализацию навыков. Сотрудничество МЧС с волонтерскими организациями реализуется в каждом регионе, однако и волонтерские, и МЧС структуры ограничиваются областью ответственности, указанном в региональном законодательстве. Подведомственные государственных организации и стратегические муниципальные образование по добыче нефти и минеральных ресурсов обладают автономными ресурсами спасателей, но могут инициировать дополнительные соглашения с НКО.

МЧС проводятся аварийно-спасательные работы – действия по спасению людей, материальных и культурных ценностей, защите природной среды в зоне ЧС. Работы делятся на неотложные при ликвидации ЧС и предупреждающие: техническая поддержка и мониторинг, очистка территории и сезонные работы. Если спасательские навыки требуют специализации, то подготовительные работы (постройка, подготовка объектов предупреждения ЧС), и работы по ликвидации последствий ЧС (уборка, очистка, операции, несвязанные с большим риском) могут проводиться волонтерами и специализированными ответственными муниципальными ресурсами. Также государственные и негосударственные организации кооперируются в организации просветительской работы и в области защиты населения и территорий от ЧС, в подготовке населения и работников организаций к действиям в условиях ЧС. Знание передается поэтапно: от МЧС к организациям, от организаций к жителям [22, 24].

В организации мониторинга и реагирования на ЧС участвуют МЧС как государственная структура, специализированные организации по лесничеству, водопользованию, пользованию недрами и природными ресурсами, военные организации с разной областью ответственности и отдельной технической базой предотвращения ЧС, государственные и частные предприятия, добровольные дружины, НКО и граждане. НКО, как правило, ориентируются на официальные службы мониторинга, но разрабатывают свои программы, организуют собственный патруль и расписание дежурств, могут организовать свою техническую базу.

В профессиональные аварийно-спасательные службы принимаются граждане, имеющие среднее общее образование, признанные при медицинском освидетельствовании годными

к работе спасателями и соответствующие установленным требованиям к уровню профессиональной и физической подготовки, психологической устойчивости.

Краснодарский край

Природа края обладает преимущественно континентальным климатом, ближе к морю субтропическим. Несколько климатических зон на территории края и сложный рельеф расширяет возможные зоны ЧС, на всей территории наблюдаются сильные ветры и ливни (преимущество весной и осенью), смерчи, град, ураган, обледенение, интенсивное выпадение мокрого снега (20 мм осадков и более за 12 ч и менее) в приморских районах и гололед. Край подвержен всем проявлениям опасных геологических процессов: повышенной сейсмической опасностью (возможны в 29 муниципальных образований из 43), так же в горной местности наблюдаются оползни, обвалы, сели, снежные лавины, карсты, подтопление, подтопление берегов морей и рек. МЧС и волонтеры кооперируются в проведении противоселевых мероприятия, контролируют вырубку лесов; расчистке стокоотводящих каналов; отверстий под мостами, ремонте гидротехнических сооружений [16].

Геоморфологическое строение районов юга России приводят к постоянному возникновению стихийных явлений, связанных с паводками – им подвержены более 300 населенных пунктов края, поэтому МЧС практикуется укрепление берегов, усиленный сезонный мониторинг, особенно в местах схода горных рек. В местах крупных наводнений помимо МЧС активны добровольцы (например, «Кубань-СПАС»), которые помогают в сборе гуманитарной помощи, очистке и просушивании домов и социально значимых зданий, раздают индивидуальные комплекты гуманитарной помощи.

Для предотвращения и уменьшения эффектов пыльных бурь МЧС создаются полевые защитные лесные полосы, комплексы снего- и водозадержания, а также фермерами используются агротехнические методы, такие как травосеяние, севооборот и контурная вспашка.

Пожароопасность края остается высокой – площадь лесов 1700 тыс. га, которые отнесены к III-IV классу пожарной опасности, ведется усиленный мониторинг, где МЧС и лесничество работают с волонтерами сообща в тушении и предупреждении пожаров, здесь действуют ДПК «Добровольная пожарная команда Краснодарского края», 20 городских подразделений пожарной охраны ДПД в разных городах края, ОО «Добровольные пожарные Кубани», студенческие отряды. Некоторые организации используют собственные разработки тушения пожаров: электрические осушитель и генератор, тепловую пушку и водяную помпу.

По государственному плану уже обучено 1918 человек, план выполнен на 110 % по сравнению с 2018 годом, планируются дальнейшее увеличение работников отрасли МЧС в Краснодарском крае.

Край лидирует в представлении разнообразных НКО и ОО, где представлены поисковый отряд «Лиза Алерт», краснодарское краевое отделение Всероссийской общественной молодежной организации «Всероссийский студенческий корпус спасателей». Одно из самых крупных образований – «Кубань-СПАС» имеет 21 аварийно-спасательный отряд и общую штатную численность 899 человек, ими спасено 1887 человек [9].

Второй и не менее значимой комплекс работ по устранению ЧС – их предупреждение с помощью усиленного мониторинга и технических возможности оповещения населения, уже в 2014 году правительством был выполнен объем работ, поднявший работоспособность оповещительной и мониторинговой аппаратуры с 60 до 90 % от общего количества оборудования.

Москва и Московская область

Умеренно-континентальный климат. ЧС на территории Москвы преимущественно метеорологические и техногенные. С помощью системы предупреждения и ликвидации ЧС проводятся поисково-спасательные, горноспасательные, газоспасательные, противопожарные, ликвидации медико-санитарных и иных последствий ЧС.

Службы спасения делятся на профессиональные, нештатные, общественные. Нештатные создаются на территории города организациями из числа своих работников, НКО на основе устава, это команды «Спас-Резерв», Межрегиональная общественная организация «Региональное отделение служб спасения кинологов-волонтеров», «РОССПАС», Вертолетный поисково-спасательный отряд «Ангел», Красный Крест.

ЧС в Москве в основном представлены комплексом неблагоприятных метеоявлений (метели с ухудшением видимости, гололеда, ветер порывами 20–25 м/с), в моменты штормового ветра увеличивается возможность совершения техногенных ЧС связанных с обрывом ЛЭП, обрушением слабоукрепленных конструкций, крыш зданий. Чтобы уберечь граждан, МЧС делает смс-рассылки жителям Москвы, использует реагенты для наименьшего скольжения и пр. Несмотря на повторяющиеся ливневые дожди, и весеннего половодья через Московские водохранилища контролирует ФГУП «Канал имени Москвы», МЧС работает только в местах техногенных происшествий, также есть добровольческие группы «диггер-СПАС», на реках действует Федерация водно-спасательного многоборья России, Водолазная группа «ДобротворецЪ». Проблемы транспорта совместно решаются государственными компаниями и МЧС [29]. По пропавшим людям заведено 438 розыскных дел за этот год. Найден 421 человек благодаря совместным усилиям МЧС, МоОО Поисково-спасательный отряд «Полярная звезда», «Лиза Алерт», «Надежда».

Главная проблема региона – пожары. Причины возникновения – длительное повышение температуры в сочетании с засухой и поджогами травы, неосторожным обращением с огнем, торфяные пожары в местах бывших торфяных производств. Общая площадь лесов Московской области составляет 2114,6 тыс. га. Каждая категория земель имеет свои части по пожаротушению, их полномочия не пересекаются, волонтеры и МЧС могут работать только на землях лесного фонда, что ограничивает область их влияния. На тушениях пожаров успешно действуют Лесные добровольные спасатели Центрального региона, Гринпис, Студенческий спасательный отряд, Добровольцы-спасатели территориально пожарно-спасательного гарнизона г. Москвы. Численность добровольных пожарных и членов аварийно-спасательных формирований Москвы достигает 15 тысяч человек, из них 1,5 тыс. человек принимают участие в повседневной работе пожарно-спасательного гарнизона, на круглосуточном дежурстве находится ежедневно около ста добровольцев [31, 17].

Специальные технические службы ответственно за наиболее опасные промышленные объекты. В Москве расположено 129 потенциально опасных объектов, 5 биологически опасных объектов (работающих с микроорганизмами I и II групп патогенности). Объекты представлены научными центрами, институтами и лабораториями, 65 пожаровзрывоопасных объекта, а 708 АЗС и 77 АГНС, которые имеют собственные структуры предотвращения ЧС.

Забайкальский край

Климат Бурятии резко континентальный, формируется под влиянием трех контрастных компонентов: сухого и холодного климата северных областей, жаркого и сухого монгольских

пустынь и влажного тихоокеанского. Из-за этого на территории циклически повторяются ЧС природного характера, обусловленные наледными явлениями, ледовыми заторами, сходом снежных лавин, наводнением, вызванным продолжительными ливневыми дождями, селями, лесными пожарами, землетрясениями. Для борьбы с ними существует мониторинг прогнозов ЧС: на год, месяц, неделю, сутки (оперативный ежедневный прогноз ЧС) [32] Эти ЧС требуют особой подготовки и квалификации, из-за неравномерной плотности населения края неблагоприятные ЧС покрываются в основном ресурсами МЧС. Практикуется создание локальных, местных и республиканской информационно-управляющих систем для создания банка данных, анализа и прогноза чрезвычайных ситуаций на ближайшую перспективу. По закону организации должны инициировать государственную экспертизу промышленных объектов, предприятия должны отчитываться государству о проведенных мероприятиях в целях защиты населения от ЧС; принимать участие в лицензировании и декларировании безопасности промышленной деятельности; (в ред. Закона Республики Бурятия от 13.10.2010 № 1689-IV) [22].

С начала 2017 года из-за нарушений техники безопасности на водных объектах Республики Бурятия зарегистрировано 13 происшествий (утонуло 13 человек, в том числе 3 детей). Спасено МЧС 10 человек. Так же зарегистрировано 2 случая отрыва льдин с людьми. МЧС проводит с населением просветительские работы [32].

Летом на территории Бурятии часто бывают пожары, но их площадь уменьшилась в 2017 году на 52,03 % по сравнению с 2016 г. Эффективность сокращения пожаров достигнута за счет увеличения кратности авиационного патрулирования за счет выделения дополнительного финансирования из Федерального и регионального бюджетов, усилена рейдовая работа с целью пресечения и ограничения пребывания граждан в лесах и въезда в них транспортных средств без соблюдения правил безопасности. С начала 2017 года сотрудниками пожаротушения и осуществлялось Агентства лесного хозяйства, МВД РФ по РБ и МЧС РФ по РБ Студенческий отряд спасателей ВСГТУ «Атлант», Региональная общественная организация «Добровольческий центр Республики Бурятия» в рамках было проведено 18624 охранных мероприятий. К административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности привлечено 2199 лиц, сумма административных штрафов составила 8383,8 тыс. рублей [30]. В Республике Бурятия и Забайкальском крае действует большое количество групп медиков («Бурятия Волонтеры-медики»).

В Бурятии большое количество людей, пропадающих без вести. В 2016 году таких заявлений было 2737, в 2017 г. – 2578. Наряду с МЧС, поиском занимается «Центр поиска пропавших людей» Республики Бурятия, региональное отделение «Лиза Алерт».

Мурманская область

Субарктическая зона, характеризуется пониженными температурами, сильными ветрами с Арктики, в сочетании с влажным воздухом Атлантики характерна теплая зима; летом нередки заморозки; весной и летом многочисленные осадки и паводки; частая смена погоды из-за влияния атлантических циклонов и ветров Арктики. В отдельные годы, характеризующиеся интенсивной циклонической деятельностью, число дней со штормом может достигать 10-15, скорость – 28-34 м/с.

В крае в предупреждении ЧС упор сделан на создание геоинформационных систем, банка данных по источникам ЧС, информационных продуктов мониторинга. Развитие научно-

методической базы оценки экологических, социальных и экономических последствий проводится разными подведомственными структурами сообщества, так как каждая структура имеет ряд ответственных лиц за ЧС и подразделения, которые принимают участие в ее ликвидации [15].

В Мурманске есть постоянные и сезонные ЧС. Весной в связи с интенсивным снеготаянием качество воды в водоисточниках централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения ухудшается, пункты снабжаются привозной водой. На территориях возможных разливов рек наряду с МЧС функционирует Водолазная группа «ДобротворецЪ», так же принимает участие «МурманСПАС». Роспотребнадзор регулярно берет пробы воды и следит за санитарной обстановкой [26].

На территории развивается экстремальный туризм, специализированные работы на себя берет МЧС и «Мурман СПАС», Центр лавинной безопасности ОАО «Апатит». «Лиза Алерт» занимается поиском граждан вне особо специфических условий.

Сохраняется вероятность возникновения очагов бешенства среди диких животных, проводится профилактическая иммунизация против гриппа птиц и классической чумы свиней, это регулирует центр гигиены и эпидемиологии в Мурманской области, служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека; комитет по ветеринарии Мурманской области [15].

За 2014 г. на территории Мурманской области зарегистрировано 1012 пожаров.. Тушением занимаются МЧС, помогает Студенческий добровольный спасательный отряд ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет», Мурманская региональная общественная организация «Мурманспас», мониторингом занимается база авиационной охраны лесов» Действует четыре региональных поисково-спасательных отряда и пожарное спасательное подразделение, которое так же подключает волонтеров по договору или на добровольной основе, обучает и подключает к работе.

Край имеет политическое стратегическое значение и высокую степень техногенной нагрузки со стороны организаций и предприятий, осуществляющие операции с нефтью и нефтепродуктами и атомной энергетикой, ежегодно проводятся комплексные практические учения по локализации и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов [23]. Развивается двустороннее и многостороннее сотрудничество, включающее поиск вспомогательных сил на международной, региональной, активистской среде в области поиска людей и спасания, а также ликвидации и предотвращения последствий ЧС. В Арктическом регионе функционирует три специализированных спасательных центра – в Нарьян-Маре, Архангельске, Дудинке.

Ямало-Ненецкий автономный округ

Территория расположена в арктической зоне и занимает площадь 750,3 тыс. кв. км, большая часть находится за Полярным кругом. Для территории обычны сильный мороз, снегопады, метели, резкие изменения погоды, летом 0 ливни, шквалы ветер, паводки и половодье, водоснежные потоки, лавины, селевые потоки. Температура может достигать -63°C (г. Новый Уренгой).

Территория представлена городским населением – 461,2 тыс. чел, сельским – 80 тыс. чел., кочевое – 3000 семей. ЧС носят контрастный и сезонный характер, а также возможность перехода ЧС из природных в техногенные с негативными экологическими и социальными по-

следствиями. Такие ЧС плохо прогнозируются, так как носят не системный характер по причине резкой изменчивости погоды на территории: в сентябре характерны нагонные явления; в ноябре – отрыв льдов; в январе и феврале наблюдаются нарушения в работе коммунальных служб и подаче электричества; с декабря по апрель вероятны снежные заносы. Муниципальные структуры при участии МЧС проводят работы постоянно и перед прогнозом опасных явлений. Территориальная подсистема РСЧС объединяет органы управления, силы и средства исполнительных органов государственной власти автономного округа [1].

Обмен мониторинговой информацией осуществляется на основе взаимодействия между службой ветеринарии, департаментом здравоохранения, защиты прав потребителя, управлением ГПН ГУ МЧС России по ЯНАО, ГИБДД, департаментами энергетики и ЖКХ, гражданской защиты по ЯНАО,). Так как техногенные ЧС сопровождают природные, каждую неделю проводятся тренировки ЦУКС МЧС России по ЯНАО. Так же службы стараются обеспечить телефонами всех жителей, чтобы они могли сообщить о ЧС (это сложно для традиционных кочевых семей).

К особо острым экологическим проблемам территории относятся загрязнение рек и выбросы вредных веществ в атмосферу нефтепродуктов, получают разряд ЧС, т.к. в разы превышают предельно допустимые концентрации (ПДК). Выбросы окислов азота и сажи превышают ПДК. В основном техногенные ЧС возникают из-за пожаров на промышленных и жилых объектах, аварии на судах из-за нарушений техники безопасности транспортировки нефти и газа, газопроводами. Есть риски при водозаборах: нарушение технологических процессов; прорывы труб; сброс сточных вод; хозяйственная деятельность, бактериологическое загрязнение вод; отходы, слабая фильтрация вод из-за глинистых отложений и вечной мерзлоты. Мониторинг, пробы воды и патрулирование МЧС старается предупредить совместно техногенные и экологические катастрофы.

Отрыв прибрежных льдин, провал и техники и жителей обусловлены нарушением техники безопасности (алкогольное опьянение, выход в неполюженном месте). В качестве предупреждения усилена пропаганда в СМИ правил безопасности, проведение дополнительных рейдов и патрулирований в местах выхода судов и граждан на лед, информирование и разъяснение граждан о состоянии ледовой обстановки, толщине льда. Ежемесячно в округе регистрируется до 10 случаев проведения поисково-спасательных работ, выполняемых ГКУ «Ямалспас» в природной среде. Действуют поисковый отряд «Лиза Алерт Ямал» и Ямало-Ненецкое региональное отделение Всероссийского студенческого корпуса спасателей.

В течение осенне-зимнего периода, на территории ЯНАО увеличивается ДТП авиационные происшествия из-за потери пространственной ориентировки в условиях ограниченной видимости, и из-за износа авиапарка.

Осенне-зимний период – сезон роста числа заболеваемости ротавирусом. В это время проводятся практические мероприятия по вакцинации.

Владивосток

Муссонный климат, где особенности ЧС проявляются в сезонности, отмечаются метели до 15–20 м/с, снежные заносы, приводящие к остановке транспорта. Наибольший материальный ущерб нанёс тайфун 7 августа 2001 г., были размыты автомобильные дороги и ЖД пути, оказался уничтожен мост через реку Седанка, что преградило путь от Владивостока к Транс-

сибирской магистрали. Лето проходит с большим количеством туманов, что увеличивает количество ДТП, на летние месяцы выпадает особо сильные ливни с тайфунами. Во Владивостоке создано муниципальное казенное учреждение «Единая дежурная диспетчерская служба» (ЕДДС), где горожане информируются о режиме ЧС. Первой реагирует городское звено РСЧС (единая российская система по предупреждению, локализации и ликвидации ЧС). Если сил или средств не хватает, то создается группировка МЧС за счет служб на местах, в каждом районе действуют управления ГО и ЧС и эвакуационные комиссии, а в администрации края – департамент гражданской защиты. На всех уровнях проводятся учения.

Во время тайфунов и ливней потоки воды со склонов сопки падают вниз камни, земля, которые забивают ливневую канализацию, с этим борются коммунальные службы, сбрасывают излишки воды, полностью расчищают и углубляют русла рек. На полуострове Муравьева-Амурского есть лесопарковые зоны, люди палат траву, проводится разъяснительная работа среди населения, МЧС[11].

Каждую магистраль в приморской столице может заблокировать любое серьезное ДТП из-за снегопадов и льда, предотвращением занимается МУП «Дороги Владивостока». Спасательные службы обучают граждан, проверяют снаряжение, транспорт, связь, имеется 215 пунктов временного размещения пострадавшего населения (ПВР). В случае необходимости пункты будут размещены на базе школ, санаториев, гостиниц, поиск пропавших людей осуществляет НКО «ПримПоиск».

Выводы и заключение

Обозначены универсальные и локальные проблемы ЧС в регионах. В качестве универсальных проблем выходит цель в организации комплексного мониторинга, предсказания различных видов ЧС, оперативность создания команд реагирования, поиск, обучение, кооперации государственных и волонтерских структур, просвещение населения. Универсальные проблемы обусловлены сложностью финансово-правовой отчетности и распределения обязанностей, правовых возможностей и льгот государственных спасателей и волонтеров. Локальные проблемы обусловлены индивидуальным ландшафтом, климато-географическими особенностями регионов, распределением различных видов и частотой ЧС, плотности населения и эффективности реагирования, социальных проблем (распространение алкоголизма), численностью спецслужб, которая покрывает зоны с повышенным риском. Чем больше вариативность микроклимата на отдельном регионе, тем больше разных ЧС необходимо учитывать и прогнозировать, тем более сложна организация и кооперация аварийно-спасательного института, но выше ее социальный статус.

Библиографический список

1. Администрация Ямало-Ненецкого автономного округа. Постановление от 11 июня 2009 года № 310-А «О территориальной подсистеме единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера Ямало-Ненецкого автономного округа». URL: <http://docs.cntd.ru/document/895229654> (дата обращения: 05.10.2020).

2. Атлас природных и техногенных опасностей и рисков чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации / под общ. ред. С. К. Шойгу. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2005. 269 с.

3. Арцвбашев Е. С. Проблема лесных пожаров и ее техническое решение // Безопасность жизнедеятельности. Приложение. 2013. № 11.
4. Барановский Н. В. Оценка вероятности возникновения лесных пожаров с учетом метеоусловий, антропогенной нагрузки и грозовой активности // Пожарная безопасность. 2009. № 1.
5. Болтыров В. Б. Опасные природные процессы: учебное пособие. М.: КДУ. 2014. С. 279-283.
6. Бодренкова Г. П. Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике / учебно-методическое пособие. М.: АНО «СПО СОТИС». 2013. 320 с.
7. Белоусова А. П. Оценка рисков подтопления территорий подземными водами при наводнениях // Водные ресурсы. 2011. Т. 38. № 1.
8. Бешенцев А. Н., Борисова Т. А. Картографическая оценка природного риска от наводнений в бассейне оз. Байкал // Геодезия и картография. 2013. № 7.
9. Варапаева И. А. Труд добровольцев в некоммерческих организациях // Социологические исследования. 2012. № 14.
10. Викторов А. С. Количественная оценка природных опасностей на основе методов математической морфологии ландшафта // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. 2005. № 4.
11. Владивосток: угрозы реальные и мнимые, 2015 URL: https://vladnews.ru/ev/vl/3848/106954/vladivostok_ugrozy (дата обращения: 12.10.2020).
12. Воробьев Ю. Л. Приоритеты государственной политики в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций: научный информационный сборник / ВИНТИ РАН. 2006. № 1.
13. Гухман Г. Оценка опасности чрезвычайных ситуаций на территории России // Энергия: экономика, техника, экология. 2005. № 3.
14. Добровольский С. Г., Истомина М. Н. Характеристика наводнений на территории России по природным и социально-экономическим параметрам // Водные ресурсы. 2009. Т. 36. № 5.
15. Ежегодные доклады о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области. URL: <http://mpr.gov-murman.ru/activities/00.condition/> (дата обращения: 10.10.2020).
16. Елисеев В. С. Проблемы правового обеспечения волонтерской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2013. № 5.
17. Запорожец А. И. Взаимодействие сил и средств, участвующих в ликвидации лесных пожаров // Пожарная безопасность. 2008. № 1.
18. Истомина М. Н., Кочарян А. Г., Лебедева И. П. Наводнения: генезис, социально-экономические и экологические последствия наводнений // Водные ресурсы. 2005. Т. 32. № 4.
19. Итоги и перспективы изучения снежных лавин, селей и других опасных природных явлений / А. Н. Божинский, В. Ф. Перов, Е. С. Трошкина и др. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2005. № 2.

20. Климатическая система и обеспечение гидрометеорологической безопасности жизнедеятельности России / А. И. Бедрицкий, А. А. Коршунов, Л. А. Хандожко, М. З. Шаймарданов // Метеорология и гидрология. 2004. № 4.
21. Кудрин А. Ю. Субъекты Дальневосточного региона: опасности природного, техногенного и экологического характера // Экология и промышленность России. 2007. № 4.
22. Кулакова О. С., Новикова Н. А. Комментарий к Федеральному закону от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». 2012.
23. Лазарева А. М., Лаврушева М. В. Анализ чрезвычайных ситуаций на территории Мурманской области за 2012–2014 гг. // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <http://scienceforum.ru/2016/article/2016018633> (дата обращения: 06.11.2020).
24. Лукьянова Н. С. Волонтерское движение в Арктике: особенности, задачи, опыт // Журнал Института наследия. 2016. № 1 (4).
25. Мастрюков Б. С. Безопасность в чрезвычайных ситуациях в природно-техногенной сфере: прогнозирование последствий: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2011. 367 с.
26. Мирцхулава Ц. Е. Книга о природных опасностях России. Оценка и управление природными рисками // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Еоокриология. 2005. № 4.
27. Миронова М. В. Актуальные проблемы организации подготовки к волонтерской деятельности в условиях крупного города // Дискуссия. 2015. № 5 (57)
28. Невский А. Крымск 2012: Мобилизация волонтеров в контексте политических протестов // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 гг. / Под ред. С. В. Ерпылева, А. В. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
29. Официальный сайт МЧС России по г. Москве, прогнозы. URL: <https://moscow.mchs.ru/> (дата обращения: 10.10.2020).
30. Прогноз природных и техногенных ЧС по Республике Бурятия на 2018 год. URL: https://egov-buryatia.ru/gochs/reception/information_on_reception_of_citizens/Prognoz.php (дата обращения: 10.10.2020).
31. Портал МЧС России URL: <https://www.mchs.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2020).
32. Республики Бурятия. Закон от 26 января 1999 года № 98-П «О защите населения и территорий республики Бурятия от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802043763> (дата обращения: 15.10.2020).
33. Смирнова А. А., Воробьева А. Ф. Особенности правового статуса спасателей в Арктике // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2015. № 1.
34. Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: Структурно-функциональный анализ // Официальный сайт ИС РАН. М., 2013. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794> (дата обращения: 17.11.2020).
35. Usacheva O. Urban social movements under disaster conditions (The case of Krymsk): Conference paper // Crisis, critique and change: ESA 11th conference. Turin, 2013. 28-31 August.

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

БАНКОВСКИЙ СЕКТОР

BANKING SECTOR

УДК 657.6:336.713

ББК 65.052.852.62

А. К. Ибрагимов, А. А. Жураев

АУДИТ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

Ибрагимов Абдугапур Каримович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Бухгалтерского учета, анализа и аудита» Банковско-финансовой академии Республики Узбекистана; e-mail: gafuribragimov@mail.ru

Жураев Алишер Азимович – начальник департамента внутреннего контроля Национального банка Узбекистана; e-mail: gafuribragimov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются методологические вопросы аудита эффективности системы управления рисками в коммерческих банках. Несмотря на острую необходимость разработки этих вопросов, отечественная практика аудита эффективности системы управления рисками не получила комплексного решения.

Ключевые слова: аудит эффективности, банковские риски, интегрированная система управления рисками, методология аудита, риск-ориентированный контроль, управление рисками.

A. K. Ibragimov, A. A. Juraev

AUDIT THE PROBLEMS OF THE RISK MANAGEMENT EFFICIENCY IN COMMERCIAL BANKS

Abdugafur K. Ibragimov – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Auditing of the Banking and Finance Academy of the Republic of Uzbekistan; e-mail: gafuribragimov@mail.ru

Alisher A. Juraev – Head of the Internal Control Department of the National Bank of Uzbekistan; e-mail: gafuribragimov@mail.ru

Abstract. The article reveals methodological issues of auditing the effectiveness of risk management systems in commercial banks. Despite the urgent need to develop these issues, the domestic practice of auditing the effectiveness of the risk management system has not received a comprehensive solution.

Keywords: performance audit, banking risks, integrated risk management system, audit methodology, risk-oriented control, risk management.

Intraductions

In the face of increasing uncertainty in the external and internal business environment, more and more attention is paid to risk-oriented management technologies. Therefore, a risk-oriented approach begins to play a major role in business management, a characteristic feature of which is the organization of the process of systemic risk management (risk management). The philosophy of a risk-based approach has established itself as the dominant paradigm in strategic management since the 1990s.

It also formed the basis for the latest developments of the Basel Committee on Banking Supervision and the COSO methodology, as well as modern ideas about the organization of internal and external audit processes.

As an element of the control environment formed within the framework of risk-oriented management, in the author's opinion, it is advisable to consider regular external audit of the risk management system in terms of assessing its effectiveness. Therefore, the question of the theoretical and methodological foundations of auditing the effectiveness of the risk management system is of particular relevance.

Aim

In practice, many experts recognize a broader interpretation, including financial audit, confirmation audit for compliance, and management (operational) audit.

The plurality of forms of audit activity is manifested in the concepts of «tax audit», «quality audit», «environmental audit», «performance audit». These forms are united not by the word «audit» itself, but by a single conceptual framework, according to which audit is considered as a special activity aimed at reducing management information risks.

An audit of the effectiveness of management systems can be presented as one of the varieties of management (operational) audit, considered by domestic and Western scientists as an independent type of audit, involving audits of any part of the procedures and methods of the organization's functioning in order to assess performance and efficiency.

According to the authors opinion, thus organizing a management audit means carrying out a full-fledged audit in compliance with basic auditing standards with the auditor expressing a qualified opinion on the effectiveness of the audit object (in this case, the risk management system). Therefore, in the author's opinion, it is legitimate to consider the management audit carried out by independent external auditors, not only as a type of consulting services, but also as an independent type of audit activity [1.34-37p.].

Being a type of management audit, performance audit also has an independent meaning, since it is the effectiveness of the main activity that is the main criterion for the reliability of internal control and for assessing the quality of the management systems.

An audit of the effectiveness of a risk management system should be understood as a purposeful process of testing, analyzing and evaluating the functioning of the audited risk management system in order to confirm the compliance of its qualitative characteristics with the established performance criteria.

The main objectives of the audit of the effectiveness of the risk management system of a commercial bank are to identify bottlenecks (zones of loss of control over risks), assess the adequacy of the existing risk management system to the nature and volume of transactions performed, and develop recommendations for its improvement.

Unlike traditional financial audit, performance audit is not aimed at reporting indicators, but at identifying the most important and significant areas of the management system. In addition, performance auditing is active in relation to the object of the audit, since it is aimed not so much at confirming the facts of violations or deviations, usually determined retrospectively, as at localizing possible problem areas that reduce the overall or local efficiency of the system.

Materials and methods

In the field of control over the activities of a commercial bank, an audit of the effectiveness of the risk management system is logically coupled with a risk-oriented approach. Thus, the audit conducted can be viewed as part of the overall risk management process based on the application of the provisions of the Bank of Russia and the Basel Committee on Banking Supervision.

Methodological support for auditing the effectiveness of the risk management system involves the implementation of the following elements:

- definition of objectives and goals of the audit;
- definition of basic standards, procedures and methods of auditing;
- formation of inspection procedures [2. 63–64 p.].

The traditional approach to financial audit involves the assessment of the internal control system, which in modern conditions also implies some analysis of the risk management functions. However, the auditor's standard assessment of the internal control system does not provide for a comprehensive analysis of the risk management system, that is, its effectiveness. And although the growing role of external auditors in this area is noted in the main documents defining the methodology and practice of modern risk management (for example, in the documents of the Basel Committee on Banking Supervision), this issue has not yet found sufficient reflection in the system of existing principles and standards of auditing.

Since performance audit is just one of the forms of auditing, it seems that most of the principles and requirements laid down in the current auditing standards are applicable to it. In particular, this applies to the requirements for planning, documenting, identifying audit risks, obtaining audit evidence, etc.

Considering the performance audit as a specific control element aimed at assessing the effectiveness, quality and reliability of the risk management system, attention should be paid to its specific goals, objectives and functions. The purpose of the audit of the effectiveness of the risk management system is to confirm the compliance of the applied procedures and methods of risk management with the risk profile of a commercial bank, as well as to assess its reliability in relation to special (stress) risk situations.

Results and discussion

Achievement of these goals is mediated by the implementation of a number of tasks solved during the audit of the effectiveness of the risk management system, in particular:

- analysis of the current organizational structure and information base of risk management;
- assessment of the real risk profile both at the level of the whole bank and within its individual divisions or types of activities;
- assessment of the compliance of the internal control environment with the nature of the risks assumed by the commercial bank;
- assessment of the general level of qualifications of personnel responsible for risk management;

- identification and analysis of bottlenecks in the bank's risk management system;
- stress testing and assessment of the stability of the risk management system in relation to critical situations.

Based on the nature and focus of the tasks to be solved, the following main functions of performance audit can be formulated:

- control – associated with checking the activities of the audited units;
- informational – confirmation of the control results of the values of the probability of the occurrence of a risk event and conducting an appropriate assessment if necessary;
- support of decisions that correct the bank's risk positions, including the implementation of specific procedures for the timely elimination of «failures»;
- analytical – identifying dysfunctions or obvious inconsistencies between the risk management functions and the nature of the bank's risk profile, as well as deviations in the actions of responsible persons from existing methods and standards; development of organizational principles, strategies, policies, techniques, procedures and regulations for tracking the bank's risk positions;
- advisory – the formation of recommendations, the choice of directions for improving the risk management system of a commercial bank, assistance in planning measures for hedging risks, calculating and approving limits.

As the first and main methodological approach when conducting a performance audit, you can use the comparison method, when the current risk management system is considered in comparison with a reference model. One of the following options can be selected as a reference sample:

- the basic version is formed on a formal basis, when the risk management system is built in full compliance with the regulatory recommendations of the Bank of Russia, and the internal regulations and instructions completely repeat the provisions of the relevant documents of the regulatory body, but do not provide for a more detailed study;
- advanced option – is formed on a systematic basis, when the internal organization of risk management provides for more detailed and well-developed regulation of risk management in comparison with the basic instructions of the regulatory body;
- external comparison – benchmarking, when the best market practice or an operating, well-proven risk management system, usually of a third-party bank, is taken as a benchmark.

Comparison with a reference model allows not only to develop certain comparative criteria, but also to point out the missing links in the chain of risk management. However, auditors should not limit themselves to comparison, since comparison provides only an external component of performance measurement.

As a second methodological approach, a structural analysis can be used with the decomposition of the risk management system into basic elements and their subsequent synthesis with the identification of bottlenecks or ineffective components. Since risk management of an organization is not a linear process in which one component has an unambiguous effect on the next, analytical decomposition involves a thorough study of the entire organizational structure of the bank and, in particular, the overall organizational chart of the risk management function. An integrated risk management system, therefore, can be decomposed into separate components, in particular:

- by types of risks (credit, market, interest rate, operational, etc.);
- by the nature of risks (external / internal, permanent / one-time, etc.);

- by the nature and volume of losses (in rubles, in foreign currency; minor losses or catastrophic, etc.);

- by areas of responsibility / competence (board of directors, credit department, treasury, etc.).

At the level of each of the selected components, a standard sequence of procedures related to the performance audit is carried out. However, depending on the adopted decomposition, the nature, volume and other qualitative characteristics of the selected audit evidence and the analytical procedures performed may change. The general sequence of decomposition and analysis is determined by the auditors independently, depending on the assigned audit assignment.

Decomposition is logically complemented by the analysis of various elements of risk management. This analysis can be both quantitative and qualitative, which presupposes a developed analytical apparatus. The result of the analysis can be the identification of new risk factors, clarification of the nature of the impact of existing risk factors, clarification of the risk profile, identification of weaknesses in the internal control system and forecasting possible business development scenarios.

The third methodological approach is an independent assessment of the level of risk. It can be carried out in several directions, but the main one is to identify certain probabilistic characteristics of key risks and the severity of potential losses. In addition, in connection with the transition to risk-oriented banking supervision, initiated with the adoption of Basel II, special attention was paid to assessing the total or “integral” risk of bank bankruptcy.

Under these conditions, the task of auditors is not only to assess the various components of the risk management system, but also to determine various indicators characterizing the key positions of the bank's activities in terms of the risks it takes. One of such indicators, widely used in banking practice, is the risk-adjusted return on capital (RAROC) indicator. It allows you to implement a risk management system directly into the decision-making process by the bank's management.

In the opinion Wee, L. and Lee, J., sides: the convenience of using the RAROC indicator is expressed in the fact that it is comparable and, therefore, can serve as a criterion for the placement of capital between portfolios, divisions and areas of activity, different in size and structure. The RAROC methodology is designed to provide the bank with capital at a level sufficient to cover unforeseen losses due to the realization of all major types of risk with a certain (high) degree of confidence. Thus, we can conclude that the main purpose of using RAROC from the point of view of integrated risk management is to optimize the aggregate amount and structure of the bank's capital.

For the bank risk-adjusted return on equity (RAROC) can be estimated as follows:

$$\text{RAROC} = \text{E} / \text{RC},$$

where **E (earnings)** is the net profit calculated taking into account the costs of partial hedging of market and credit risk;

RC (risk capital) – capital required to cover the main types of risk on operations in order to protect against bankruptcy.

The RAROC indicator can be calculated both based on the results of the selected reporting period and planned for the future. Therefore, the assessment of the performance of the head of each business line will be carried out by comparing the planned value of RAROC with the actually achieved, analyzing trends in the dynamics of RAROC recently, as well as comparing with other divisions and areas of activity [3. 213–225 p.].

Studying the experience of foreign banks in using this method allows the author to conclude that the RAROC method has played a revolutionary role in the development of financial risk management. The advantages of this technique include:

objectivity – a more accurate assessment of the need for capital and the economic profitability of operations in comparison with traditional indicators (return on equity or assets);

complexity – integration in one indicator of assessments of the main types of financial risk (market, credit and operational);

universality – the ability to apply in strategic planning, pricing and personnel motivation systems at all levels of management in the bank.

These advantages, together with the appearance in the 1990s. mathematical models for calculating economic capital to cover market, credit and operational risks based on the VaR (The method for assessing the cost of risk – VaR (Value-at-Risk), based on the analysis of the statistical nature of the market) methodology led to the widespread use of the RAROC approach among large multinational banks.

An integral element of the methodological support for auditing the effectiveness of the risk management system is the formation of audit methods. The algorithm for the formation of any audit technique involves a sequence of certain actions performed by the auditor, regardless of which object and type of audit is selected. At the same time, the general principles of its implementation remain unchanged [4. 45-47 p.].

In the author's opinion, the main components of the methodology for auditing the effectiveness of the risk management system of a commercial bank are:

- general diagnostics of the risk management system in the audited bank;
- selection of baseline performance indicators of the risk management system and their coordination with the management;
- verification activities;
- presentation of audit results to management;
- formation of recommendations for improving the risk management system.

Let's consider the features of each component separately. General diagnostics of the risk management system in the audited bank. The main object of performance audit are management systems or their individual components, which are unique in nature. Accordingly, the first step in performance audit should be an understanding of the principles of building information links and control operating in this system. This requirement is reflected in the system of international auditing standards, where part of the standards directly or indirectly determines the auditor's actions aimed at an adequate understanding of the audited entity's activities [5. 29–30 p.].

Taking into account the specifics of the audit object – the risk management system of a commercial bank, the auditor should first of all carry out a general diagnosis of the state of the risk management system and assess its overall reliability. More efficient options involve more sophisticated general diagnostic tools. In particular, as such a tool can be considered used by specialists Deloitte has a special rating scale that reflects the level of maturity of the risk management system of a commercial bank: on the lower floor of the pyramid, the state of the system is presented in which the bank identifies and reflects in its system the transactions it performs, but does not identify and assessment of possible risks.

On the top – sixth floor – the state of the risk management system is reflected, in which the bank calculates economic capital, allocates it to divisions and evaluates their effectiveness, taking into account the level of risk. General diagnostics of the risk management system of a commercial bank involves consideration of a number of issues and includes an overall assessment:

- strategies in the field of risk management, including an analysis of existing risks both in terms of their presence and management's awareness of the importance of managing them;
- integrity, consistency of the overall organizational structure of risk management and the quality of its information support, as well as its general compliance with the requirements of regulatory bodies;
- the main risk factors identified by the management and capable of actually influencing the bank's activities;
- existing technologies and processes involved in the field of risk management;
- used models, calculations, analysis techniques used in the current and strategic risk monitoring.

Selection of basic indicators of the effectiveness of the risk management system and their coordination with the management. This element is of particular interest because the choice of performance indicators to some extent determines the nature of the audit engagement and the final result of the performance audit.

Carrying out verification activities. Verification activities are carried out in accordance with the performance audit program and plan. Verification activities (as in the case of a financial audit) provide procedures for collecting and evaluating relevant audit evidence, analyzing and evaluating it in terms of its suitability for the nature of the audit being conducted.

In the course of the main verification activities, a more detailed assessment of the bank's risk management structure is carried out than with general diagnostics. This examines the relationship between the procedures that make up risk management processes and key management functions. In the course of the assessment, the real model of risk management is analyzed, the current system of distribution of responsibilities within the administrative hierarchy is considered, and the nature of the functional interaction of persons responsible for risk management is determined.

In addition, the real scheme of information flows is assessed, as well as their compliance with the strategy and risk management model. It also examines the compliance of the bank's risk management function with the volume and nature of operations. In the course of verification activities, the bank's risk profile is analyzed with the formation of a risk map and an assessment of the likelihood of their occurrence, the nature of potential threats and the bank's capabilities in terms of impact on them is determined [6. 97–103 p.].

At the final stage of verification activities, a comparison of the real risk management model with the reference one can be envisaged. Such comparison is necessary for making informed decisions and for a more objective assessment of the results of risk management. An audit of the effectiveness of the risk management system can be supplemented by an analysis of the effectiveness of the bank's management as a whole.

Based on the results of the implementation of all performance audit procedures, bottlenecks of the existing system are identified, key areas in which it is necessary to strengthen the existing risk management functions are identified, areas of catastrophic and increased risk are identified, measures

are assessed to optimize costs for the monitoring system of internal and external risk factors. Presentation of audit results to management.

Conclusions

As a result of the implementation of the necessary audit procedures, a detailed report is generated on the bank's risk management system and the effectiveness of its functioning. The report is the basis for further improvement of the risk management system and making possible strategic decisions regarding the bank's actions in high-risk areas. The report provides a detailed assessment of the internal control system than it does in a standard financial audit. The audit report can become the basis for the formation of a refined risk profile of the bank and the refinement of the assessment of its management capabilities.

Recommendations, forecasts and evaluations of individual programs and actions may be attached to the report. This information, along with the audit of the organization's financial statements, creates a "volumetric" picture of the current and potential state of the bank's risk management and serves as the basis for predicting threats and opportunities for the near future. Formation of recommendations for improving the risk management system. The results reflected in the audit report can become the basis for the auditors' recommendations regarding the improvement of the existing risk management system of the bank and the inclusion of new directions in the consideration. The recommendations of the auditors can form the basis for the development of new risk management policies. Their value is not only that priorities and outlines for further improvement are determined, but specific recommendations are given for their achievement. Among other things, an assessment of the necessary financial investments in the development of risk management can be given and the sequence of steps to implement the planned measures can be determined.

The proposed conceptual approach to auditing the effectiveness of the risk management system is not limited only to the banking sector, but with some modifications can be used to audit the effectiveness of any corporate risk management system, regardless of the type of activity.

Many authors note that in modern conditions external audit is increasingly viewed as an integrated component of risk management, closely related to the internal control service and top management of the company. "External auditors (as partners in risk management) have a specific role to play. As soon as market discipline becomes a means of ensuring the stability of the banking system, market systems must, first of all, have information and the ability to hold directors and managers responsible for the reliable functioning of the bank».

Thus, the audit of the effectiveness of the risk management system by external auditors can be viewed as a kind of guarantee of the effectiveness and quality of risk management mechanisms and methods used in the daily practice of risk management. Auditing the effectiveness of the risk management system not only makes it easier to identify risks and prevent major failures in the internal control function. It evaluates and tests the internal control environment. At the same time, the main parameters of risk and external conditions for the implementation of its management are compared with the main strategic goals, current standards and quality indicators of the bank's activities, which makes it possible to determine priority areas for strengthening and improving the risk management function.

Bibliography

1. Babbel, D. and Santomero, A. "Financial Risk Management by Insurers: An Analysis of the Process" // Journal of Risk and Insurance, June 1997. forthcoming.

2. Prokhorova V. V. Territorial economic system: sub-regional resources, strategies and tools for intensive development [dissertation]. Maykop, 2011 (In Russ.)
3. Wee L. and Lee, J., RAROC and Risk Management--Quantifying the Risks of Business, Bankers Trust New York Corporation, 1995.
4. Santomero A. and J. Trester, "Structuring Deposit Insurance for a United Europe," // European Financial Management, May 1997 forthcoming.
5. Yushkova S. D. Adaptation of the Basel Agreements for the purposes of internal standards of the bank's operations // Auditor. 2013; (4):29-36. (In Russ.)
6. Vahabov A. V., Ibragimov A. K., Risaev N. K. Methodology for the introduction of International Financial Reporting Standards in the external audit of commercial banks. Tashkent: Moliy, 2011.188 p. (In the uzb).

УДК: 336.77.067.22

ББК: 65.315

Ю. В. Брехова, С. А. Потомова

СПАСЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ДЕЛО РУК ИПОТЕКИ?

Брехова Юлия Викторовна – к.э.н., доцент, заведующий кафедрой экономики и финансов Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС; e-mail:brechova7@mail.ru

Потомова Софья Александровна – старший преподаватель кафедры экономики и финансов Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС; e-mail:potomova@inbox.ru

Аннотация. Возрастающая роль ипотечного кредитования в стратегии Правительства Российской Федерации по смягчению проявлений кризисных явлений современной экономики имеет как положительные, так и негативные последствия для экономики страны. В статье проводится анализ современных тенденций на рынке ипотечного кредитования с позиции оценки эффективности принимаемых мер по спасению экономики, а также выделяются новые тренды, нуждающиеся в развитии или пресечении со стороны государства.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, ипотека, кризис, загородная недвижимость, поддержка экономики, кредитный риск, цифровизация, безработица, реальные доходы населения.

J. V. Brekhova, S. A. Potomova

SAVING THE ECONOMY AT THE HANDS OF MORTGAGES?

Julia V. Brekhova – Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance of the Volgograd Institute of Management – a branch of the RANEPA; e-mail: brechova7@mail.ru

Sofya A. Potomova – Senior lecturer at the Department of Economics and Finance of the Volgograd Institute of Management – branch of the RANEPA; e-mail: potomova@inbox.ru

Abstract. The growing role of mortgage lending in the strategy of the Government of the Russian Federation to mitigate the manifestations of crisis phenomena of the modern economy has both positive and negative consequences for the country's economy. The article analyses the current trends in the mortgage lending market from the point of view of assessing the effectiveness of measures taken to save the economy, as well as highlights new trends in need of development or suppression by the state.

Keywords: mortgage lending, mortgage, crisis, suburban real estate, economic support, credit risk, digitalization, unemployment, real incomes of the population.

Роль ипотечного жилищного кредитования для современной экономики развитых и развивающихся стран мира сложно переоценить. Некоторые европейские (Великобритания, Италия) и азиатские (Индия, Китай) страны уделили большое внимание поддержке ипотечного кредитования в период пандемии коронавируса. В России, можно сказать, была сделана ставка на ипотечное кредитование как на инструмент спасения экономики. Повышенное внимание к ипотечному кредитованию со стороны правительства обозначилось в тенденцию к 2014 году, однако 2020 год абсолютно справедливо называют годом ипотечного бума.

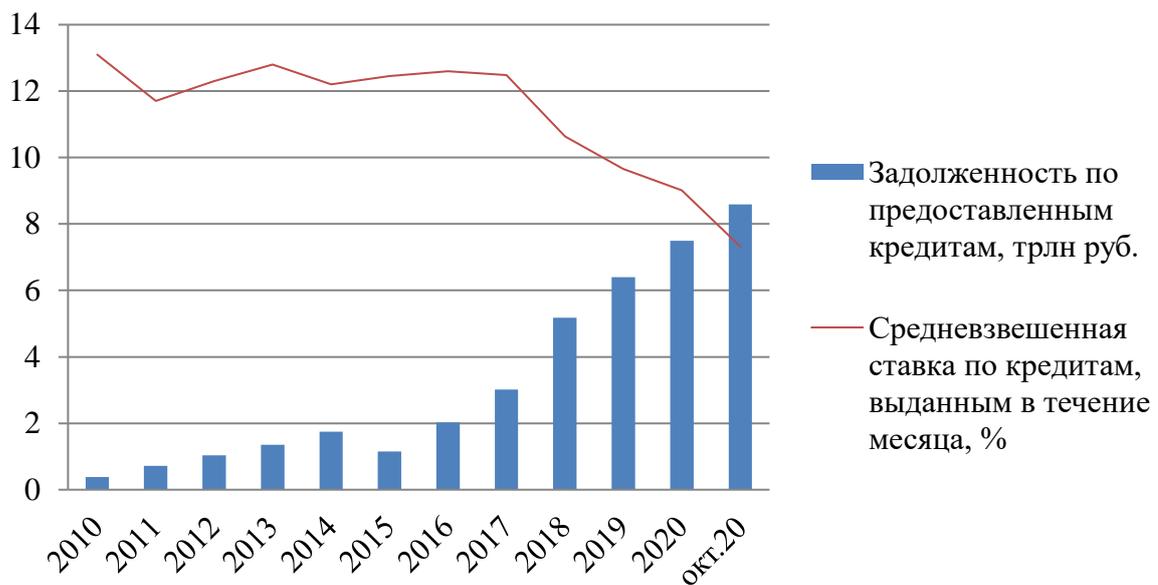

Рис. 1. Основные показатели рынка ипотечного кредитования в России
Источник: Банк России [10].

Ежемесячно Банк России и агентство ДОМ.РФ отчитываются о рекордах выдачи ипотечных кредитов и снижении уровня ставок. Многие специалисты в области экономики высказывают опасения перегрева рынка. Чуть больше десятилетия прошло со времен мирового финансового кризиса, вызванного ипотечным кредитованием. С одной стороны очевиден эффект низкой базы, так как в целом рынок ипотечного кредитования оценивается в 8 % от ВВП страны на конец 2020 года, в то время как во многих развитых странах этот показатель достигает 20 % и выше. С другой стороны резкий рост цен на рынке недвижимости и негативные факторы, влияющие на реальные доходы населения, нивелируют улучшение условий кредитования, что приводит к росту недоступности ипотечных кредитов для граждан [5]. С целью определения эффективности поддержки ипотечного кредитования как инструмента спасения экономики России обозначим тенденции рынка в контексте направления их влияния. К основным выявленным тенденциям мы относим следующие:

- 1) действие программы льготной ипотеки;
- 2) рост стоимости на первичном рынке недвижимости с одновременным замираньем рынка вторичной недвижимости;
- 3) реализация схемы строительного финансирования через эскроу-счета;

- 4) переориентация покупателей на загородную недвижимость;
- 5) снижение качества ипотечных заемщиков;
- 6) внедрение цифровых технологий во все этапы ипотечного кредитования.

Появление на рынке в апреле 2020 года программы льготной ипотеки со ставкой 6,5 % при покупке жилья у застройщика привело к множеству последствий. Резкий рост выдаваемых ипотечных кредитов, продолжающийся до сих пор, сначала объяснялся экспертами отложенным спросом. Начиная с марта, многие сделки по ипотечному кредитованию были отложены из-за введения мер по противодействию распространения коронавирусной инфекции вплоть до мая 2020 года. Однако спустя несколько месяцев стало очевидно желание населения сохранить свои накопления, инвестировав их в недвижимость. Объясняется такой выбор сразу несколькими причинами: высокие инфляционные ожидания, отсутствие альтернативных инструментов сохранения накоплений из-за снижения ставок по банковским вкладам, негативный опыт вложений в бытовую технику в 2014 году, недоверие к действиям властей и Центрального банка. При этом, говоря о рекордном росте выдаваемых кредитов, стоит отметить, что именно по льготной ипотеке выдано менее половины запланированного правительством объема (в бюджете было отведено 6 млрд руб., в итоге до ноября было затрачено всего 2,8 млрд руб.). Это стало одной из причин продления программы еще на полгода. Следовательно, говорить о перегреве экономики пока не приходится.

В то же время льготная ипотека не стала панацеей для экономики. Так как более 90 % ипотечных кредитов на новостройки выдано именно по программе льготной ипотеки очевидно влияние программы на рост стоимости недвижимости на первичном рынке жилья, но влияние это скорее негативное.

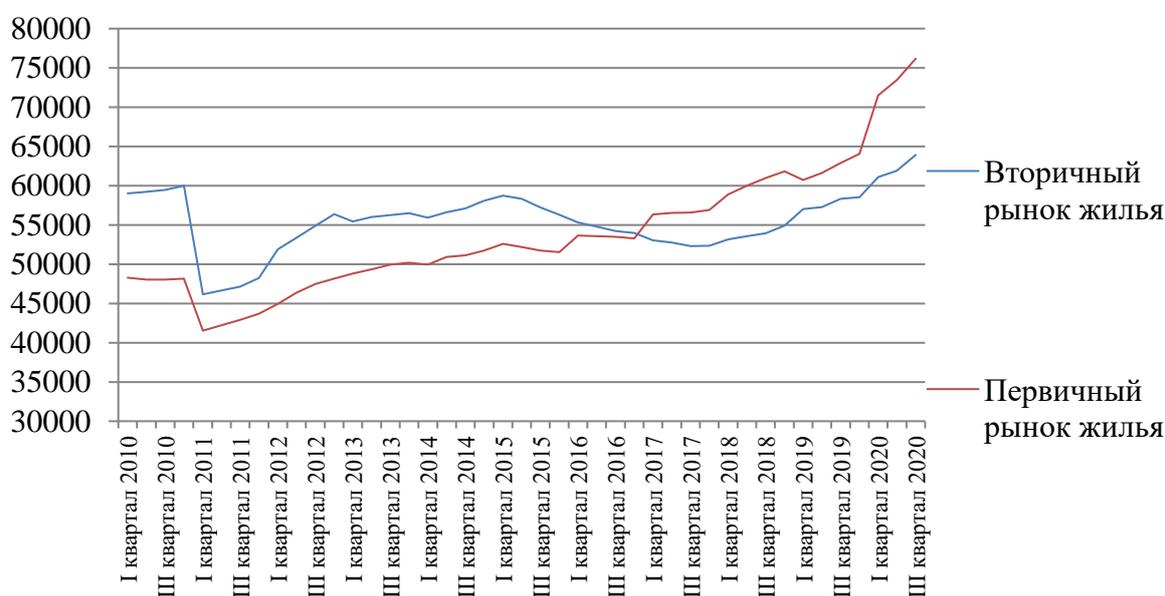

Рис. 2. Средняя цена 1 кв. м общей площади квартир на рынке жилья.

Источник: Росстат [7].

Ситуация с замиранием цен на вторичном рынке и быстрым ростом цен на первичном привела к повышенному ажиотажу населения при покупке недвижимости. Еще одним важным

фактором стало введение материнского капитала на первого ребенка, который можно потратить в том числе на покупку недвижимости. Особенно это заметно на региональных рынках жилья, когда граждане, заметив рост стоимости недвижимости, приняли решение воспользоваться всеми мерами поддержки от государства и вложили все свои накопления в покупку жилья. Так в общем объеме сделок по покупке недвижимости в строящихся многоквартирных домах доля ипотечных сделок в настоящее время достигает 90 % [3]. В результате, доступность жилья в период до введения мер государственной поддержки субсидирования ставок по ипотечному кредитованию и после оказалась абсолютно равна, так как рост цен ликвидировал выгоду от применения льготной ставки по ипотечному кредиту.

Также на рост стоимости недвижимости на первичном рынке недвижимости стало внедрение схемы финансирования строительства через эскроу-счета. Данная мера призвана защитить средства дольщиков от финансовых проблем застройщика, который при использовании эскроу-счетов получает доступ к деньгам покупателей только после успешного завершения строительства, а в текущей деятельности финансируется за счет кредитов от банка. В результате введения третьей стороны сделки – кредитной организации в отношения между покупателем и застройщиком появлялись дополнительные расходы на обслуживание кредитов, что повлекло за собой снижение рентабельности девелоперов. Как и следовало ожидать, застройщики постарались переложить это бремя на дольщиков, заложив расходы в цену, что привело к очередному скачку цен на новостройки [9]. При этом, еще до начала действия обязательств по использованию эскроу-счетов большинство строителей успели запланировать и оформить значительную часть будущих объектов через старую схему финансирования. Это означает, что больше половины строящихся сейчас зданий финансируются по старой схеме, но на цене в меньшую сторону это, конечно, никак не отразилось.

Еще одной особенностью современного этапа развития рынка жилой недвижимости стала переориентация покупателей на загородную недвижимость. Период самоизоляции обострил проблемы домохозяйств, арендующих жилье в центре города или имеющих небольшую жилплощадь. Во-первых, так как пропала необходимость оплачивать дорогостоящую недвижимость, близкую к центру города, то многие квартиросъемщики предпочли переехать либо дальше от центра, либо вовсе вернуться в родной город из-за возможности теперь работать удаленно. Во-вторых, если раньше многие семьи предпочитали проводить много времени вне дома (школа, парки, детские сады, торговые центры, офисы в рабочие часы и пр.), то теперь они были вынуждены обустроить в своей квартире рабочие места для взрослых и школьников, организовать домашний досуг для детей дошкольного возраста, что оказалось достаточно проблематично в условиях небольшой жилплощади. В-третьих, закрытые границы ограничили большое число людей в их возможностях провести летний отдых вдали от дома. Вместе эти новые условия жизни спровоцировали желание приобрести загородную недвижимость. При этом спрос, как на готовые дома, так и на земельные участки настолько превысил предложение, что буквально за первый месяц карантинных мер была продана практически половина объектов, имеющихся на рынке загородной недвижимости. В последующие месяцы рост цен на загородную недвижимость составил от 12 % до 50 % в годовом выражении в зависимости от региона и категории объектов.

Несмотря на возросший спрос, оказалось, что банки не готовы к кредитованию загородной недвижимости, за исключением недвижимости в Московской области. К примеру,

такие программы как «Сельская ипотека от 1,9 %» подразумевают либо строительство загородной недвижимости исключительно через специальных застройщиков, либо покупку уже готовой недвижимости со всеми подключенными коммуникациями (в том числе наличие газа как обязательное условие). Такие условия практически невыполнимы в большинстве регионов: специализированных застройщиков просто нет, как и доступного для подключения газа. Логичным ответом на потребности граждан стало предложение Правительства внедрить программу льготной ипотеки на индивидуальное жилищное строительство по ставке от 6,1 %, которая была запущена 1 декабря 2020 г., но пока получить кредит смогут только семьи с детьми. На данную программу выделено 2,2 млрд рублей [1] и срок ее действия в настоящее время ограничен 30 июня 2021 г. По нашему мнению, данный рынок имеет важное значение для развития экономики России. Помимо поддержки для отрасли производства материалов и строительства, развитие пригородных территорий позволит повысить качество жизни, развить инфраструктуру небольших городов, решить вопросы перенаселенности городских районов и проблемы привлечения молодых специалистов в небольшие города и поселки.

Говоря о преимуществах расширения ипотечного портфеля банков, следует обратить внимание на главный показатель успеха такого инструмента в поддержке экономики – возвратность этих кредитов. В условиях снижения темпов экономического роста и реальных доходов населения, повышения безработицы и расходов домохозяйств на импортные товары актуализируется вопрос кредитного качества заемщиков [4]. С одной стороны пристальное внимание регулятора к качеству ипотечного портфеля всегда позволяло утверждать, что любые кризисы банкам не страшны. Однако на практике оказалось, что в погоне за рекордными объемами выдачи ипотечных кредитов требования к заемщикам в 2020 году резко снизились. Это выражается в отсутствии необходимости подтверждения какого-либо дохода, наличия имущества, места работы, снижении уровня первоначального взноса и даже нежелании банков принимать материнский капитал из-за полугодового ожидания выплат по нему.

Реальные располагаемые доходы россиян в третьем квартале 2020 года, согласно Росстату упали более чем на 8 % в годовом выражении, что является рекордным падением с 1999 года. Для оценки динамики зарплат российских граждан, по мнению некоторых экономистов, можно использовать данные по сбору налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Так в апреле налоговые поступления сократились на 18,6 % в годовом выражении, в мае спад сократился до 13,8 %. За апрель – май, по данным Федерального казначейства, сборы НДФЛ сократились на 16,4 % в годовом исчислении (против роста на 12 % в первом квартале). Основываясь на этих данных, совокупное сокращение (с учетом потерь в малом бизнесе и роста безработицы) могло составить до четверти реальных доходов населения. Возникает вопрос поиска средств для погашения набранных ипотечных кредитов. В названных условиях взять ипотечный кредит, пусть и по относительно низкой ставке, может позволить себе либо очень уверенный в своем доходе человек, либо не дальновидный и беспечный. Как известно, вторых гораздо чаще можно встретить в отделах кредитования.

Общероссийский показатель безработицы к ноябрю 2020 года достиг отметки в 6,1 % от всей рабочей силы. Учитывая региональную специфику, на рисунок 3 вынесены для сравнения регионы с традиционно высоким уровнем просроченной задолженности по ипотечным кредитам.

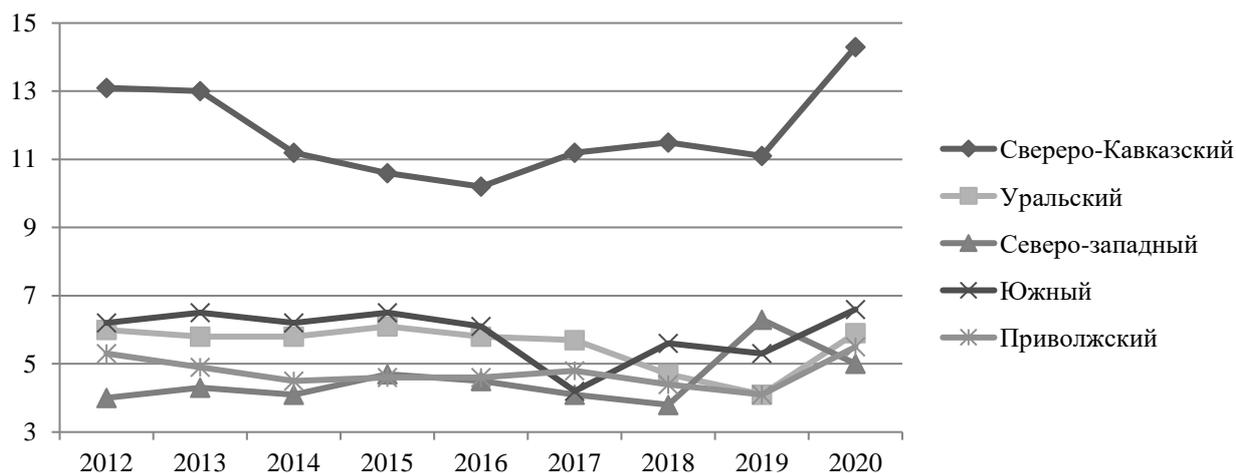

Рис. 3. Уровень безработицы по федеральным округам, в % к численности экономически активного населения

Источник: составлено автором по данным Росстат [8].

Данные по безработице явно отражают негативную тенденцию к увеличению числа безработных, особенно на рынке труда в Северо-Кавказском федеральном округе, где предложение существенно превышает спрос [2]. Кроме того, система профессионального образования не адаптирована к рыночным условиям.

Если рассматривать общероссийскую тенденцию просроченной задолженности по ипотечным кредитам ситуация полностью отражает выдвинутые предположения о росте кредитного риска. При этом, как видно на рисунке 4 доля дефолтных кредитов к общему объему выдачи постоянно сокращается. По мнению авторов, это связано исключительно с быстрым ростом выданных ипотечных кредитов, но не с повышением их качества.

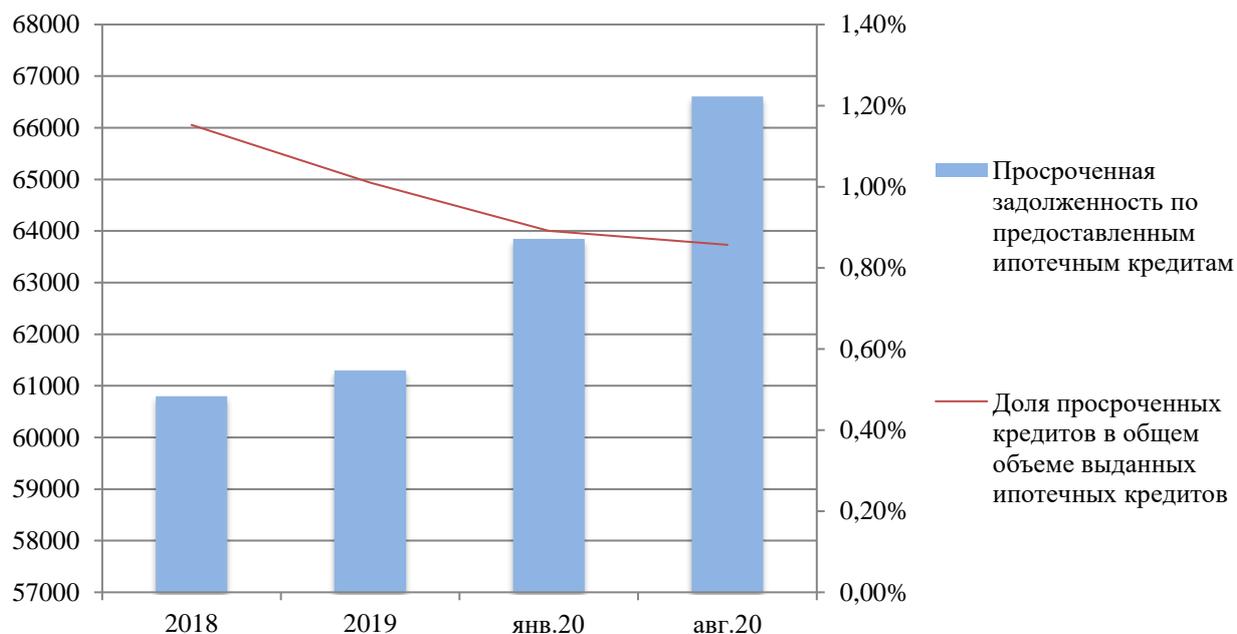

Рис. 4. Уровень кредитного риска ипотечных кредитов в РФ (левая ось – в млн руб., правая ось – в %).

Источник: составлено автором по данным Центрального банка Российской Федерации [10].

Указанные негативные тенденции явно свидетельствуют о росте кредитного риска банков, что должно быть учтено при принятии решения о продлении государственной поддержки ипотечного кредитования или смене вектора финансирования.

Роль информационных технологий в экономике ипотечного кредитования очевидно выходит на первый план. В особенности это относится к процессу накопления кредитного портфеля (онлайн-ипотека) и формирования пула для последующей секьюритизации ипотечных активов (цифровая закладная). Цифровая ипотека уже стала современной реальностью, а банки, имеющие уже действующую инфраструктуру выдачи такой ипотеки, очевидно, выиграли в период введения карантинных мер. Цифровая закладная стала логичным ответом на запрос рынка. Прогнозы участников рынка сошлись в одном: электронная закладная упростит, удешевит и ускорит организацию сделки секьюритизации [6]. Однако в первую очередь она способна снизить в долгосрочной перспективе эмиссионный риск банков, заинтересованных в секьюритизации выданных кредитов.

Неготовность электронных систем взаимодействия между институтами инфраструктуры рынка ипотечного кредитования выразилась в возросшей нагрузке на системы хранения информации внутри системы и слабой защите от внешних атак, которые одновременно увеличились. С другой стороны в обществе сохраняется неприятие данного процесса отдельными категориями граждан, особенно в части финансовых услуг и взаимодействия с коммерческими банками. Здесь кредитным организациям пришлось сохранить каналы оффлайн-взаимодействия для снижения репутационного риска.

Важно отметить, что ранее при развитии концепции цифровой ипотеки как одним из главных провозгласимых преимуществ было снижение расходов на сделку, связанные с регистрацией недвижимости и оформлением ипотечного кредита. Однако все оказалось наоборот – теперь заемщикам, желающим провести электронную регистрацию сделки необходимо заплатить за цифровые подписи, доступ к определенным агрегаторам и т.д. При этом никаких гарантий на случай отключения интернета, утечки данных или сбоя в системе заемщики не получили. Можно утверждать, что банки не так заинтересованы в цифровизации ипотечного кредитования, как должно быть заинтересовано государство. Строительная отрасль в целом пока еще остается непрозрачной и консервативной с точки зрения финансов. Поэтому именно государственная стратегия по развитию единого цифрового пространства должна стать основополагающей и для отрасли цифровой ипотеки.

Таким образом, положенный в основу плана по спасению экономики тренд развития ипотечного кредитования первичного рынка жилой недвижимости, по нашему мнению, не дал нужного эффекта по причине неполной реализации всех возможностей данного инструмента. Остается высокой вероятностью резкого падения цен на новостройки после отмены государственной поддержки. Одновременно с этим требует повышенного внимания качество новых ипотечных заемщиков, которые решаются взять на себя бремя долгосрочного кредита в финансово нестабильное время. С позиции государственной стратегии развития следует обратить внимание на возрастающую актуальность загородной недвижимости, которая позволит решить сразу несколько социальных проблем нашей страны, но в настоящее время остро нуждающаяся в формировании правового поля и финансовой помощи. Решение совокупности обозначенных проблем позволит оказать экономике России ощутимую поддержку для выхода на новый этап развития.

Библиографический список

1. В России заработала программа льготной ипотеки на ИЖС [Электронный ресурс] // ДОМ.РФ. URL: <https://дом.рф/media/news/-dom-rf-v-rossii-zarabotala-programma-lgotnoy-ipoteki-na-izhs/> (дата обращения: 01.12.2020).
2. Вайсман Е. Д., Подшивалова М. В. Цифровизация vs занятость: опыт банковского сектора // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». 2018. Т. 12. № 4.
1. Дверь в никуда [Электронный ресурс] // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/articles/2020/11/12/mortgage_crisis/ (дата обращения: 28.11.2020)
2. «Ковидизация» российского рынка труда // Экономический разговор. URL: <https://econs.online/articles/opinions/kovidizatsiya-rossiyskogo-rynka-truda/> (дата обращения: 22.11.2020)
3. Колчин С. П., Кеменов А. В. Финансово-кредитное стимулирование экономического роста // Финансы. 2018. № 12.
4. Назарчук Н. П. Цифровизация механизма приобретения жилья в России как элемент совершенствования ипотечного жилищного кредитования // Финансовая экономика. 2020. № 8.
5. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Банк России. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ipoteka> (дата обращения: 18.09.2020)
6. Росстат. Уровень жизни URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 10.11.2020)
7. Что будет с ценами на новостройки после введения счетов эскроу // РБК. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5b48ae2c9a794770a060e642> (дата обращения: 14.11.2020)
8. Центральный банк РФ: Группировка задолженности по ипотечным жилищным кредитам по срокам задержки платежей // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/UD-Stat.aspx?TbIID=4-11> (дата обращения: 06.11.2020)

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

SECTORAL ECONOMICS

УДК 658.114

ББК 65.290

Е. Г. Горбунова

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Горбунова Екатерина Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин Автономной некоммерческой организации высшего образования «Волгоградский институт бизнеса»; e-mail: rfnt2006@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено государственное регулирование малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. Проанализированы государственные меры поддержки для малого и среднего бизнеса в Российской Федерации в условиях кризиса. Показаны объемы финансирования антикризисных мер государственной поддержки. Предложены мероприятия на уровне государства и мероприятия на уровне малого бизнеса, которые могут повлиять на устойчивое развитие малого и среднего бизнеса в условиях сложившейся экономической ситуации.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, национальный проект, анализ, государственная поддержка.

E. G. Gorbunova

ANTI-CRISIS MEASURES OF STATE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Ekaterina G. Gorbunova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Financial and Economic Disciplines of the Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education «Volgograd Institute of Business»; e-mail: rfnt2006@yandex.ru

Abstract. The article considers the state regulation of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. Government support measures for small and medium-sized businesses in the Russian Federation during the crisis are analyzed. The volume of financing of anti-crisis measures of state support is shown. We propose measures at the level and small business level that can affect the sustainable development of small and medium-sized businesses in the current economic situation.

Keywords: small business, business, national project, analysis, state support.

Государственное регулирование малого и среднего бизнеса осуществляется на основании ФЗ от 24.07.2007 г. № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». На уровне государства реализуется национальный проект «Малое и среднее

предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы. Министерства РФ, Банк России, ФНС России и другие государственные органы осуществляют регулирование деятельности субъектов малого и среднего бизнеса (рис. 1).

В рамках национального проекта до 2024 года планируется освоить 481,5 млрд. руб. Однако в 2020 году помимо реализации проекта, государство вынуждено было разработать антикризисные меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса в условиях пандемии, поскольку режим самоизоляции предопределил временное прекращение деятельности малых предприятий и ИП во всех сферах экономики. Снизился оборот, финансовый результат, рентабельность, численность занятых граждан в малом и среднем бизнесе. Возникли проблемы с выплатой заработной платы работникам, с погашением процентов за кредиты, с оплатой аренды и выполнением обязательств перед бюджетом, внебюджетными фондами. Выросла дебиторская и кредиторская задолженность субъектов малого и среднего бизнеса.

Поддержку малым и средним предприятиям оказывали: АО «Корпорация МСП», Торгово-промышленная палата Российской Федерации, региональные центры «Мой бизнес» – государственная цифровая платформа. На официальных сайтах указанных организаций поддержка бизнеса оказывалась постоянно, а в условиях пандемии велась разъяснительная работа по антикризисным мерам. Статус субъектов МСП, которые обращаются за поддержкой разный. За поддержкой обращаются руководители фирм, сотрудник компании, председатели кооперативов, члены кооперативов, фермеры, начинающие фермеры, самозанятые [1]. Цель получения поддержки различная, поскольку она формулируется исходя из потребности. Субъекты МСП обращаются по экономическим и кадровым вопросам, юридической помощи и т.д.

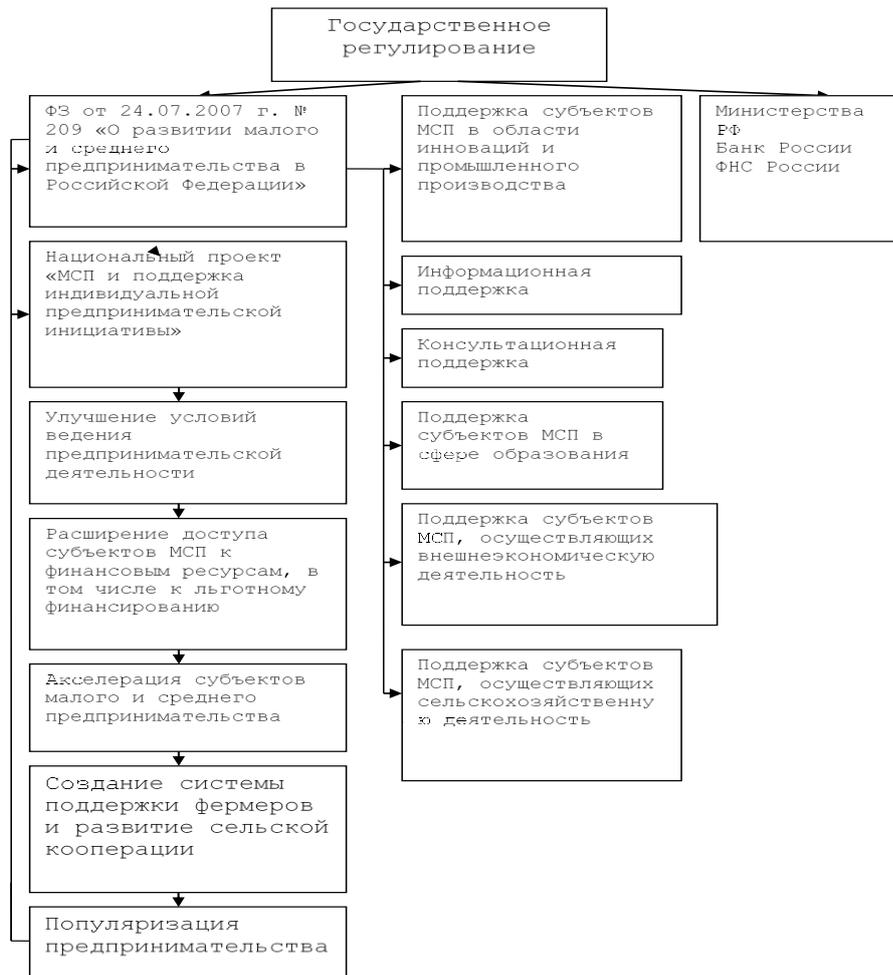

Рис. 1. Государственное регулирование малого и среднего предпринимательства в РФ

Правительством были определены двенадцать сфер деятельности наиболее пострадавших от пандемии. Первоочередные меры государственной поддержки касались именно этих отраслей экономики (таблица 1). Приняты соответствующие Постановления Правительства. Всего по отраслям кризис затронул 6,4 млн. человек. Из общего количества человек – 3,3 миллиона человек из сферы малого и среднего предпринимательства [3].

Таблица 1

Отрасли российской экономики пострадавшие от пандемии

Сфера деятельности, наименование вида экономической деятельности	Нормативный документ
Транспортная деятельность	Постановление Правительства № 434 Постановление Правительства № 479 Постановление Правительства № 540 Постановление Правительства № 657 Постановление Правительства № 745 Постановление Правительства № 927
Культура, организация досуга и развлечений	
Физкультурно-оздоровительная деятельность и спорт	
Деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма	
Гостиничный бизнес	
Общественное питание	
Деятельность организаций, дополнительного образования, негосударственных образовательных учреждений	
Деятельность по организации конференций и выставок	
Деятельность по предоставлению бытовых услуг населению (ремонт, стирка, химчистка, услуги парикмахерских и салонов красоты)	
Деятельность в области здравоохранения	
Розничная торговля непродовольственными товарами	
СМИ и производство печатной продукции	

Министерство Экономического развития Российской Федерации осуществляет государственную поддержку финансирования малого и среднего бизнеса в рамках программы льготного кредитования малого и среднего бизнеса; программы субсидирования кредитов на возобновление деятельности; программы субсидирования кредитов на неотложные нужды для поддержки и сохранения занятости; программы субсидирования на обеспечение отсрочки по кредитам; программы предоставления льготных микрозаймов на неотложные нужды. Далее в таблице представлена структура финансирования антикризисных мер. Общая сумма финансирования 3,26 трлн. руб. На четвертой позиции по объему финансирования поддержка субъектов малого и среднего бизнеса – 835,5 млрд. руб. (таблица 2).

Таблица 2

Структура финансирования антикризисных мер

Антикризисные меры	Сумма
Обеспечение сбалансированности бюджетов субъектов РФ	373,9 млрд. руб.
Общая сумма государственных гарантий	500 млрд. руб.
Поддержка наиболее пострадавших отраслей и системообразующих предприятий	597,2 млрд. руб.
Поддержка субъектов малого и среднего бизнеса	835,5 млрд. руб.
Социальная поддержка	960,8 млрд. руб.
Всего	3,26 трлн. руб.

Антикризисные меры корреспондируются с национальным проектом «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Предусмотрена на уровне Правительства адаптация мероприятий НП «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Охвачены 83 региона.

По официальным данным Банка России с 20 марта по 12 августа число обращений субъектов малого и среднего предпринимательства об изменении условий кредитных договоров, предоставления кредитных каникул составило 140,5 тысяч. Представители бизнеса обратились в 65 банков по Российской Федерации [2].

«Программа льготного кредитования» направлена на поддержку занятости. Предусмотрена ставка по кредитам для пострадавшего бизнеса – 2 %. По данным Минэкономразвития заключено более 200 тысяч кредитных соглашений, поддержано более пяти миллионов рабочих мест. Наибольший удельный вес кредитов приходится на Центральный федеральный округ 33 %. Получено кредитов Приволжским федеральным округом на 12,5 % меньше, чем ЦФО и в целом составило 20,5 %. Северо-западный федеральный округ получил кредитов 12 %, а Южный федеральный округ менее 10 %.

Данная программа позволила сохранить трудовые коллективы, повысить психологическую и моральную поддержку в условиях кризиса. В то же время заемщики должны выполнять условия льготного кредитования. Период наблюдения выполнения условий кредитования начнется с первого декабря. Малые и средние предприятия не должны сокращать число работников.

Двадцать семь федеральных контрольных органов не будут проводить проверки. Отменено 100 тысяч плановых и 400 тысяч внеплановых проверок. Они могут проводиться только «в случае угрозы жизни и здоровью граждан» [4].

Снижена административная нагрузка относительно 70 видов разрешений. Разрешения продлеваются или переносятся сроки аттестации. Это касается лицензий на розничную продажу алкогольной продукции, сертификаты врачей, удостоверения частных организаций, лицензий на услуги связи, лицензий на частную охранную деятельность, лицензий на пользование недрами и т.д.

Антикризисные меры представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Меры поддержки бизнеса

«Отсрочка по аренде» предлагалась малым предприятиям из перечня отраслей, которые пострадали от пандемии. Данная мера действовала до первого октября 2020 года. Со стороны государства предусмотрено «снижение требований к обеспечению госконтрактов и сохранение объемов закупок».

В целом подводя итог, отметим, что накоплен большой опыт развития малого и среднего бизнеса в современной России. Мировые и локальные экономические кризисы циклически повторяются. Устойчивое развитие малого и среднего бизнеса можно обеспечить за счет разных направлений.

Со стороны государства:

- Оценить эффективность государственной поддержки за предыдущий и отчетный периоды.
- Проанализировать деятельность малых и средних предприятий, индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств, потребительских кооперативов, микропредприятий по федеральным округам, выявить проблемы и перспективы развития.
- Усилить работу региональных органов власти по вопросам информационной, консультационной, финансовой поддержки субъектов МСП в условиях кризиса.
- Повысить эффективность работы организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Со стороны субъектов МСП.

- Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности.
- Определение жизнеспособности МП или ИП в сложившейся экономической ситуации.
- Разработка мероприятий по преодолению кризиса за счет государственной помощи; собственных резервов; интеграции с другими субъектами МСП; переориентации хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. АО «Корпорация МСП» – официальный сайт. URL: <http://corpmsp.ru/> (дата обращения: 10.10.2020 г.).
2. Банк России – официальный сайт URL: <http://cbr.ru/> (дата обращения: 15.09.2020 г.).
3. Правительство РФ – официальный сайт. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 12.09.2020 г.).
4. Федеральная налоговая служба – официальный сайт. URL: <http://nalog.ru/> (дата обращения: 12.09.2020 г.).

УДК 338.48

ББК 65.433

Н. А. Кравченко

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЕЙ ТУРИСТСКОЙ СФЕРЫ

Кравченко Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; e-mail: nataliakravchenko85@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы управления процессами внедрения кластерных инициатив в туристскую сферу Республики Крым в контексте качественного преобразования механизмов эффективного развития туристского региона. В ходе исследования выявлено, что в научной среде, несмотря на значительное количество публикаций, не выработан однозначный подход к понятию «туристский кластер», что говорит об актуальности выбранного направления. Благодаря систематизации научных мнений предложено комплексное определение понятия «туристский кластер». Обосновано, что экономические функции туризма определяют вектор развития туристской сферы, а степень их разработанности – уровень интегрированности в экономику и эффективность реализации имеющегося туристского потенциала. Выделен ряд проблем экономико-правового характера, которые сдерживают экономический рост в сфере туризма в Республике Крым, среди которых: недостатки в системе управления, разноместная подчиненность, недостаточное финансовое обеспечение, отсутствие разветвленной и прозрачной информации, большой удельный вес сектора теневой экономики и прочее. Также автором проведен анализ и обобщение ключевых подходов к формированию организационного механизма внедрения и управления туристским кластером. Выявлено, что кластерная модель развития крымского региона должна включать такие элементы, как: туристские ресурсы; конкурентоспособные производители туристских услуг; сеть образовательных, культурных, и научно-исследовательских учреждений; квалифицированные кадры; эффективную систему менеджмента. В результате исследования сформулированы стратегические и операционные цели для успешного внедрения и развития туристских кластеров в регионе; поставлены приоритетные задачи и определены пути достижения высоких темпов внедрения кластерного подхода для развития туризма в Республике Крым. Дискуссионными остаются вопросы оценки туристской привлекательности территорий и объектов природно-рекреационной сферы, что связано с наличием множества экономических параметров и характеристик туристского продукта, каждый из которых имеет право на трансформацию и интерпретацию в зависимости от времени и места их применения.

Ключевые слова: туризм, туристский кластер, туристско-рекреационный комплекс, туристский продукт, туристская дестинация, региональное управление, социально-экономическое развитие, эффективность, внедрение кластерного подхода, туристский потенциал.

N. A. Kravchenko

FEATURES OF MANAGING CLUSTERING OF THE TOURIST SPHERE

Natalia A. Kravchenko – Candidate of economic Sciences, Associate Professor of administrative and financial law Department Crimean branch of the Russian state University of justice; e-mail: nataliakravchenko85@gmail.com

Abstract. The article examines current issues of managing the implementation of cluster initiatives in the tourism sector of the Republic of Crimea in the context of qualitative transformation of mechanisms for effective development of

the tourist region. The study revealed that the scientific community, despite a significant number of publications, has not developed an unambiguous approach to the concept of «tourist cluster», which indicates the relevance of the chosen direction. Due to the systematization of scientific opinions, a comprehensive definition of the concept of «tourist cluster» is proposed. It is proved that the economic functions of tourism determine the vector of development of the tourism sector, and the degree of their development – the level of integration into the economy and the effectiveness of the existing tourist potential. There are a number of economic and legal problems that hinder economic growth in the tourism sector in the Republic of Crimea, including: shortcomings in the management system, multi-departmental subordination, insufficient financial support, lack of extensive and transparent information, a large share of the shadow economy sector, and so on. The author also analyzes and summarizes key approaches to the formation of an organizational mechanism for implementing and managing a tourist cluster. It is revealed that the cluster model of development of the Crimean region should include such elements as: tourist resources; competitive producers of tourist services; a network of educational, cultural, and research institutions; qualified personnel; an effective management system. As a result of the research, strategic and operational goals are formulated for the successful implementation and development of tourism clusters in the region; priority tasks have been set and ways to achieve high rates of implementation of the cluster approach for the development of tourism in the Republic of Crimea have been identified. The issues of assessing the tourist attractiveness of territories and objects of the natural and recreational sphere remain debatable, which is due to the presence of many economic parameters and characteristics of the tourist product, each of which has the right to transform and interpret depending on the time and place of their application.

Keywords: tourism, tourist cluster, tourist and recreational complex, tourist product, tourist destination, regional management, socio-economic development, efficiency, implementation of the cluster approach, tourist potential.

Современные тенденции развития экономики России актуализировали достаточно многочисленное количество проблем, среди которых и проблема повышения качества использования туристско-рекреационных ресурсов. Развитие туризма, как достаточно динамичной отрасли, во всем мире рассматривается в качестве приоритетного и перспективного направления воспроизводства экономики. Важность подобного подхода для Республики Крым неоспорима. Более того, высокая интегрированность туристских предприятий с субъектами хозяйствования других отраслей экономики (создание надлежащей туристской инфраструктуры) требует качественных улучшений в сферах строительства, культуры и искусства, транспорта и связи и тому подобное. Одним из перспективных форм организации туристской деятельности следует считать внедрение кластерного подхода.

Цель исследования – рассмотрение и анализ целесообразности и эффективности внедрения кластерных инициатив в туристскую сферу Республики Крым с учетом условий трансформации и адаптации к новым экономико-правовым реалиям. Для решения поставленной цели использованы следующие методы: морфологический анализ – для обобщения теоретических подходов к определению сущности и содержания предметной области управления интеграционным развитием туристско-рекреационным комплексом; диалектический метод познания и компаративный анализ – для определения и систематизации факторов формирования туристской дестинации, выявления ее возможностей и ограничений; общенаучные методы абстракции, анализа и синтеза – для установления структуры и типологии рынка туристских услуг, а также определения экономической природы и составляющих полифункциональной структуры туристско-рекреационного комплекса.

Влияние туризма на экономику заключается и в стимулировании занятости в сферах деятельности, связанных с туристской деятельностью. Так, развитие санаторно-курортного лечения дает толчок для развития учреждений здравоохранения, рекреационной медицины, физкультуры и спорта, где создаются новые рабочие места. Развитие делового туризма требует

развития сферы деловых услуг, расширения и увеличения объемов услуг связи. Рост мобильности населения требует перестройки кредитно-финансовой системы и т.п. Другими словами, влияние туризма на экономику региона определяется через экономические функции туризма:

1. Производственно-обслуживающая функция. Реализуется туристскими предприятиями путем использования таких производственных факторов, как труд, земля, капитал и информация. Туристские предприятия производят новые продукты, чаще всего услуги, и способствуют накоплению ценностей, то есть выполняют производственную функцию.

2. Функция обеспечения занятости. Туризм способствует занятости населения прямо и косвенно. Прямая занятость – это получение рабочих мест на туристских объектах, таких как гостиницы, рестораны, транспортные предприятия. Опосредованная занятость – это трудоустройство во вспомогательных и смежных отраслях.

3. Функция накопления капитала. Туристская индустрия делает значительный вклад в национальный доход. Прежде всего, это происходит за счет непосредственно занятых сфере туризма. Учитываются также и доходы лиц, возникающие в результате оборота денежных средств в связанных с туризмом сферах. Эффект увеличения национального дохода в туризме имеет прежде всего региональное значение, поскольку доход туристских предприятий переходит в сферу региональной торговли, промышленности и сельского хозяйства (эффект мультипликатора).

4. Функция сглаживания (выравнивания) является важной, прежде всего, в региональном аспекте. Туризм способствует развитию более слабых регионов. Туристы посещают регионы, где преобладает сельское хозяйство, в которых есть большие природные ресурсы, но еще не развита инфраструктура. Для местного населения туризм становится дополнительным источником доходов. В международном аспекте функция выравнивания также имеет важное значение. Туризм способствует перераспределению доходов между странами индустриального и сельскохозяйственного производства.

5. Функция выравнивания платежного баланса. Она отражает значение баланса расходов местных туристов, выезжающих за границу, наряду с их доходами, полученными от предоставленных иностранным туристам товаров и услуг.

Интенсивность воздействия туристской индустрии на экономическую сферу может быть определена такими составляющими, как развитие инфраструктуры; развитие малого бизнеса; увеличение доходной части бюджета за счет прямых (таможенный сбор, плата за визу) и не прямых налогов (увеличение заработной платы вызывает увеличение сумм налога на прибыль, уплачиваемого в бюджет); создание новых рабочих мест; широкие возможности для привлечения иностранной валюты и инвестиций [2]. При этом основными экономическими характеристиками туристской деятельности выступают:

- структура рынка туристских услуг;
- ценовые параметры на туристский продукт;
- экономические параметры государственного регулирования туристских услуг на рынке;
- конкурентоспособность отечественных туристских фирм на внутреннем и международном рынках;
- покупательная способность населения и его экономическая возможность потребления туристского продукта.

Перемещение туристов между генерирующими и принимающими зонами отображаются на четырех основных сферах, а именно: на поступлениях, занятости, платежном балансе и уровне развития.

Можно выделить следующие основные проблемы, которые «сдерживают» экономический рост в сфере туризма в Республике Крым:

- недостатки в системе управления развитием туризма;
- разноведомственная подчиненность туризма и туристской инфраструктуры;
- недостаточное финансовое обеспечение туристской деятельности и недостатки в системе налогообложения, не способствующие вложению инвестиций в инфраструктуру туризма;
- отсутствие разветвленной и прозрачной информации о результатах развития туристской деятельности в регионе, объективной рекламной информации;
- большой удельный вес сектора теневой экономики в сфере туризма и отсутствие действенных рычагов относительно его сокращения;
- отсутствие действенного механизма возрождения внутреннего социального туризма в Республике Крым.

Одним из возможных вариантов эффективной организации туристской индустрии является внедрение кластерного подхода. Следует отметить, что среди ученых до сих пор отсутствует единое толкование кластера, которое бы удовлетворяло потребности всех исследователей. Как правило каждое из толкований кластера отражает лишь одну из сторон этого экономического явления (что в принципе понятно, учитывая неоднозначность данной экономической категории и сложности в организации законодательной регламентации ее жизнедеятельности) [1]. Исходя из того, что туристский кластер рассматривается как неформальное объединение учреждений, организаций, фирм туристского профиля, расположенных на территории туристской дестинации или туристско-рекреационного региона с целью разработки, продвижения продажи конкурентоспособного туристского продукта, можно определить следующие направления развития туристских кластеров:

- 1) объединение возможностей и мощностей партнеров с целью создания инновационных туристских услуг,
- 2) диверсификация туристского продукта, его улучшение и усовершенствование,
- 3) совместная разработка и реализация маркетинговой политики, рекламы и брендинг туристской дестинации,
- 4) участие в инвестиционных проектах и государственных программах.

В состав такого кластера следует включить туристские предприятия, коллективные средства размещения и организации, предоставляющие услуги оздоровления, заведения ресторанного хозяйства, транспортные, страховые и банковские организации, учебные заведения, специализирующиеся на подготовке кадров для туристской сферы, ассоциации и агентства регионального развития и поддержки предпринимательства, профессиональные ассоциации развития туризма и поддержки туристских предприятий, органы местного самоуправления, инновационные структуры, учреждения культуры и охраны исторического наследия [3]. Используя системный подход, можно предложить следующую модель туристского кластера (рис. 1).

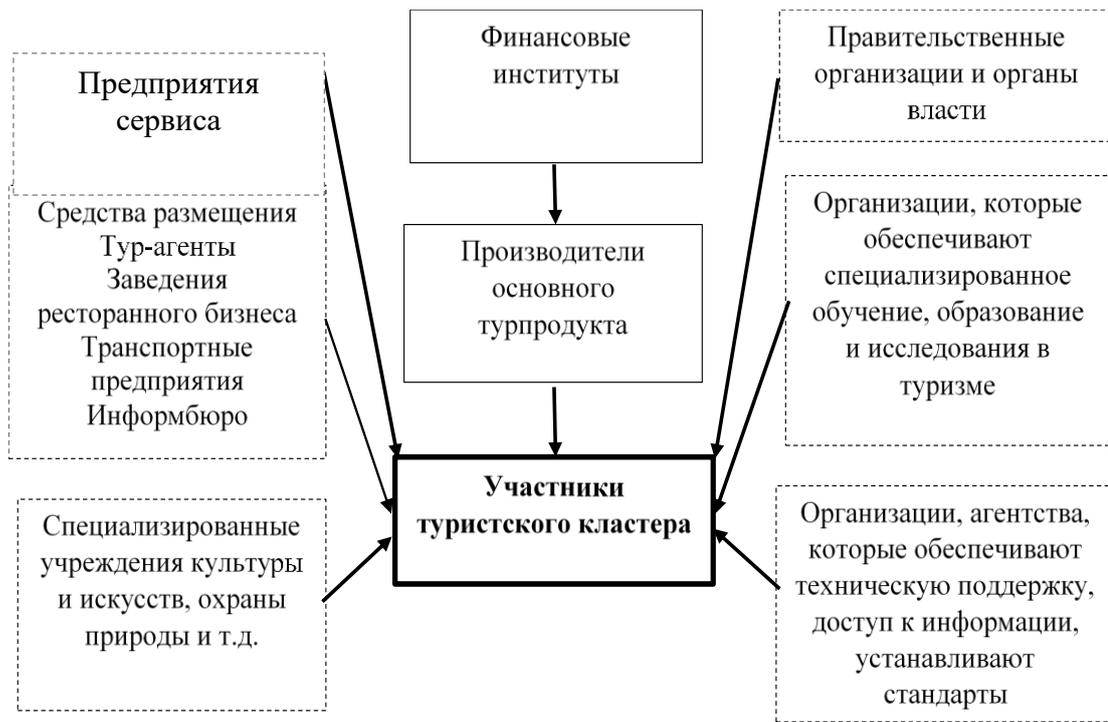

Рис. 1. Организационная модель туристского кластера

Кластерная модель развития крымского региона должна включать следующие элементы:

- туристские ресурсы – природные, биосоциальные, историко-архитектурные, антропогенные, событийные, и т. д.
- производители туристских услуг;
- достаточный уровень развития транспортной и коммунальной инфраструктуры;
- образовательные, культурные, и научно-исследовательские учреждения;
- специалисты соответствующей квалификации;
- систему менеджмента.

В соответствии со спецификой целей кластерного объединения в Республике Крым, можно считать, что основой структуры туристского кластера могут быть коммерческие предприятия, предоставляющие характерные туристские услуги и занимающие лидирующие позиции на рынке – то есть туристические операторы и средства размещения, которые заинтересованы в повышении конкурентоспособности собственного продукта и могут финансово и институционально поддержать деятельность кластера [4].

При этом следует выделить следующие приоритетные задачи и пути достижения высоких темпов внедрения кластерного подхода и развития туризма в Республике Крым:

- обеспечение эффективности, энерго- и ресурсосбережения во всех сферах хозяйствования;
- формирование разветвленной рыночной и инвестиционно-организационной инфраструктуры экономики;
- повышение инновационного уровня экономики;
- создание условий для развития предпринимательства;
- повышение социальных стандартов жизни;

- обеспечение доступного и высококачественного образования в течение всей жизни;
- повышение культуры жизни и сохранение историко-культурного наследия;
- формирование нового качества общественных услуг.
- развитие туризма и курортно-рекреационной сферы:
- развитие туристско-сервисной инфраструктуры;
- продвижение рекреационно-туристского потенциала;
- диверсификация и повышение конкурентоспособности туристских и курортно-рекреационных услуг;
- углубление связей курортно-рекреационного комплекса и смежных отраслей.
- углубления трансграничного и регионального сотрудничества:
- развитие деловой инфраструктуры и сотрудничества между местными, региональными и федеральными субъектами;
- углубление экономической трансграничной транспортной интеграции хозяйствующих субъектов;
- формирование и развитие трансграничной информационно-коммуникационной сети;
- пространственная гармония и охрана окружающей среды:
- выравнивание территориальных диспропорций [6];
- формирование гармоничного пространственного комплекса промышленных, жилых и зеленых зон;
- предотвращение техногенных аварий, катастроф и стихийных бедствий;
- развитие пространственно-сбалансированной производственной и социальной инфраструктуры;
- обеспечение комфортных условий проживания.

Стратегической целью внедрения кластерного подхода в развитие туризма Крыма следует считать улучшение туристской привлекательности полуострова на основе распространения качественной информации о туристско-рекреационных возможностях региона среди отечественных и зарубежных туроператоров, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций на реализацию важных туристских проектов региона, формирования репутации Крыма как безопасной для туриста дестинации. Развитие туристских кластеров будет способствовать обеспечению устойчивого экономического роста и улучшению благосостояния жителей региона [5].

Можно выделить операционные цели, которые будут достигнуты при внедрении и развитии кластерных инициатив:

1. Проведение информационной кампании среди отечественных и иностранных туроператорских бизнес-сообществ, на которой будут презентованы привлекательность крымского региона, а потенциальные инвесторы туристской и рекреационной сфер будут осведомлены о возможностях инвестирования. Для успешной реализации информационной кампании следует принять ряд мер:

- рекламирование туристского имиджа Крыма за пределами региона и федерального субъекта;
- размещение в сети Интернет перечня ресурсных предложений инвестиционных проектов в туризме и рекреации, перечня свободных площадей, пригодных для размещения туристских объектов;

- налаживание постоянного обмена информацией между турфирмами, торговыми представительствами, коллективными средствами размещения других субъектов Российской Федерации по наличию туристско-рекреационных предложений и мероприятий;

- создание в крупных административных центрах Республики Крым постоянно действующих выставочных центров, чтобы на постоянной основе организовывать выставки и презентации туристских предложений и успешно реализованных проектов с целью расширения клиентской базы;

- инициирование проведения информационных туристских мероприятий совместно с предприятиями и организациями рекреационных центров с целью формирования положительного туристского имиджа крымского региона, его пропаганды.

2. Организационная поддержка процесса привлечения инвестиций в туристско-рекреационную сферу региона, совершенствование институционально-организационного механизма улучшения туристской привлекательности. Организационная поддержка подразумевает реализацию следующих мер:

- консультативная и организационная поддержка участия туристских объектов Крыма в туристских ярмарках, выставках, форумах;

- ведение конструктивного сотрудничества с федеральными и региональными туроператорами, оперативное реагирование на их предложения и обращение о препятствиях в их деятельности;

- размещение информации о потенциальных ресурсах на Интернет-ресурсах с целью реализации совместных туристских проектов между тур предприятиями разных городов России, обеспечение обмена опытом между различными регионами России в вопросах, связанных с туристско-рекреационной деятельностью;

- формирование и постоянное обновление банка данных инвестиционных предложений, проектов в отрасли туризма и рекреации;

3. Создание благоприятных финансово-экономических условий для действующих и потенциальных инвесторов в области туризма Крыма. Указанной цели можно достичь за счёт реализации следующих мер:

- планирование в ежегодных программах развития региона источников финансирования мероприятий, направленных на улучшение туристского имиджа Крыма, продвижение его рекреационного потенциала;

- активизация работы городских администраций курортных городов по привлечению федеральных программ технической помощи средств финансовых и неправительственных организаций к финансированию инвестиционных проектов в отрасли туризма.

- предоставление льготных условий (сниженная норма амортизации, отсрочки в уплате кредитов и др.) для проектов, направленных на выпуск конкурентоспособной продукции с применением энерго- и ресурсосберегающих технологий;

- обеспечение эффективного сотрудничества научно-инженерной элиты, деловых кругов, власти и общественности Крыма для активизации инновационно-инвестиционной деятельности (на основе внедрений достижений науки и техники, передовой технологии и инноваций), в туристской отрасли.

Обобщая результаты исследования, дискуссионными остаются вопросы оценки туристской привлекательности территорий и объектов природно-рекреационной сферы. Это связано

с наличием множества экономических параметров и характеристик туристского продукта, каждый из которых имеет право на трансформацию с той или иной точки зрения. Кроме того, дифференцированные характеристики качества окружающей среды, социокультурной значимости, уровня развития инфраструктуры и материально-технической базы туризма в процессе формирования и развития туристского кластера, могут и должны быть взяты за основу при разработке мероприятий и программ по стимулированию спроса на туристские услуги определенных направлений.

Таким образом, проведенный анализ внедрение кластерных инициатив в туристскую сферу республики Крым позволяет систематизировать предпосылки, факторы и условия кластерной интеграции туристско-рекреационного комплекса региона, при которой раскрываются основные преимущества нового этапа развития системы. Легко заметить, что первоочередным условием развития туризма является наличие благоприятных природных и географических условий, что несомненно характерно для крымского региона. Вопрос остается в своевременном и эффективном использовании имеющегося потенциала и направленном управлении процессами развития туризма.

Библиографический список

1. Борисова Е. В. Кластерный подход к инновационному развитию регионов: зарубежный опыт и российские реалии // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 5 (37).
2. Бубнов А. В. Аналитические методы исследования отрасли туризма в контексте ее инновационного кластерного развития // Инновационное развитие экономики. 2018. № 6-2 (48).
3. Василенко В. А. Управление устойчивым развитием Крыма на основе туристских кластеров // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. № 6 (76).
4. Кулакова Л. И. Кластерный подход – основа эффективного развития регионов // Российское предпринимательство. 2013. № 22.
5. Нигай Е. А. Комплексный подход к оценке конкурентоспособности регионального туристского кластера на основе модели м. портера и системы накопления стоимости / Е. А. Нигай, Ю. С. Лебединская // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 2 (31).
6. Чернецова Г. М., Гомзиков Н. В. Опыт формирования туристских кластеров в регионах Российской Федерации // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы / сборник трудов IV Всероссийской научно-практической конференции (11–12 апреля 2019 г.). Симферополь, Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал». 2019. С. 351–355.

УДК 657.1:338.484.2

ББК 65.052.254.3

М. Ж. Темирханова

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ТУРИСТСКОЙ ПРОДУКЦИИ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ “РАСХОДЫ-ПРОДУКТ-ПРИБЫЛЬ”

Темирханова Муътабар Жураевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет» Ташкентского финансового института, Узбекистан, Ташкент;
e-mail: mutabarchik@mail.ru

Аннотация. В статье были рассмотрены вопросы методики анализа туристской продукции на основе модели “Расходы-продукт-прибыль” и исследованы пути совершенствования методики определения и оценки безубыточности, безопасности туристского продукта на основе модели «Расходы-продукт-прибыль» и уровня операционных рычагов по ним в различных разрезах, направлениях и целях, а также анализа показателей прибыли на туристических предприятиях на основе систем «Директ-костинг» и «Стандарт-кост» в целях управления.

Ключевые слова: Стандарт-кост, Директ-костинг, анализ, туристический продукт, алгоритмы, модел “Расход-продукт-прибыль”.

М. J. Temirkhanova

ANALYSIS TECHNIQUE FOR TOURIST PRODUCTS BASED ON THE «EXPENSES-PRODUCT-PROFIT» MODEL

Mutabar J. Temirkhanova – PhD in Economics, Associate Professor Tashkent Financial Institute, Department of «Accounting»Uzbekistan, Tashkent; e-mail: mutabarchik@mail.ru

Abstract. The article considered the issues of the methodology for analyzing tourism products based on the “Cost-product-profit” model and investigated ways to improve the methodology for determining and assessing break-even, safety of a tourist product based on the “Cost-product-profit” model and the level of operating levers for them in various sections, directions and goals, as well as the analysis of profit indicators at tourism enterprises based on the systems “Direct Costing” and “Standard Cost” for management purposes.

Keywords: Standard-cost, Direct-costing, analysis, tourist product, algorithms, «Consumption-product-profit» model.

Финансовый анализ, проводимый в туристических организациях на основе данных финансового учета и отчетности, не в полной мере раскрывает внутренний потенциал для повышения доходов, расходов и прибыльности туристических продуктов. Таких возможностей можно достичь путем применения «модели анализа отклонений» (модель CVR), проводимой на основе моделей, направленных на управленческие цели, в том числе, модели анализа «Расходы-продукт-прибыль», а также финансовой и другой информации (обычно нормативные показатели), формируемой в системах учета. В нашей работе были определены цель, задачи, состав, система показателей, которые необходимо охватить, результаты, которые

должны быть достигнуты при организации анализа управления туристическими продуктами на основе модели «расходы-продукт-прибыль» (CVP) (см. табл. 1). [6]

Таблица 1

Компоненты модели анализа туристского продукта “Расходы-продукт-прибыль”

1. Характеристика отрасли		2. Анализ текущей деятельности предприятия	
Экономический потенциал туристического рынка		Показатель полученной выгоды	
Рост рынка туризма		Характеристика продаж	
Конкуренты в туристической деятельности		Результативность деятельности	
Тенденции в индустрии туризма		Сопоставление конкуренции	
Другие факторы			
3. Основная стратегия предприятия		4. Цели и задачи на будущий период	
Определение точки безопасности туристического предприятия		Определение точки безубыточности	
Оценка экономической конкуренции		Определение объема продаж, который обеспечивает необходимую сумму прибыли	
Прогнозирование деятельности отрасли		Определение структуры и размера расходов	
		Определение целевой прибыли	
		Определение маркетинговой политики ценообразования на труппродукты и др.	
5. Отчеты и бюджеты на основе полученных результатов			
Туристический продукт	Прошлый год	Текущий год	План на следующий год
Реализация	XXXXX	XXXXX	XXXXX
Расходы	XXXXX	XXXXX	XXXXX
Прибыль	XXXXX	XXXXX	XXXXX

Для оценки и анализа взаимосвязи между объемом, расходами и прибылью туристических продуктов на основе модели «Расходы-продукт-прибыль» (CVP) в работе предложено использование следующих алгоритмов:

1. Выручка в продажной цене (Тсб)	=	переменные расходы (Ўх)	+	постоянные расходы (Дх)	+	прибыль (Ф) (1)
2. Маржинальный доход (Мд)	=	выручка в продажной цене (Тсб)	-	переменные расходы (Ўх)		(2)
3. Прибыль (Ф)	=	Маржинальный доход (Мд)	-	постоянные расходы (Дх)		(3)
4. Уровень маржинальных доходов (Мдд)	=	Маржинальный доход (Мд)	:	выручка в продажной цене (Тсб)		(4)
5. Точка безубыточности в ед.изм.	=	Постоянные расходы	:	Цена – переменные расходы на одну единицу		(5)
6. Точка безубыточности в денежном изм.	=	(постоянные расходы+целевая прибыль)*100%	:	Уровень маржинальных доходов, %		(6)
7. Точка безопасности в денежном изм.	=	выручка в продажной цене (Тсб)	-	Выручка в точке безубыточности (Тсбзн)		(7)
8. Маржа безопасности, %	=	Точка безопасности в денежном изм.	:	выручка в продажной цене (Тсб)		(8)
9. Операционный рычаг	=	Процентное изменение прибыли	:	Процентное изменение выручки		(9)

В настоящей работе пути оценки и анализа соотношения точки безубыточности, уровня безопасности, выручки и прибыли на основе модели CVP при разных темпах роста

(операционный рычаг) на основе вышеуказанных алгоритмов показаны на основе практических материалов ООО «Grand Comfort Travel» [3]. Также раскрыт порядок отражения показателей финансовых результатов по результатам этого анализа, основанного на системе «директ-костинг» разных уровней активности и расходов в сегментарном отчете о прибылях и убытках (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сегментарный отчет о прибыли и убытках различных уровней активности и расходов туристической компании ООО «Grand Comfort travel» за 2019 год на основе системы «Директ-костинг» (тыс. сум)

Показатели	Вариант 1 <i>1 турпродукт</i>		Вариант 2 <i>300 турпродуктов</i>		Вариант 3 <i>400 турпродуктов</i>	
	всего	на 1 турпродукт	всего	на 1 турпродукт	всего	на 1 турпродукт
Чистая выручка от продаж	1500	1500	450000	1500	600000	1500
Переменные расходы	900	900	270000	900	360000	900
Маржинальный доход	600	600	180000	600	240000	600
Постоянные расходы	180000		180000		180000	
Чистая операционная прибыль (убыток)	-179400		0		60000	
Точка безубыточности в денежном изм.	-	-	450000		450000	
Точка безопасности, тыс. Сум	200		0		150000	
Уровень безопасности, %	0-		0		40,0	

Согласно данным анализа, можно увидеть следующее:

Вариант 1 (по одному турпродукту): каждый дополнительный проданный турпакет приведет к дополнительным 600 тыс. сум, необходимых для покрытия постоянных расходов, и этот маржинальный доход будет использоваться для покрытия постоянных расходов.

Вариант 2 (точка безубыточности): для достижения точки безубыточности туристической компании необходимо добиться продажи 200 турпакетов в год. В этом случае туристическое предприятие будет иметь маржинальный доход в размере 180000 тыс. сум, и эта маржа будет полностью покрывать сумму постоянных расходов в размере 180000 тыс. сум. [3].

Следовательно, продажа 200 туров обеспечит точку безубыточности для туристической компании.

Вариант 3 (доходность): увеличение объема продаж турпакетов на 200 позволит туристической компании увеличить маржинальный доход до 240000 тыс. В этом случае, туристическая компания обеспечит полное покрытие постоянных расходов в размере 180000 тыс. сум и чистую операционную прибыль в размере 60000 тыс. сум.

Приведенные выше данные анализа относятся только к одному типу турпакета. На практике турпакеты различаются по типам туристических услуг, их направлениям, продолжительности тура и другим аспектам. Поэтому целесообразно определять точку безубыточности в туристических компаниях по разным сегментам.

Одной из важных задач управленческого учета и анализа является разработка проекта бюджета отчета о прибыли и убытках на ближайшие годы. В нашей работе использование в качестве основы данных, приведенных в варианте 3 таблицы 11 и порядок составления бюджета отчета о прибыли и убытках на следующие 3 года (2020–2022 гг.) в размере 10 %, 15 % и 20 % соответственно по сравнению с базовым годом с учетом роста постоянных затрат в среднем на 5 % в эти годы раскрыт на основе практических материалов ООО «Grand Comfort travel» (см. таблицу 3) [1].

Таблица 3

Бюджет сегментарного отчета о прибыли и убытках различных уровней активности и расходов туристической компании ООО «Grand Comfort travel» за 2020–2022 годы на основе системы «Директ-костинг» (тыс. сум)

Показатели	Базовый год 400 турпродуктов		Бюджетные показатели на ближайшие 3 года					
			Первый год, темп роста составляет 10 % или 440 продуктов		Второй год, темп роста составляет 15 % или 460 продуктов		Третий год, темп роста составляет 20 % или 480 продуктов	
			всего	на 1 турпродукт	всего	на 1 турпродукт	всего	на 1 турпродукт
Чистая выручка от продаж	600000	1500	726000	1650	793500	1725	864000	1800
Переменные расходы	360000	900	435600	990	476100	1035	518400	1080
Маржинальный доход	240000	600	290400	660	317400	690	345600	720
Постоянные расходы	180000		189000		198450		208373	
Чистая операционная прибыль (убыток)	60000		101400		118950		137227	
Точка безубыточности в денежном изм.	450000		472500		496125		520933	
Точка безопасности, тыс. сум	150000		253500		297375		343067	
Уровень безопасности, %	40,0		34,9		37,5		39,7	
Операционный рычаг, раз	1		1,4		1,5		1,6	

Таким образом, результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что в нынешних условиях усиления конкурентной среды на рынке туристических услуг невозможно увеличить прибыль туристических компаний за счет резкого повышения цены турпакетов, этого можно добиться за счет привлечения большего количества туристов путем создания новых видов и направлений турпродуктов.

В республике до сих пор не разработан единый алгоритм определения продажной цены турпродукта. На основе предложенной нами арифметической формулы можно определить

фактическую и нормативную продажную цену как отдельного турпакета, так и всех турпакетов.

Составление внутренней сегментарной отчетности о расходах в туристических организациях по объектам (центрам) ответственности в целях управления имеет большое значение. Объектами (центрами) ответственности в туристических организациях являются турпакеты, непосредственно предоставляемые туристам в определенных направлениях. Предложенные в нашей работе сегментарные отчеты воплощают информацию о нормативной и фактической себестоимости в разрезе каждого турпакета, а также отклонения между ними [8].

Приведенное в некоторых действующих в республике НСБУ (№ 2, 3, 21) понятие “Доход” целесообразно заменить словом “Выручка”. Это позволит привести бухгалтерский учет в нашей республике, в том числе процедуру учета финансовых результатов в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности, правильно формировать финансовые результаты на практике [6].

Финансовый анализ, проводимый в туристических организациях на основе данных финансового учета и отчетности, не в полной мере раскрывает внутренний потенциал для повышения доходов, расходов и прибыльности туристических продуктов. Таких возможностей можно достичь путем применения моделей, направленных на управленческие цели, в том числе, модели анализа «Расходы-продукт-прибыль» (модели CVP). Предложенная нами модель анализа туристических продуктов в цепочке «производство, продажа и прибыль» показывает, [7] что в являющемся объектом исследований ООО “Grand Comfort travel» дополнительная продажа 200 турпутевок обеспечит точку безубыточности, а дополнительная продажа 400 турпутевок обеспечит полное покрытие постоянных расходов в размере 180 000 тыс. сум и чистую операционную прибыль в размере 60 000 тыс. сум.

Одной из важных задач управленческого учета и анализа является разработка проекта бюджета отчета о прибыли и убытках на ближайшие годы. Нами разработан бюджет отчета о прибыли и убытках за 2020–2022 годы ООО “Grand Comfort travel», являющегося объектом исследования. Согласно ему прогнозируется, что в 2022 году в компании точка безубыточности составит 521 млн. сум, точка безопасности 343 млн. сум, уровень безопасности 40 % и оперативный рычаг в 1,6 раза [3].

Реализация научных предложений и рекомендаций будет способствовать дальнейшему развитию туризма в нашей стране, которому был присвоен статус стратегического сектора, приведение бухгалтерского учета и отчетности в отрасли в соответствие с международными стандартами, повышение прибыльности туристических компаний в нынешних условиях усиления конкурентной среды.

Библиографический список

1. Арзуманян С. Ю. Развитие финансовых инновационных проектов в банковской сфере // Актуальные вопросы совершенствования бухгалтерского учета, статистики и налогообложения организаций. Материалы IX международной научно-практической конференции. Тамбов, 17 февраля 2020 г. / Научный редактор Н. В. Черемисина. Тамбов: Издательство Издательский дом «Державинский» 2020. С. 283–293.

2. Арзуманян С. Ю. Реализация антикоррупционной политики в Республики Узбекистан в современных условиях // Организационно-управленческие механизмы антикоррупционной деятельности: российский и зарубежный опыт: сборник тезисов докладов и статей VI международной научно-практической конференции российских и зарубежных университетов и РЭУ им. Г. В. Плеханова. М., 2018. С. 7–8.

3. Езиев Г. Л., Темирханова М. Ж. Развитие бухгалтерского учета в условиях модернизации экономики Республики Узбекистан // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 3.

4. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года № УП-4947.

5. Темирханова М. Ж. Вопросы совершенствования финансовой отчетности в туристических компаниях на основе требований международных стандартов (IAS IFRS) // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 3.

6. Темирханова М. Ж. Организация учета обязательств в туристической фирме // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11–2 (76).

7. Темирханова М. Ж. Проблемы в совершенствовании приближения к международным стандартам отчетности финансовых результатов в туристических компаниях // Калужский экономический вестник. 2018. № 4.

8. Adler M., Hufbauer G. C. Policy Liberalization and FDI Growth, 2017. URL: <http://www.piie.com> (дата обращения 13.09.2020)

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ECONOMIC AND STATISTICAL RESEARCH

УДК 94(47).02

ББК Х2(2)414

М. В. Леденева, Л. В. Шамрай-Курбатова

ПОСТРОЕНИЕ РЕЙТИНГА СТРАН АФРИКИ ПО ТЕМПАМ И ФАКТОРАМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Леденева Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и коммерции Волгоградского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; e-mail: mledenjova@yandex.ru

Шамрай-Курбатова Лидия Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной работе и управлению качеством АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса»
e-mail: shamraylv@yandex.ru

Аннотация. В статье обоснована роль стран Африки южнее Сахары в современной мировой экономике как центра ускоренного экономического роста. Был построен рейтинг стран Африки южнее Сахары по таким экономическим показателям, как среднегодовые темпы экономического роста за 2009–19 гг., добавленная стоимость в промышленности стран Африки, ВВП на душу населения стран Африки, уровень инфляции стран Африки южнее Сахары, чистый приток ПИИ, валовые сбережения. Были выявлены риски, сдерживающие приток иностранных инвестиций в страны Африки южнее Сахары и предложены направления стимулирования индустриализации в странах Африки южнее Сахары.

Ключевые слова: страны Африки южнее Сахары, рейтинг, экономический рост, инвестиции, индустриализация.

M. V. Ledeneva, L. V. Shamray-Kurbatova

RANKINGS OF SUB-SAHARAN AFRICAN COUNTRIES BY ECONOMIC GROWTH RATES AND FACTORS

Marina V. Ledeneva – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Commerce of the Volgograd Branch of the Russian University of Economics. G. V. Plekhanov; e-mail: mledenjova@yandex.ru

Lydia V. Shamray-Kurbatova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality Management of the Volgograd Institute of Business; e-mail: shamraylv@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the role of sub-Saharan African countries in the modern world economy as a center of accelerated economic growth. Sub-Saharan Africa was ranked according to economic indicators such as average annual economic growth rates for 2009-19, value added in industry in Africa, GDP per capita in Africa, inflation rate in sub-Saharan Africa, net FDI inflows, gross saving. Were identified the risks that restrain the inflow of foreign investment in sub-Saharan Africa and proposed directions for stimulating industrialization in sub-Saharan Africa.

Keywords: Sub-Saharan Africa, ranking, economic growth, investment, industrialization.

Страны Африки южнее Сахары в последние годы стали зоной, которая по темпам экономического роста, развития, повышения роли в мировой экономике и политике стремительно начала приближаться к «восходящим» странам с развивающейся рыночной экономикой. Согласно прогнозам экспертов, доля Африки в мировой экономике в ближайшие годы будет расти [3]. Африка станет «самым динамично развивающимся регионом мира, от которого во многом будут зависеть характер и темпы роста в развитых государствах, их обеспеченность сырьем, энергетическими ресурсами и человеческим капиталом» [2, с. 41].

В настоящее время Африка южнее Сахары – это практически единственный в мире регион со сверхдешевой и относительно молодой рабочей силой. В сочетании с богатством недр и приморским положением большинства стран континента это делает страны Африки все более привлекательными для иностранных инвестиций. С другой стороны, с целью стимулирования индустриализации правительства африканских стран активно привлекают иностранных инвесторов, которым создаются все более благоприятные условия.

Сегодня мы наблюдаем острую геэкономическую и геополитическую схватку за Африку. Объектом конкуренции и обостряющегося соперничества являются ресурсные богатства континента, быстрорастущие рынки потребления товаров и услуг в африканских странах, интеллектуальный потенциал и симпатии ее самого быстрорастущего в мире населения [1, с. 5].

В последние годы произошло усиление экономической экспансии в Африку как старых, так и новых ведущих игроков на мировом экономическом пространстве. Их задача – закрепить в регионе путем инвестирования в уже имеющиеся и во вновь складывающиеся экономические цепочки, гарантировав приток африканских ресурсов для собственного развития в условиях формирования новой экономической модели мира [8, с. 167].

В последнее десятилетие в странах Африки Южнее Сахары наблюдался заметный экономический рост, темпы которого в большинстве стран замедлялись. При этом экономики отдельных стран – Демократической Республики Конго, Мозамбика, Эфиопии, Танзании, Руанды, Джибути, Ганы, Кот-д'Ивуара, – растут среднегодовыми темпами выше 6 % в год. Такие высокие темпы экономического роста позволяют проводить аналогии с Китаем и другими странами ЮВА. Так, в компании Nestle отмечают: «Мы думали, что это будет следующая Азия» [6].

Хотя темпы роста отдельных отраслей экономики (туризм, финансы, и прочие сегменты экономики Африки, не относящиеся к реальному сектору экономики) были выше, чем у многих традиционных отраслей реального сектора, суммарный ВВП в основном прирастал за счет реального сектора. Важным фактором экономического роста в начале XXI в. в Африке стала благоприятная конъюнктура мировых сырьевых рынков. Другими важными факторами экономического роста стали программы помощи развитию, улучшившиеся макроэкономические условия и деловой климат.

Целью исследования является формирования рейтинга стран Африки южнее Сахары для выявления стран и субрегионов, лидирующих по темпам и факторам экономического роста.

Для построения рейтинга нами были отобраны шесть показателей: среднегодовой темп экономического роста за 2009–2019 гг.; добавленная стоимость в промышленности, в % от ВВП; ВВП на душу населения, долл.; чистый приток ПИИ, долл.; уровень инфляции, в %; валовые сбережения, в % от ВВП.

Эмпирической базой исследования выступила статистическая база Всемирного банка [7]. Для расчета рейтинга были использованы данные по 48 странам Африки южнее Сахары. Однако из-за отсутствия данных по отдельным показателям у отдельных стран Африки в общий рейтинг были включены 39 стран.

С целью проверки данных на выбросы были построены точечные диаграммы, изображенные на рис. 1–6.

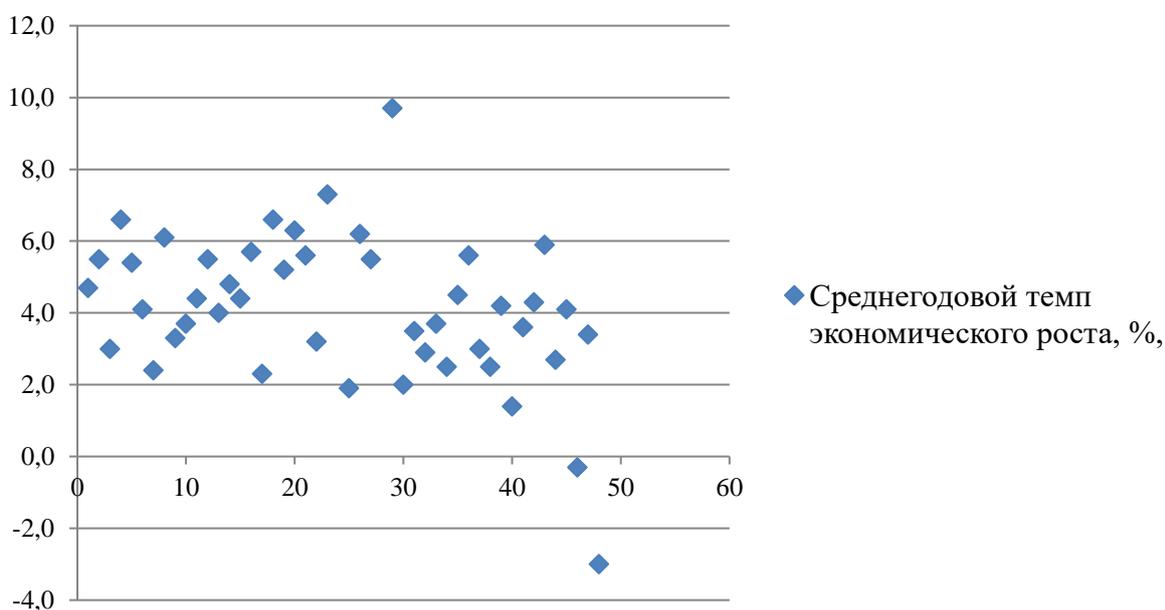

Рис. 1. Среднегодовой темп экономического роста стран Африки южнее Сахары, %, 2009–2019 гг.

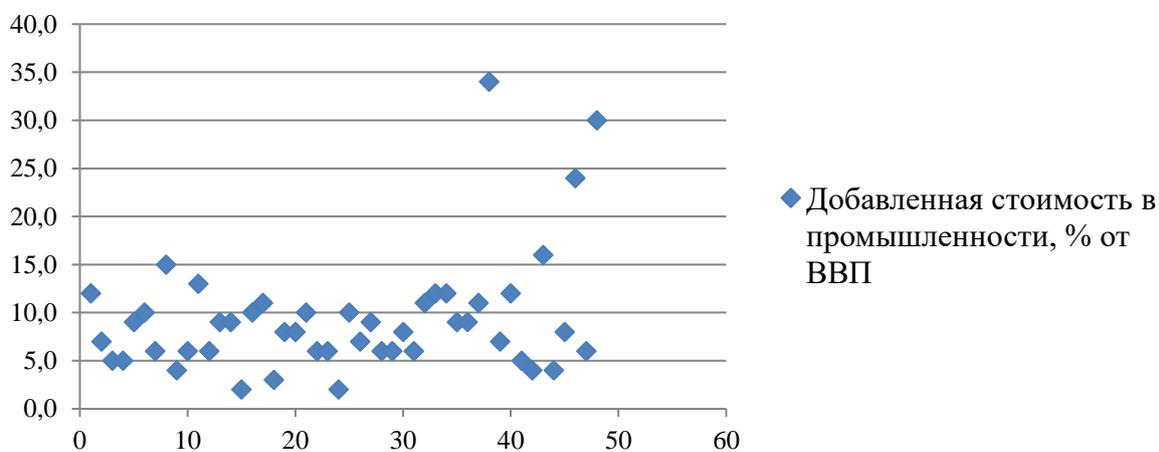

Рис. 2. Добавленная стоимость в промышленности стран Африки южнее Сахары, в % от ВВП, 2018 г.

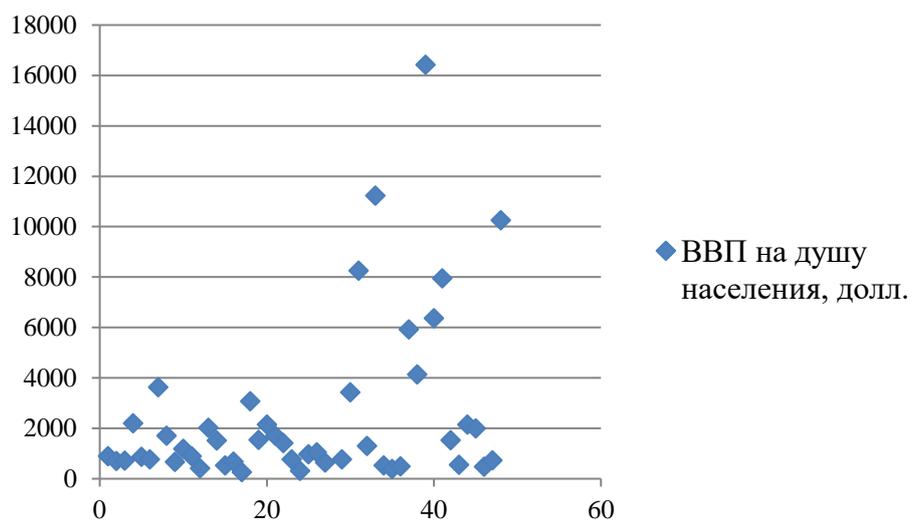

Рис. 3. ВВП на душу населения стран Африки южнее Сахары, 2018 г.

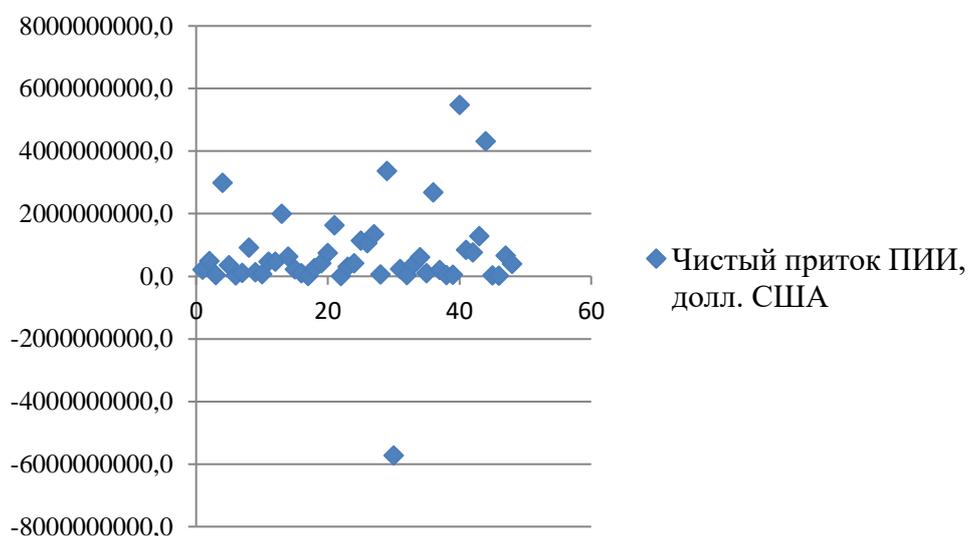

Рис. 4. Чистый приток ПИИ в страны Африки южнее Сахары, 2018 г.

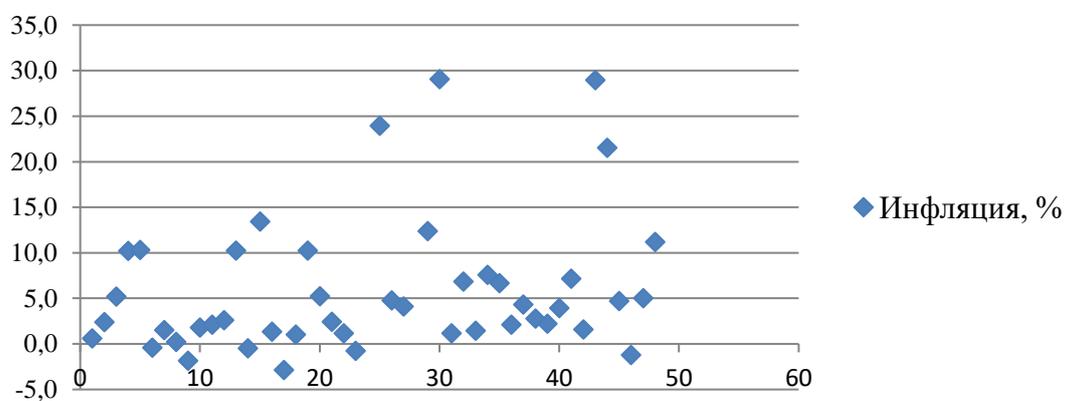

Рис. 5. Уровень инфляции в странах Африки южнее Сахары, 2018 г.

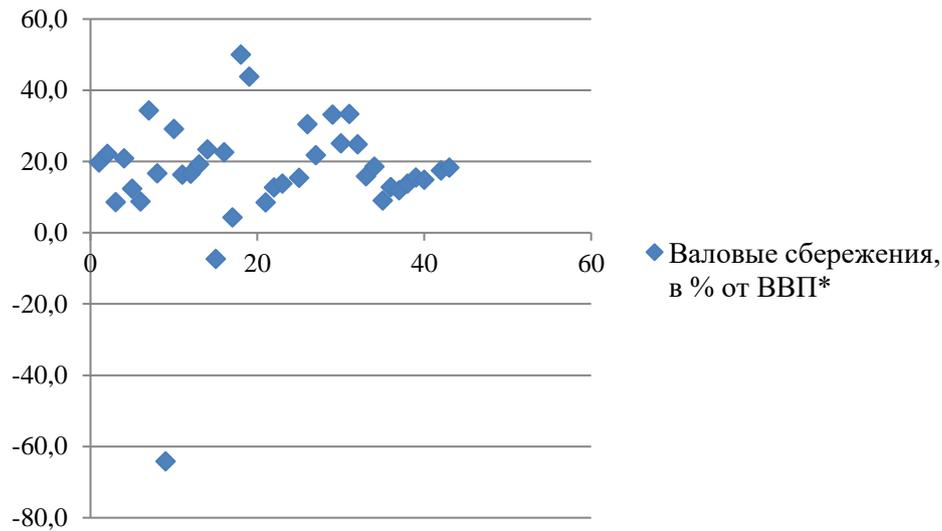

Рис. 6. Валовые сбережения стран Африки южнее Сахары, в % от ВВП, 2018 г.¹

Для определения значительных выбросов, которые затруднительно определить визуально, воспользуемся формулами определения внешних границ набора данных:

$$\text{Нижняя граница} = 1 \text{ квантиль} - \text{Межквартильный диапазон} \times 3 \tag{1}$$

$$\text{Верхняя граница} = 3 \text{ квантиль} + \text{Межквартильный диапазон} \times 3 \tag{2}$$

Данные, являющиеся значительными выбросами, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Данные, являющиеся значительными выбросами

Показатель	Значения показателя, являющиеся значительными выбросами
Среднегодовой темп экономического роста, %	Значительные выбросы отсутствуют
Добавленная стоимость в промышленности, в % от ВВП	Эсватини, Экваториальная Гвинея
ВВП на душу населения, долл.	Экваториальная Гвинея, Габон, Сейшельские острова, Маврикий, Ботсвана
Чистый приток ПИИ, долл.	Ангола, Эфиопия, Республика Конго, ЮАР
Уровень инфляции, %	Демократическая Республика Конго, Ангола
Валовые сбережения, %	Либерия

Приблизительно количество интервалов можно рассчитать по формуле (3):

$$\text{Количество интервалов} = \frac{\text{Верхняя граница интервала} - \text{Нижняя граница интервала}}{\text{Стандартное отклонение}} \tag{3}$$

Границы интервалов по рассчитанным показателям представлены в таблице 2. Минимально возможное значение рейтинга = 0, максимально возможное – 27.

¹ Данные по Танзании за 2017 г.

Таблица 2

Границы интервалов по показателям рейтинга

Среднегодовой темп экономического роста, %		Добавленная стоимость в промышленности, в % от ВВП		Валовые сбережения, %	
менее 0	0	менее 4,4	0	меньше 0	1
0 - 2	1	4,4 - 8,3	1	0 - 8,5	1
2 - 4,1	2	8,3 - 12,3	2	8,5 - 19,2	2
4,1 - 6,2	3	12,3 - 16,3	3	19,2 - 29,9	3
6,2 - 8,3	4	16,3 - 20,3	4	29,9 - 40,5	4
свыше 8,3	5	свыше 20,3	5	свыше 40,5	5
Чистый приток ПИИ, долл.		Уровень инфляции, %		ВВП на душу населения, долл.	
менее 221152303,9	0	меньше 0	4	менее 828,8	0
221152303,9 - 908013700,8	1	0 - 4,8	4	828,8 - 2229,8	1
908013700,8 - 1594875098	2	4,8 - 10,4	3	2229,8 - 3630,7	2
1594875098 - 2281736495	3	10,4 - 16,4	2	3630,7 - 5031,6	3
свыше 2281736495	4	16,4 - 21,6	1	свыше 5031,6	4

Далее был рассчитан общий рейтинг стран Африки (табл. 3).

Таблица 3

Общий рейтинг стран Африки южнее Сахары

Страна	Субрегион	Среднего-договой темп экономического роста, %	Рейтинг 1	Добавленная стоимость в промышленности, % от ВВП	Рейтинг 2	ВВП на душу населения, долл.	Рейтинг 3
Бенин	Западная Африка	4,7	3	12,0	2	902	1
Буркина-Фасо	Западная Африка	5,5	3	7,0	1	715	0
Гамбия	Западная Африка	3,0	2	5,0	1	716	0
Гана	Западная Африка	6,6	4	5,0	1	2202	1
Гвинея	Западная Африка	5,4	3	9,0	2	879	1
Гвинея-Бисау	Западная Африка	4,1	3	10,0	2	778	0
Кабо Верде	Западная Африка	2,4	2	6,0	1	3635	4
Кот-д'Ивуар	Западная Африка	6,1	3	15,0	3	1716	3
Либерия	Западная Африка	3,3	2	4,0	1	677	0
Мавритания	Западная Африка	3,7	2	6,0	2	1189	1
Мали	Западная Африка	4,4	3	13,0	3	900	1
Нигер	Западная Африка	5,5	3	6,0	2	414	0
Нигерия	Западная Африка	4,0	2	9,0	2	2028	1
Сенегал	Западная Африка	4,8	3	9,0	2	1522	1
Сьерра-Леоне	Западная Африка	4,4	3	2,0	0	534	0
Того	Западная Африка	5,7	3	10,0	2	679	0
Бурунди	Восточная Африка	2,3	2	11,0	2	272	0
Джибути	Восточная Африка	6,6	4	3,0	1	3083	2
Замбия	Восточная Африка	5,2	3	8,0	1	1540	1
Зимбабве	Восточная Африка	6,3	4	8,0	1	2147	1
Кения	Восточная Африка	5,6	3	10,0	2	1711	1
Коморские острова	Восточная Африка	3,2	2	6,0	1	1415	1
Руанда	Восточная Африка	7,3	4	6,0	1	773	0
Сомали	Восточная Африка			2,0	0	315	0
Судан	Восточная Африка	1,9	1	10,0	2	977	1
Танзания	Восточная Африка	6,2	4	7,0	1	1051	1

Страна	Субрегион	Среднего-доловой темп экономического роста, %,	Рейтинг 1	Добавленная стоимость в промышленности, % от ВВП	Рейтинг 2	ВВП на душу населения, долл.	Рейтинг 3
Уганда	Восточная Африка	5,5	3	9,0	2	643	0
Эритрея	Восточная Африка			6,0	1		
Эфиопия	Восточная Африка	9,7	5	6,0	1	772	0
Ангола	Южная Африка	2,0	2	8,0	1	3432	1
Ботсвана	Южная Африка	3,5	2	6,0	1	8259	4
Лесото	Южная Африка	2,9	2	11,0	2	1299	1
Маврикий	Южная Африка	3,7	2	12,0	2	11239	4
Мадагаскар	Южная Африка	2,5	2	12,0	2	528	0
Малави	Южная Африка	4,5	3	9,0	2	389	0
Мозамбик	Южная Африка	5,6	3	9,0	2	499	0
Намибия	Южная Африка	3,0	2	11,0	2	5931	4
Эсватини	Южная Африка	2,5	2	34,0	5	4146	3
Сейшельские острова	Южная Африка	4,2	3	7,0	1	16434	4
ЮАР	Южная Африка	1,4	1	12,0	2	6374	4
Габон	Центральная Африка	3,6	2	5,0	1	7953	4
Камерун	Центральная Африка	4,3	3	4,0	1	1534	1
Конго, Дем. Респ.	Центральная Африка	5,9	3	16,0	3	562	0
Конго, респ.	Центральная Африка	2,7	2	4,0	0	2148	1
Сан-Томе и Принсипи	Центральная Африка	4,1	3	8,0	1	2001	1
Центрально-Африканская Республика	Центральная Африка	-0,3	0	24,0	5	476	0
Чад	Центральная Африка	3,4	2	6,0	1	728	0
Экваториальная Гвинея	Центральная Африка	-3,0	0	30,0	5	10262	4

Таблица 3

Общий рейтинг стран Африки южнее Сахары (продолжение)

Страна	Чистый приток ПИИ, долл. США	Рейтинг 4	Инфляция, %	Рейтинг 5	Валовые сбережения, в % от ВВП*	Рейтинг 6	Расчет общего рейтинга
Бенин	207510855,0	3	0,6	4	19,7	3	16
Буркина-Фасо	480001741,9	4	2,4	4	22,1	3	15
Гамбия	32957945,3	1	5,2	3	8,7	1	8
Гана	2989035000,0	4	10,2	3	21,0	3	16
Гвинея	352760000,0	4	10,3	3	12,4	2	15
Гвинея-Бисау	20553776,3	0	-0,4	4	8,8	2	11
Кабо Верде	107974093,7	2	1,5	4	34,4	4	17
Кот-д'Ивуар	912856300,8	4	0,2	4	16,7	2	19
Либерия	129129754,8	2	-1,9		-64,1	0	5
Мавритания	70755026,5	1	1,8	4	29,2	3	13
Мали	467067198,1	4	2,1	4	16,4	2	17

Страна	Чистый приток ПИИ, долл. США	Рейтинг 4	Инфляция, %	Рейтинг 5	Валовые сбережения, в % от ВВП*	Рейтинг 6	Расчет общего рейтинга
Нигер	466042273,0	4	2,6	4	16,7	2	15
Нигерия	1997485164,9	4	10,2	3	19,3	3	15
Сенегал	629312448,0	4	-0,5	4	23,4	3	17
Сьерра-Леоне	217812919,0	3	13,4	2	-7,3	0	8
Того	101981197,5	2	1,3	4	22,6	3	14
Бурунди	983747,1	0	-2,9	4	4,4	1	9
Джибути	265000000,0	4	1,0	4	50,0	5	20
Замбия	408438491,7	4	10,2	3	43,9	5	17
Зимбабве	744637199,2	4	5,2	3			
Кения	1625921493,6	4	2,4	4	8,6	2	16
Коморские острова	6859922,8	0	1,2	4	12,8	2	10
Руанда	305520733,8	4	-0,8	4	13,8	2	15
Сомали	409000000,0	4					
Судан	1135787164,0	4	23,9	0	15,5	2	10
Танзания	1055991268,2	4	4,8	3	30,5	4	17
Уганда	1337128158,0	4	4,1	4	21,8	3	16
Эритрея	61015000,0	1					
Эфиопия	3360419368,7	4	12,4	2	33,2	4	16
Ангола	-5732491335,3	0	29,1	0	25,2	3	7
Ботсвана	228718290,8	4	1,2	4	33,4	4	19
Лесото	39585273,0	1	6,9	3	24,9	3	12
Маврикий	371518185,9	4	1,4	4	15,9	2	18
Мадагаскар	612036371,4	4	7,6	3	18,6	2	13
Малави	102033113,8	2	6,7	3	9,1	2	12
Мозамбик	2678190543,6	4	2,1	4	12,9	2	15
Намибия	199551871,9	3	4,3	4	12,0	2	17
Эсватини	31264218,3	1	2,8	4	13,9	2	17
Сейшельские острова	43933526,6	1	2,2	4	15,5	2	15
ЮАР	5470685860,3	4	3,9	4	14,9	2	17
Габон	845752960,6	4	7,2	3			
Камерун	765138128,2	4	1,6	4	17,5	2	15
Конго, Дем. Респ.	1284643393,8	4	29,0	0	18,3	2	12
Конго, респ.	4313143665,0	4	21,5	1			
Сан-Томе и Принсипи	23681668,9	1	4,7	4			
Центрально-Африканская Республика	17994743,8	0	-1,2	4			
Чад	662206573,4	4	5,0	3			
Экваториальная Гвинея	395884364,6	4	11,2	2			

Представим полученные данные в виде диаграммы (рис. 7).

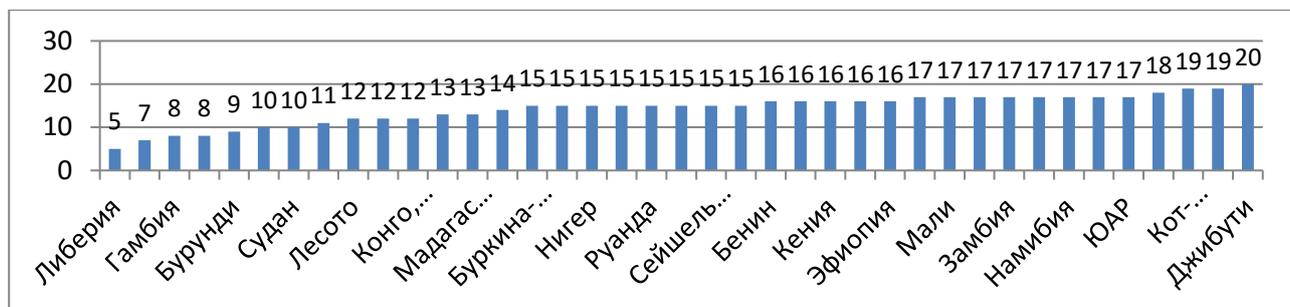

Рис. 7. Рейтинг стран Африки с точки зрения темпов экономического роста и его факторов.

Минимальное значение в рейтинге (до 10) получили страны с низкими темпами экономического роста, невысокими достигнутыми результатами (ВВП на душу населения), а также небольшими предпосылками для последующего экономического роста, такими как: низкий уровень валовых сбережений, чистого притока ПИИ, добавленной стоимости в промышленности, в % от ВВП, высокой инфляцией. Это такие страны, как Либерия, Ангола, Гамбия, Сьерра-Леоне, Бурунди, Коморские острова, Судан. Это преимущественно страны Западной и Восточной Африки (которые являются наиболее бедными в регионе Африка южнее Сахары), за исключением Анголы (Южная Африка), где начиная с 2016 г. по настоящее время наблюдается экономический спад.

На среднем уровне (10-15) значения рейтинга у таких стран, как Гвинея-Бисау, Лесото, Малави, Мавритания, Мадагаскар, Того, Буркина-Фасо, Гвинея, Нигер, Нигерия, Руанда, Мозамбик, Сейшельские острова, Камерун. У данных стран перечисленные показатели находятся на среднем уровне, либо часть показателей – на достаточно высоком, а другая часть – на низком уровне. Большинство этих стран расположены в Западной Африке, меньшая половина – в Центральной, Восточной и Западной Африке.

На высоком уровне (16-20) значения рейтинга у Бенина, Ганы, Кении, Уганды, Эфиопии, Кабо-Верде, Мали, Сенегала, Замбии, Танзании, Намибии, Эсватини, ЮАР, Маврикия, Кот-д'Ивуара, Ботсваны, Джибути. У данных стран перечисленные показатели находятся на достаточно высоком уровне. Здесь расположены практически все представленные в рейтинге страны Южной Африки, а также ряд стран Восточной и Западной Африки. Интересно сравнить данные нашего рейтинга с рейтингом стран по версии Fitch по странам Африки (таблица 4). Безусловно, данные рейтинги составлены по различным показателям и результаты их закономерно различаются. Тем не менее, обращает внимание тот факт, что более высокий долгосрочный рейтинг имеют страны Африки южнее Сахары, имеющие более высокий балл согласно составленному нами рейтингу.

Таблица 4

Рейтинг стран Африки южнее Сахары по версии Fitch [5]

Долгосрочный рейтинг	Страны Африки южнее Сахары*
ВВ	Намибия (17), ЮАР (17)
В+	Кот-д'Ивуар (19), Кения (16), Руанда (15), Сейшельские острова (15), Уганда (16)
В	Бенин (16), Камерун (15), Эфиопия (16), Гана (16), Лесото (12), Нигерия (15)
В-	Ангола (7), Кабо-Верде (17), Мали (17), Малави (12)
СС	Замбия (17)
ССС	Конго (н/д), Габон (н/д), Гамбия (8), Мозамбик (15)

* в скобках указаны данные рейтинга согласно табл. 3

Как видно из табл. 4, у всех стран Африки рейтинги относятся к спекулятивной категории. Это означает, что существует возможность развития кредитных рисков, особенно в результате негативных экономических изменений, которые могут произойти со временем.

Безусловно, существуют риски при инвестировании в страны Африки южнее Сахары. Снижает инвестиционную привлекательность стран Африки неразвитость среднего класса, вследствие чего ожидания крупного бизнеса по росту объема продаж на африканском рынке не оправдываются; относительно низкий уровень сбережений (18,11 % ВВП в 2018 г. при среднем мировом значении 25 %), который означает низкие темпы обновления основного капитала, относительно высокая криминогенность, наличие в отдельных странах вооруженных конфликтов, значительная коррупция, высокий уровень внешней задолженности, высокие политические риски, недостаточно развитая инфраструктура.

Вместе с тем, по отдельным направлениям перечисленных рисков существует значительный прогресс. Так, например, в странах Африки наблюдаются сегодня самые высокие в мире темпы урбанизации; растет уровень квалификации рабочей силы, более высокими темпами растет емкость внутреннего рынка, имеющая большой потенциал дальнейшего роста; постепенно увеличивается численность среднего класса; во многом в результате совместных проектов в Китае развивается инфраструктура; снижается острота внутренних конфликтов.

Для ускорения процесса индустриализации правительствам африканских необходимо работать в направлении развития инфраструктуры, улучшения инвестиционного климата, прозрачности законодательства, сокращения административных расходов для бизнеса, снижения коррупции, недопущения внутренних и межстрановых вооруженных конфликтов.

Следует отметить, что важным фактором для комплексного решения проблем, стоящих перед странами Африки южнее Сахары (политическая нестабильность, бедность, неравенство, безработица и другие социальные проблемы), является региональная интеграция. В среднесрочной и долгосрочной перспективе тенденция роста усилится после вступления в силу Соглашения о зоне свободной торговли на Африканском континенте (AfCFTA). Согласно этому документу, к 2030 г. Африка будет представлять собой единый и один из самых крупных в мире рынков товаров и услуг с населением в 1,2 млрд. человек и общим объемом потребительских и коммерческих расходов около 6,7 трлн. долл. [4].

Библиографический список

1. Абрамова И. О. Новая роль Африки в мировой экономике XXI века. М.: Ин-т Африки РАН, 2013. 322 с.
2. Абрамова И. О., Фитуни, Л. Л. Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2015. № 6 (84).
3. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Экономическая привлекательность и инвестиционный потенциал стран Африки к югу от Сахары // Проблемы современной экономики. 2015. № 3(55).
4. Бенедикт Орама: «Шесть из десяти наиболее быстрорастущих экономик мира находятся в Африке» / Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/materials/benedikt-orama-shest-iz-desyati-naibolee-bystrorastushchikh-ekonomik-mira-nakhodyatsya-v-afrike/> (дата обращения: 10.10.2020 г.).
5. Рейтинг стран по версии Fitch. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/fitch-rating> (дата обращения: 10.10.2020 г.).
6. Соломонова И. Скорее мертв, чем жив: пять фактов о среднем классе в Африке // Republic. URL: <https://republic.ru/posts/58501> (дата обращения: 10.10.2020 г.).
7. Феоктистов Д. Конкуренция за Африку. Что российская экономика может предложить целому континенту. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7028750> (дата обращения 12.10.2020).
8. The Data Catalog of World Bank / The World Bank. – URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 10.03.2020 г.).

УДК 338.001.36

ББК 65.2

А. А. Чеботарева, Н. А. Киреева

РОССИЙСКИЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РИТЕЙЛ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

Чеботарева Анна Александровна – магистрант кафедры экономики и маркетинга Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.;

e-mail: annachebotareva97@yandex.ru

Киреева Наталья Аркадьевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и маркетинга Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.;

e-mail: nataalkireeva1@yandex.ru

Аннотация. В высоко конкурентной среде отечественного рынка продовольственных продаж особую долю занимает рынок торговых сетей, значительно возросший за последние годы. Авторами дана количественная и качественная характеристика уровня концентрации в отрасли и выявлены тенденции в изменении структуры данного сегмента продовольственного рынка. Систематизированы факторы, определяющие торговый оборот, доходность, инвестиционную активность ключевых игроков. Показано, что угрозы из-за введения ограничений в первой половине 2020 года негативно повлияли на многие показатели торговых сетей. Представлена характеристика стратегических действий крупнейших торговых сетей на фоне ухудшения конъюнктуры рынка продовольственных товаров. Выделены меры, которые позволят удержать или снизить темпы падения показателей выручки и продаж торговых сетей. С учетом существующих условий состояния рынка продуктового ритейла в России и внешних условий внешней среды даны прогнозные оценки изменения темпов роста рынка, динамики онлайн-торговли, выручки, маржинальности торговых сетей.

Ключевые слова: торговые сети, ритейл, рынок продовольственных товаров, розничная торговля, выручка, маржинальность, индекс оценки монополизации.

A. A. Chebotareva, N. A. Kireeva

RUSSIAN FOOD RETAIL: THREATS AND DEVELOPMENT OPPORTUNITIES

Anna A. Chebotareva – graduate student of the Department of Economics and marketing, Saratov state technical University name Gagarin Y. A.; e-mail: annachebotareva97@yandex.ru

Natal'ya A. Kireeva – doctor of economic Sciences, Professor, Professor, Department of Economics and marketing, Saratov state technical University name Gagarin Y. A.; e-mail: nataalkireeva1@yandex.ru

Abstract. In the highly competitive environment of the domestic food sales market, a special share is occupied by the retail chain market, which has grown significantly in recent years. The authors give a quantitative and qualitative characteristic of the level of concentration in the industry and identify trends in changes in the structure of this segment of the food market. The factors that determine the trade turnover, profitability, investment activity of key players are systematized. It is shown that threats due to the introduction of restrictions in the first half of 2020 had a negative impact on many indicators of retail chains. The article presents the characteristics of the strategic actions of the largest retail chains on the fund for the deterioration of the food market situation. The article highlights the measures that will keep or reduce the rate of decline in revenue and sales of retail chains. Taking into account the existing conditions of the state of

the grocery retail market in Russia and the external conditions of the external environment, predictive estimates of changes in the rate of growth of the market, dynamics of online = trade, revenue, marginality of retail chains are given.

Keywords: retail chains, retail, food market, retail trade, revenue, margin, monopolization assessment index.

Рынок розничной торговли на сегодняшний день находится в стадии роста. Высокая конкуренция, наблюдаемая между различными ритейлерами, обеспечивает широкий спектр ассортимента товаров и услуг для потребителей. И сама отрасль отечественного ритейла активно развивается, что обусловлено трансформацией российской продовольственной системы, происшедшей за последние годы, интеграции ее в мировые продовольственные цепочки [1]. На сегодняшний день эта одна из самых перспективных, инвестиционно-привлекательных и быстрорастущих отраслей народного хозяйства [4, с. 58].

В 2019 году оборот рынка продуктового ритейла достиг 16,1 трлн руб., увеличившись вдвое за последние 10 лет (Рис. 1). Основной формой сбыта продовольственной продукции в стране уверенно становятся торговые сети.

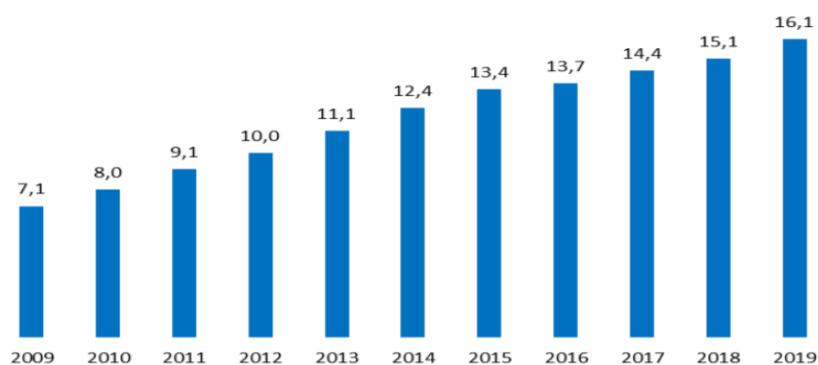

Рис. 1. Оборот продуктовой розницы по годам 2009–2019, трлн руб. [7]

Российский продуктовый ритейл представляет собой высоко конкурентный рынок. Предельное значение индекса оценки монополизации отрасли с использованием индекса Херфиндаля-Хиршмана составляет 260 единиц, со средней долей ключевых игроков на рынке равной 31,6 %. Коэффициент менее 1000 единиц означает, что рынок существует с низким уровнем монополизации и новому игроку будет несложно войти на рынок.

10 крупнейших торговых сетей продемонстрировали рост на 1,4 п.п. в своей доли рынка в 2019 году, достигнув 33,3 %. (Рис. 2).

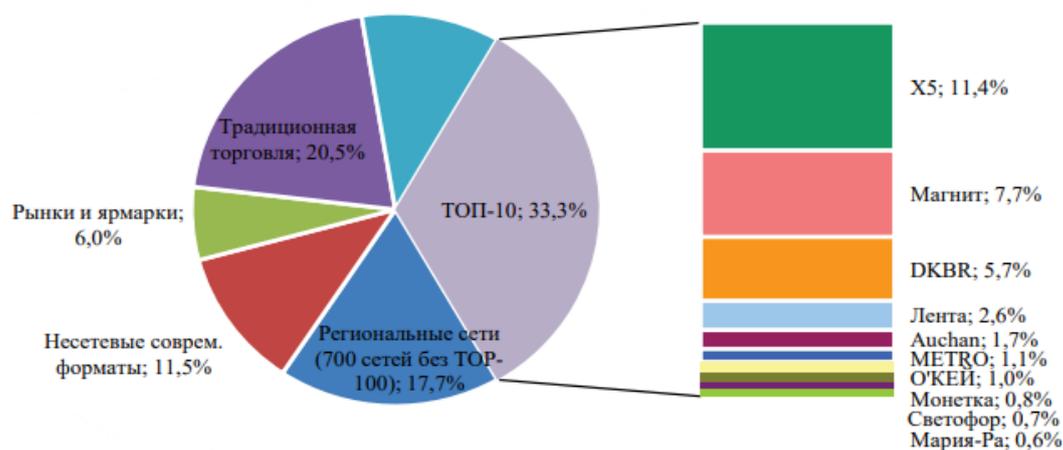

Рис. 2. Структура розничной торговли продовольственными товарами в РФ в 2019 году, % [9]

Увеличение доли рынка ритейла в структуре продаж продовольственных товаров связано с сохранением высоких темпов роста у X5 Retail Group (на 13,3 % до 1,7 трлн руб.) и объединения сетей «Красное&Белое», сети «Бристоль» и ГК «Дикси» в конгломерат DKBR Mega Retail Limited, с суммарной долей выручки более 805 млрд руб. Также на рост доли повлияло изменение состава ТОП-10 крупнейших торговых сетей – в него вышла ГК «Торгсервис» (харддискаунтер «Светофор», гипермаркет-дискаунтер «Маяк»), увеличившая свою выручку на 25,9 % за 2019 год.

Крупнейшими ритейлерами России по объему торговых площадей и выручке являются X5 Retail Group («Перекресток», «Карусель», «Пятерочка»), «Магнит» и «Дикси». В I кв. 2020 г. X5 Retail Group увеличила свои инвестиции на 41,3 % – 44 % из них направлены на открытие новых торговых точек, 34 % – на обновление и реконструкцию, 18 % – на эксплуатацию оборудования, обслуживание, ремонт, 2 % – ИТ, 1 % – улучшение логистики. В данном периоде выручка с 1 кв. метра у X5 Retail Group увеличилась на 4,0 %, на 3,9 % у сети «Пятерочка», на 6,5 % у сети «Перекресток», и снизилась в сети «Карусель» на 7,5 %. «Магнит» в I кв. 2020 г. продемонстрировал снижение инвестиций на 25 % и сокращение открытия новых магазинов (в I кв. 2019 открыто 949 торговых точек, в I кв. 2020 – 321 магазин). Выручка в торговой сети «Магнит» выросла на 6,2 %, составив +8,0 % для формата «дискаунтер», +6,2 % для формата «супермаркет» и +3,6 % для «дрогери». Структура ключевых торговых сетей России представлена на рисунке 3.

Несмотря на рост основных показателей крупнейших игроков в ритейле, динамично развивающийся сервис и услуги, предлагаемые торговыми сетями, кризис, пришедший на рынок с установлением карантина из-за пандемии Covid-19 оставил свой отпечаток на рынке продовольственных товаров России. В мае 2020 оборот розничной торговли сократился относительно мая 2019 года на 16,5 % (в мае 2019 года отрасль показывала рост на 7,2 %, в апреле 2020 года – падение на 20,6 %).

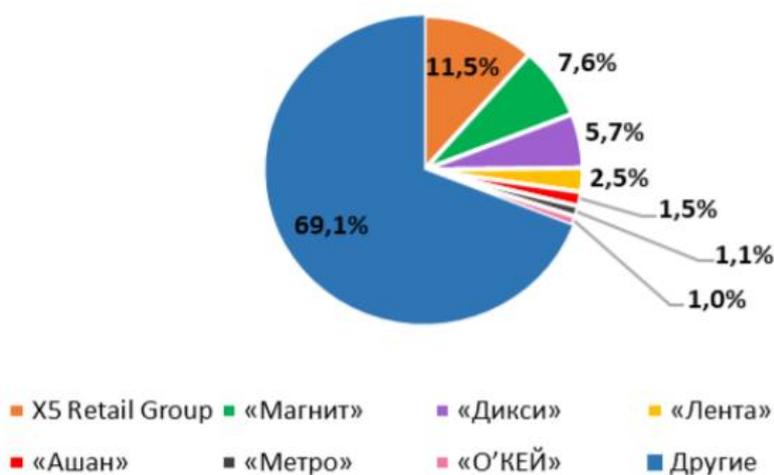

Рис. 3. Структура продуктового ритейла по выручке в 2019 году.

В январе – мае 2020 года оборот розничной торговли в денежном выражении сократился на 3,5 % (по аналогичному периоду в 2019 году отрасль показывала рост на 7,7 %) (Рис. 4). Оборот общественного питания в январе – мае 2020 года снизился на 17,9 %

(2019 год – рост на 10,3), что связано в основном с закрытием большинства заведений и переходу на продажу на вынос или online продажу после ограничений, введенных с 30 марта 2020 года.

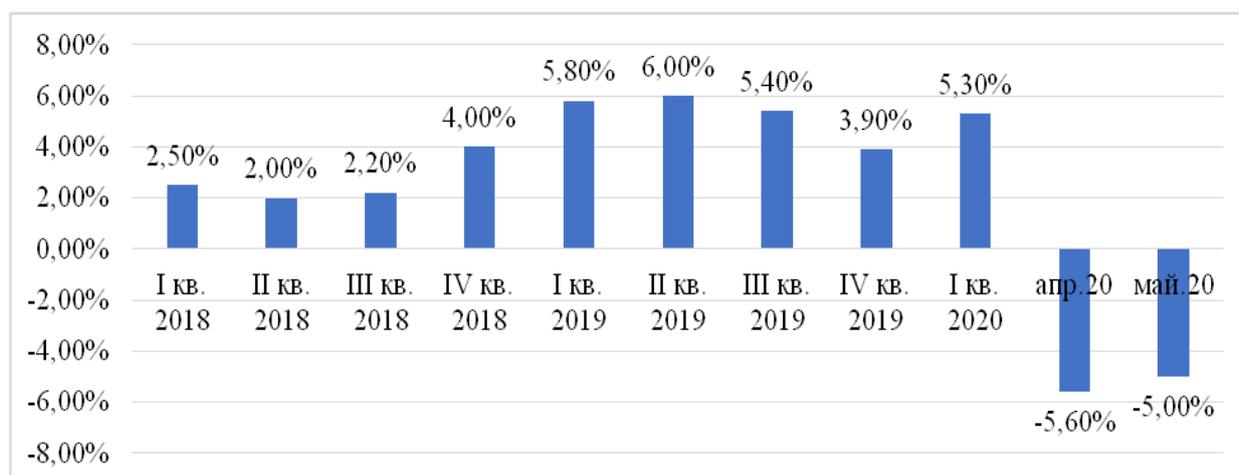

Рис. 4. Динамика оборота в розничной торговой продовольственной сети в 2018–2020 гг., % к соответствующему периоду прошлого года [10].

Однако, не смотря на все минусы влияния негативных последствий на конъюнктуру рынка продовольственных товаров, можно выделить меры, принятые и необходимые к принятию торговыми сетями для удержания доли выручки и продаж [6]. Стратегия развития продуктового ритейла во многом определяется осуществляемой государственной политикой по обеспечению продовольственной безопасности страны, решению задачи импортозамещения [5].

Установление режима самоизоляции из-за Covid-19 привело к росту спроса на доставку продуктов и онлайн-заказы. По данным X5 Retail Group, продажи онлайн-магазина «Перекресток» в апреле 2020 года выросли в 3,3 раза по сравнению с уровнем предыдущего года, в количество заказов в день увеличилось в 2,5 раза. Тот же показатель по сети «Пятерочка» достиг значения в 11 тыс. заказов в день (для сравнения, в феврале 2020 г. объем заказов в день составил 600 ед.).

Другие факторы влияния вводимых ограничений на торговые сети:

- рост численности курьеров и транспортных средств у ритейлеров. Это потребовало от торговых сетей увеличение расходов на логистику, расширение сотрудничества с логистическими компаниями для ускорения доставки и увеличения ее зоны [2, с. 18];
- ажиотажный спрос привел торговые сети к решению об увеличении товарных запасов;
- увеличение количества дарксторов – помещений, где осуществляется сбор заказа и передача его курьеру;
- запуск собственных онлайн-магазинов.

Агрессивный выход торговых сетей на рынок онлайн продаж под воздействием внешних условий изменил устоявшуюся структуру рынка электронного продовольствия. Так, за несколько месяцев 2020 года выручка «Перекрестка» и «Пятерочки» превысила выручку многолетнего лидера данного рынка – сеть «Утконос».

Сложившиеся условия первой половины 2020 года повлияли на продажи различных форматов торговых сетей по-разному. По всем форматам прослеживается тенденция к уменьшению посещений магазинов потребителями при одновременном увеличении корзины. По данным «Лента» за апрель 2020 года трафик потребителей сократился на 16 % в годовом выражении при росте среднего чека на 30 %.

«Магазины у дома» стали самым популярным местом покупок потребителей. За первое полугодие 2020 года открылось более 400 новых торговых точек у ТОП-200 участников рынка ритейла.

Меньший спрос затронул гипермаркеты (-7 % трафика при росте среднего чека по данным «О`КЕЙ»). Супермаркеты нарастили трафик на 6 % по отношению к предыдущему году.

Развитие онлайн-торговли влияет на снижение трафика посещаемости офлайн-точек, а также на их доходность. Также, на результат продаж магазинов влияют и ужесточение санитарных норм. У части потребителей вырабатывается привычка покупать товары удаленно, и предвидится, что данная тенденция сохранится [3, с. 45–46]. Это также должно повлиять на решение торговых сетей о планах открытия новых магазинов в традиционном формате.

В 2021 году можно спрогнозировать следующие тенденции с учетом существующих условий состояния рынка продуктового ритейла в России и внешних условий среды:

1) Дальнейшее распространение Covid-19 негативно повлияет на рынок торговых сетей в 2021 году. Несмотря на то, что ритейл не испытывает жестких ограничений по сравнению с отраслью общественного питания, снижение доходов населения приведет к большему замедлению темпов роста рынка.

2) Развитие онлайн-торговли – главный драйвер роста рынка в сложившихся условиях.

3) Снижение выручки офлайн-магазинов на квадратный метр. Необходим пересмотр оптимального количества торговых точек в новых условиях рынка.

4) Маржинальность торговых сетей будет находиться под давлением. Снижение доходов населения, повышение закупочных цен производителями, увеличение логистических расходов – все это может заставить ритейлеров уменьшить торговую наценку [9, с. 158]. Необходима оптимизация административных и коммерческих расходов.

5) Спад туристической активности может поддержать рынок. Ограничения на выезд за границу может побудить население на туризм внутри страны, и соответственно на потребление отечественных товаров и услуг в увеличенном формате. Данная тенденция может положительно повлиять на доходы ритейлеров в I квартале, а если ограничения сохранятся, то и в III квартале 2021, как уже показал пример III квартала 2020 года.

Таким образом, рынок торговых сетей, несмотря на очевидные негативные факторы внешней среды, связанные с ограничениями из-за Covid-19, снижение покупательной способности населения, повышение цен и снижение торговой наценки, имеет все возможности к сохранению объемов выручки, при условии нахождения оптимальной стратегии действий. Расширение онлайн-торговли, пересмотр расходов на содержание торговых точек и логистику, ведение стратегии «примера для подражания» в медиа и социальных сетях поможет достичь высокого уровня лояльности у потребителей, тем самым выступая гарантом потребительского трафика и выделяя рыночного игрока в высоко конкурентной среде.

Библиографический список

1. Александрова Л. А., Киреева Н. А. Трансформация агропродовольственной политики России в условиях членства в ВТО: институциональный анализ // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 9 (57).
2. Аракелова И. В., Кублин И. М. Как «приручить» клиента // Маркетинг в России и за рубежом. 2018. № 1.
3. Бурмистрова И. К., Кублин И. М. Практика моделирования товарно-ассортиментной политики на предприятии АПК // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 3 (52).
4. Герасимова И. А. О тенденциях дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития // Вопросы статистики. 2017. № 2.
5. Киреева Н. А., Заводило О. В. Институциональные условия функционирования регионального агропромышленного комплекса (на примере Саратовской области) Аграрный научный журнал // 2017. № 10.
6. Киреева Н. А., Прущак О. В. Продовольственная безопасность региона: методология оценки, тенденции, прогноз // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 1.
7. Отраслевой обзор «Состояние потребительского рынка и Рейтинг торговых сетей FMCG России» (июнь 2020). Информационное агентство «Инфолайн». URL: <https://infoline.spb.ru/shop/issledovaniya-rynkov/page.php?ID=203543> (дата обращения: 28.11.2020)
8. Платонов Н. И. Особенности ценообразования розничной торговой цены // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 11-2.
9. Продуктовый ритейл: угроза снижения маржинальности. Национальное рейтинговое агентство. Аналитический обзор (июнь 2020). URL: <https://www.ra-national.ru> (дата обращения_29.11.2020)
10. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 28.11.2020)

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

FINANCIAL INSTRUMENT

УДК 338.1

ББК 65.291.93

В. И. Найденков, А. Ш. Хуваева

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Найденков Владимир Иванович – кандидат экономических наук, доцент, 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» (01 – экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами); доцент, Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А., Саратов, Россия; e-mail: naydenkov@list.ru

Хуваева Аниса Шухратовна – магистрант, 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» (01 – экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами); магистрант, Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., Саратов, Россия; e-mail: anisa.huvaeva@mail.ru

Аннотация. Доказывается, что в современных условиях решение задачи обеспечения финансовой устойчивости предприятия не может достигаться посредством стандартных подходов и инструментов, в связи с происходящими изменениями во внешней и внутренней среде хозяйствующего субъекта. Проведенный анализ видов финансовой устойчивости и факторов, оказывающих на нее влияние, позволил заключить, что ориентир экономической политики государства на цифровизацию требует обязательного отражения в модели поведения предприятия, призванной обеспечить стабилизацию его финансового положения. Предприятию, в складывающихся условиях, необходимо активно использовать преимущества новых технологий: интеграцию технологий и автоматизацию; связанность аналитических данных; стратегическое партнерство; гибкую структуру и принцип Fail Fast. Цифровизация экономики формирует новые факторы, которые влияют на финансовую устойчивость предприятия и его конкурентные позиции. Предложенная матрица рисков позволяет провести оценку степени их влияния на финансовую устойчивость предприятия. Анализ передового опыта дал возможность сформировать арсенал инструментов, актуальных для предприятий всех сфер экономики и направленный на повышение финансовой устойчивости.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, цифровизация экономики, цифровые технологии, риски, факторы влияния, инструменты повышения финансовой устойчивости.

V. I. Naidenkov, A. S. Khuvaeva

FINANCIAL STABILITY OF THE ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY

Vladimir I. Naidenkov – PhD in Economics, associate professor, 08.00.05 «Economics and management of national economy» (01 – Economics, organization and management of enterprises, industries, complexes); associate professor Socio-economic institute Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia; e-mail: naydenkov@list.ru

Anisa S. Khuvaeva – Master's program student, 08.00.05 «Economics and management of national economy» (01 – Economics, organization and management of enterprises, industries, complexes); Master's program student, Socio-economic institute Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia; e-mail: anisa.huvaeva@mail.ru

Abstract. It is proved that in modern conditions, the solution of the problem of ensuring the financial stability of an enterprise cannot be achieved through standard approaches and tools, due to changes in the external and internal environment of an economic entity. The analysis of the types of financial stability and factors that influence it allowed us to conclude that the orientation of the state's economic policy towards digitalization requires mandatory reflection in the enterprise's behavior model, designed to ensure the stabilization of its financial position. The company, in the current conditions, needs to actively use the advantages of new technologies: technology integration and automation; connectivity of analytical data; strategic partnership; flexible structure and the Fail Fast principle. Digitalization of the economy creates new factors that affect the financial stability of the enterprise and its competitive position. The proposed risk matrix allows for an assessment.

Keywords. financial stability, digitalization of the economy, digital technologies, risks, factors of influence, tools for improving financial stability.

Введение

Финансовая устойчивость является важнейшей характеристикой качества построения бизнес-процессов предприятия, представляет собой одно из главных условий жизнедеятельности, развития и обеспечения высокой конкурентоспособности предприятия. Она иллюстрирует эффективность операционного, финансового и инвестиционного развития, а также содержит необходимую для поставщиков, инвесторов и других лиц информацию. Поэтому работа, направленная на поиск путей и выработку инструментов повышения финансовой устойчивости должна носить перманентный характер, что особенно актуально в условиях наблюдающейся трансформации среды хозяйствования.

Проблеме повышения финансовой устойчивости предприятий посвящены работы отечественных и зарубежных ученых, таких как: И. Т. Балабанов, П. И. Вахрин, В. В. Ковалев, Г. В. Савицкая, Р. С. Сайфулин, Р. Брэйли, С. Майерс, Ф. Хайек, Дж. Хикс, К. Хеддервик, Р. Холт, Е. И. Шохин и др. Однако многие вопросы данной проблемы проработаны недостаточно глубоко. Так, проводимые ранее исследования в области финансовой устойчивости предприятий не рассматривали данный предмет в контексте современных тенденций трансформации экономики, таких, например, как цифровизация. Это обуславливает целесообразность дальнейших исследований по данной тематике, поэтому целью проделанной работы было развитие теоретической базы и выработка практического инструментария повышения финансовой устойчивости предприятия в условиях цифровизации, что, в свою очередь, по-

требовало решения таких задач, как: классификация финансовой устойчивости; анализ факторов, влияющих на финансовую устойчивость; оценка рисков; определение инструментов повышения финансовой устойчивости, в том числе базирующихся на преимуществах цифровой экономики.

В процессе работы получены следующие наиболее важные результаты: дана авторская классификация факторов, влияющих на финансовую устойчивость; предложена матрица оценки рисков, влияющих на финансовую устойчивость предприятия; предложена система инструментов повышения финансовой устойчивости в условиях цифровизации экономики.

Основная часть. Современное развитие экономики напрямую связано с процессами глобализации, которые оказывают влияние почти на сферы общества – экономическую, политическую, культурную и социальную. Происходит усиление коммуникативных связей из-за активного внедрения инноваций и информационных технологий в системе функционирования финансово-хозяйственных единиц, что ведет к увеличению скорости процессов развития и преобразования мировой экономической среды [5, с. 11]. В целом на данном этапе развития сложилась достаточно сложная геополитическая ситуация, которая влияет на международные отношения и экономическое положение в рамках отдельно рассматриваемых стран. Характерными чертами, свойственными текущему состоянию национальной экономики, являются: нестабильность, непредсказуемость и нарастание конкурентного противостояния с активным внедрением информационных технологий во все финансово-хозяйственные процессы предприятия [3, с. 13–14], что, в свою очередь, влияет на взаимоотношения компаний с внешними бизнес-партнерами и на финансовую устойчивость предприятия.

Нестабильность отечественной экономики и связанные с этим проблемы еще сильнее обостряются в условиях цифровой экономики, что затрагивает и зарубежных конкурентов. Поиск возможностей предупреждения кризисных явлений в процессе функционирования предприятия и обеспечения его финансовой устойчивости крайне важен [1]. Целью внедрения инновационных технологий в деятельность предприятий является нивелирование возможных отрицательных воздействий внешних факторов, обусловленных отсутствием стабильности в экономике. Финансовая устойчивость является важнейшей характеристикой бизнес-процессов [9, с. 88]. Она представляет собой одно из главных условий жизнедеятельности, развития и обеспечения высокой конкурентоспособности предприятия. Она иллюстрирует эффективность операционного, финансового и инвестиционного развития, а также содержит необходимую для поставщиков, инвесторов и других лиц информацию. Высокая финансовая устойчивость способствует формированию позитивного образа предприятия, так как она демонстрирует рост прибыли одновременно с ростом налоговой нагрузки, увеличение взносов в социальные фонды, дивидендов акционерам, что гарантирует своевременный возврат заемных средств и их обслуживание [4, с. 28].

Особенно важным моментом является определение вида финансовой устойчивости не только по характеру проявления, но и по причинам, оказывающим влияние на финансовую устойчивость, их последствиям, степени управляемости и масштабам проявления (рисунок 1).

Рис. 1. Виды финансовой устойчивости предприятия

Данная классификация выявляет параметры, которые способствуют целесообразному управлению финансовыми активами. Изменения в финансовой устойчивости происходят ввиду внутренних или внешних изменений, в том числе они могут быть обусловлены случайными факторами, например, просчетами менеджмента предприятия.

Финансовая устойчивость каждого предприятия оказывает влияние на уровень устойчивости экономики в рамках страны. В условиях переориентации российской экономики на инновационный путь развития вопросы поддержания устойчивости предприятия становятся особенно актуальными.

Финансовая деятельность предприятия представляет собой комплекс взаимосвязанных финансово-экономических процессов, подверженных влиянию разнообразных факторов. Менеджменту организации необходимо проявлять гибкость в работе с финансовыми ресурсами, при составлении и реализации производственных программ [6, с. 270]. Важно разработать алгоритм для приобретения иммунитета при меняющихся внешних и внутренних факторах, который будет способствовать стабилизации деятельности предприятия.

Как указано выше, все факторы влияния на финансовую устойчивость делятся на две большие группы: внутренние и внешние. Они классифицируются по месту их возникновения (рисунок 2).

Рис. 2. Факторы, влияющие на финансовую устойчивость предприятия

В современных условиях экономики необходимо разрабатывать стратегию и тактику, так как они способствуют наиболее активному реагированию органов управления предприятия на изменения среды [7, с. 34].

Финансовая устойчивость – комплексная характеристика, которая имеет внешние формы проявления и образуется в процессе функционирования предприятия. Она зависит от множества факторов.

Важно учитывать зависимость степени влияния приведенных факторов непосредственно на финансовую устойчивость предприятия, которая зависит, в том числе, и от их соотношения [8]. Определение риск-фактора и его последующее генерирование способствуют определению причины возникновения угроз для финансовой устойчивости. Управление предприятием будет эффективно только в случае идентификации условий и ситуаций, несущих в себе риск, который может перерасти в угрозу или причину, нарушающую финансовую устой-

чивость, а, следовательно, и безопасность всего предприятия [10]. Риски могут иметь различную вероятность проявления, а также различную степень влияния на финансовую устойчивость (таблица 1).

Таблица 1

Матрица возникновения возможных рисков предприятия

Вероятность проявления	Степень влияния на финансовую устойчивость		
	Низкая	Средняя	Высокая
Низкая	Потеря доходности бизнеса как результат снижения уровня репутации предприятия	Сокращение объемов продаж вследствие нарушения договорных обязательств	Потеря профессиональных кадров, сокращение объемов продаж в результате высокой конкуренции
Средняя	Снижение прибыли из-за повышения цен на материалы; Низкий уровень внедрения информационных технологий	Возникновение дополнительных расходов в результате изменения законодательства и роста инфляции; Появление новых конкурентов	Снижение покупательской способности населения; Снижение спроса со стороны основных потребителей
Высокая	Возникновение потерь из-за обстоятельств непреодолимой силы; Появление новых технологий у конкурентов; Риски, связанные с построением громоздких систем информационных технологий на основе виртуализации	Сокращение объемов производства в результате использования устаревшего оборудования, отставания от конкурентов, которые развиваются на базе цифровых технологий; Риски кибербезопасности в условиях цифровизации технологических процессов	Изменение валютного курса; Потеря ликвидности; Потеря финансового равновесия; Неплатежи со стороны контрагентов

Матрица рисков иллюстрирует основные типы рисков и их характеристику, которая позволяет провести оценку степени их влияния на финансовую устойчивость субъекта.

На базе анализа российского и зарубежного опыта сформирован инструментальный аппарат, актуальный для предприятий всех сфер экономики, направленный на повышение финансовой устойчивости (таблица 2).

С помощью типовых мероприятий, приведенных в таблице 2, можно сформировать программу мероприятий, в основе которой будет находиться повышение финансовой устойчивости. Реализацию программы необходимо регулярно подвергать контролю и корректировкам, с учетом изменения ситуации. Также необходим текущий мониторинг финансовой устойчивости для выявления проблемных областей финансово-хозяйственной деятельности на раннем этапе их образования.

Для роста финансовой устойчивости необходимо увеличивать удельный вес собственных средств в общем объеме финансовых ресурсов, направленных на эффективное использование кредитных ресурсов и привлечение различных источников финансирования предприятия.

Классические экономические показатели и стандартные методы финансово-экономического управления, в существующих условиях цифровизации экономики, все больше теряют свое значение, что обуславливает необходимость поиска и применения новых подходов и инструментов [2, с. 111–112].

Цифровизация экономики показывает необходимость реализации инновационных стратегий и социально-экономического преобразования. Цифровая трансформация предполагает изменение стандартов ведения бизнеса, переход компаний к цифровому бизнесу за счет преобразования организационной культуры, внедрение современных информационных технологий для расширения границ ведения бизнеса. Увеличивается поток данных, что становится базой проводимого экономического анализа и дает возможность выявления и исследования закономерностей работы современных социально-экономических систем.

Таблица 2

Типология инструментов повышения финансовой устойчивости предприятия

Тип	Инструменты
Экономические	Трансформация способов управления активами предприятия, определение стратегических и тактических целей, формирование прогнозных значений
Финансовые	Активное применение инновационных финансовых ресурсов, повышение качества структуры капитала, реформирование способов управления оборотными средствами
Социальные	Различные методы стимулирования труда, создание высокопроизводительных мощностей производства, увязка оплаты труда с производственной эффективностью
Производственные	Трансформация и совершенствование основных фондов, средств производства
Кадровые	Обучение персонала, повышение его квалификации
Инновационные	Перевод внутренних бизнес-процессов на цифровую платформу, освоение в производственно-технологических процессах инновационных цифровых технологий, выпуск инновационной продукции, сокращение уровня потребления материалов с помощью освоения цифровых технологий
Организационно-экономические	Приобретение новых контрагентов по сбыту продукции, освоение новых рынков, внутренний аудит и контроль договорной базы

Оцифровка массивов данных позволяет увеличивать эффективность операций, способствовать экономии затрат. По результатам различных исследований, трансформация или цифровое преобразование позволяют уменьшить издержки на 30 % и нарастить доход на 20 %.

Цифровизация повлияла на способы создания и функционирование отечественного бизнеса, разработки и проведения маркетинговой стратегии. Помимо этого, она способствовала нивелированию и предоставлению целесообразной обоснованности производственных и транзакционных издержек – в большей части эти издержки в рамках цифровой среды либо уменьшаются, либо исчезают. Цифровизация формирует сетевой эффект и масштабируемость, стираются национальные границы.

Цифровые технологии, основанные на искусственном интеллекте, вызывают обострение конкуренции, расширяют сферы обращения в цифровом поле и формируют опережающую реакцию.

Заключение. Цифровизация экономики формирует новые факторы, которые влияют на финансовую устойчивость предприятия и его конкурентные позиции, позволяет использовать весь перечень преимуществ эпохи новых технологий:

- интеграция технологий и автоматизация. Для автоматизации задач необходим инструментарий из веб-аналитики, внедрения интегрированных рекламных технологий, проведения персонализированной автоматизации рекламы;

- связанность аналитических данных. Для формирования контактной клиентской среды, изучения и понимания клиентов необходим комплексный подход при обработке аналитических данных;

- стратегическое партнерство. Ключ к успеху в сотрудничестве с разработчиками и поставщиками технологий – сохранение и обеспечение права собственности на вносимые технологии и обработку данных;

- анализ результатов и применение выводов;

- гибкая структура и культура Fail Fast. Переосмысление и трансформация организационной структуры, отчетности, модернизация компенсационных схем и карьерного роста. Такие новации проводятся при поддержке руководителей высшего звена и повышении общей культуры «дешевых» проб и ошибок. Этот подход называется Fail Fast.

Несмотря на все риски, компании активно внедряют драйверы цифровой экономики – искусственный интеллект, блокчейн, прочие информационные технологии. Цифровые технологии позволяют изменить и управлять компанией в режиме реального времени без участия человека и смещения акцентов в сторону полной автоматизации корпоративных бизнес-процессов.

Развитие цифровой экономики способствует росту спроса на продукцию за счет ее оптимизации. Внедрение цифровых технологий определяет судьбу малых и средних предприятий. Поэтому внедрение цифровой экономики, как масштабного проекта, должно быть направленно на изменение уровня и качества жизни не только страны, но и отдельных предприятий.

Библиографический список

1. Балабанов И. Т. Финансовый анализ и планирование хозяйственного субъекта. М.: Финансы и статистика, 2017. 208 с.

2. Балабай С. В. Ноосферная концепция образования // Наука и общество. 2019. № 2 (34).

3. Бурмистрова И. К., Кублин И. М. Проблемы ориентации инновационного развития предприятий в нестабильных экономических условиях // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 2 (06).

4. Вовченко Н. Г., Альбеков А. У., Епифанова Т. В., Фильчакова Н. Ю. Электронная валюта: потенциальные риски национальной безопасности // Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов : материалы междунар. науч.-практич. конф., 2 июня 2016 г. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 22–33.

5. Есина А. А., Найденов В. И. Управление финансовыми ресурсами коммерческой организации // Социальные науки. 2019. № 1 (24).

6. Кублин И. М., Махметова А. Ж. Е. Особенности инвестирования в проекты по управлению информационными бизнес-процессами на предприятиях электронной промышленности // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 1.

7. Мартынович В. И., Найденов В. И., Спиридонова С. А. Цифровизация банковских услуг (на примере ПАО «СБЕРБАНК») // Наука и общество. 2019. № 2 (34).

8. Маслова Е. Блокчейн – это навсегда, готовьтесь. URL: www.secretmag.ru/cases/interview/elena-masolova-tokenstarsblokchein-eto-navsegda-gotovtes.htm (дата обращения 12.10.2020).

9. Найденов В. И., Кублин И. М., Джамалян А. А. Проблемы повышения конкурентоспособности предприятий в строительной отрасли Саратовской области // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2019. № 4 (24).

10. Филд Д., Патель Ш., Леон Г. Как достичь цифровой зрелости. The Boston Consulting Group. URL: www.bcg.com (дата обращения 12.10.2020).

УДК: 352/354-1, 35.076.1

ББК: 60.82

А. И. Мордвинцев, Р. С. Дубов

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Мордвинцев Александр Иванович – кандидат экономических наук, доцент, Председатель Контрольно-счетной палаты Волгограда; e-mail: Mai121263@gmail.com

Дубов Роман Сергеевич – аудитор Контрольно-счетной палаты Волгограда; e-mail: ULOVER@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается краткий анализ системы стратегического планирования, действующей на территории городского округа Волгоград. Рассматривается ее соотнесение по целям, приоритетам и задачам со стратегическими документами как органа местного самоуправления, так и с документами высших уровней.

Методы исследования включают методы системного подхода, к которым относятся метод факторного анализа, метод экспертных оценок, сравнение, систематизация, метод графического анализа, моделирование процессов.

Проведен анализ корреляции документов стратегического планирования по «вертикали» и «горизонтали», принятия и реализации целевых показателей с примерами из практики стратегического планирования в Волгограде, определены тренды в развитии системы стратегического планирования и их влияние на муниципальный уровень, разработки и реализации документов стратегического планирования, также определены меры совершенствования системы стратегического планирования на муниципальном уровне. Вскрываются проблемные аспекты по обеспечению увязки основным стратегических документов муниципального образования.

К основным результатам исследования отнесены: обоснованность тенденции по укрупнению и усилению корреляции между документами стратегического планирования всех уровней исполнительной власти; выявлены различия в значениях целевых показателей муниципальных документов стратегического планирования и в федеральных документах, отражающих общенациональную политику социально-экономического развития страны, для устранения этого несоответствия актуально внедрение информационных цифровых технологий для повышения уровня согласованности и взаимосвязи между документами стратегического планирования

всех уровней управления. Показано, что с практической стороны результаты исследования могут быть использованы органами местного самоуправления для целей повышения эффективности стратегического планирования территорий.

Ключевые слова: стратегическое планирование, муниципальный уровень стратегического планирования, муниципальное управление.

A. I. Mordvintsev, R. S. Dubov

ON THE QUESTION OF DEVELOPMENT OF THE STRATEGIC PLANNING SYSTEM AT THE MUNICIPAL LEVEL OF MANAGEMENT

Alexander I. Mordvintsev – Ph.D., Chairman of the Control and accounting chamber of Volgograd, Russia, Volgograd; e-mail: Mai121263@gmail.com

Roman S. Dubov – Auditor of the Control and accounting chamber of Volgograd, Russia, Volgograd; e-mail: ULOVER@mail.ru

Abstract. The article presents a brief analysis of the strategic planning system operating in the territory of the Volgograd urban district; its correlation in terms of goals, priorities and tasks with strategic documents of both local self-government bodies and documents of higher levels is considered. Research methods include methods of a systematic approach, which include the method of factor analysis, the method of expert assessments, comparison, systematization, the method of graphical analysis, and process modeling.

The authors analyzed the correlation of strategic planning documents vertically and horizontally, the adoption and implementation of targets with examples from the practice of strategic planning in Volgograd, identified trends in the development of the strategic planning system and their impact on the municipal level, the development and implementation of strategic planning documents, also identified measures to improve the system of strategic planning at the municipal level.

The problematic aspects of ensuring the coordination of the main strategic documents of the municipality are revealed. The main results of the study include: the tendencies for the consolidation and strengthening of the correlation between strategic planning documents of all levels of executive power have been substantiated; the differences in the values of the target indicators of the municipal strategic planning documents and in the federal documents reflecting the national policy of the country's socio-economic development were revealed, it is relevant to introduce digital information technologies to increase the level of consistency and interconnection between strategic planning documents at all levels of management. From the practical point of view, the results of the study can be used by local governments to improve the effectiveness of strategic planning of territories.

Keywords: digitalization, external financial control, digital inequality, efficiency of expenses on digitalization, directions of digital transformation.

Планирование является основой управления муниципальным социально-экономическим развитием. Так, стратегический план развития муниципального образования определяет стратегические цели, задачи, приоритеты, отвечающие интересам всего населения муниципального образования, и, учитывая существующие повседневные задачи территории, позволяет реализовывать долгосрочные цели, ориентированные на кардинальные изменения социально-экономических показателей. В то же время разработанная стратегия сама по себе не гарантирует успех. Ее грамотная реализация за счет эффективных действий (инструментов) – вот что необходимо для достижения намеченных результатов.

Обращаясь к истории стратегического планирования в России, необходимо учитывать, что идеи национального целеполагания возникали довольно давно, начиная уже с 1990-х гг. Вместе с тем, основополагающие стратегические документы были разработаны, но, по сути, в

большей части остались только на бумаге. Причины этому – действующие на тот момент экономические условия, которые создавали обществу и власти «ловушки выживания»: дефолт 1998 г.; мировой финансовый кризис 2008 г.; снижение доходов на фоне девальвации рубля в 2014 г.

Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Указ № 204) был принят, в том числе, для того, чтобы такие неопределенности и риски в управлении развитием государства минимизировать за счет возможностей, инструментов стратегического планирования и управления в целом.

В 2014 году был принят Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (Федеральный закон № 172-ФЗ), который направлен на формирование в России современной системы государственного стратегического планирования. Впервые в истории нашей страны было регламентировано осуществление одной из важнейших функций государственного управления – определения долгосрочных целей социально-экономического развития и планов их реализации. Принятие данного закона позволило преодолеть разрыв между 20-летней практикой разработки различных перспективных планов и отсутствием ее нормативного регулирования. Закон способствовал:

- определению единства и целостности стратегического планирования, его прозрачности и открытости;
- закреплению норм по разграничению полномочий всех участников стратегического планирования – органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, порядок их взаимодействия и т.д.

В Федеральном законе № 172-ФЗ можно выделить следующие однозначно позитивные моменты:

- попытка обобщить многолетнюю практику разработки различных стратегических документов на всех уровнях управления – от федерального центра до муниципальных образований;
- расширение спектра возможных уровней стратегического планирования, включая макрорегиональный (ст. 21) и межмуниципальный (п. 9 ст. 32) уровни, что создает предпосылки для законодательного регулирования процесса складывания агломераций и управления их развитием, а также реализации крупных межмуниципальных проектов и программ;
- обязательность общественного обсуждения документов стратегического планирования (ст. 13);
- провозглашение ряда полезных принципов стратегического планирования: измеримости целей, соответствия между целями и показателями (ст. 7) и др. [8, с. 14].

Сейчас все основные «одноуровневые» документы стратегического планирования из Федерального закона № 172-ФЗ, в том числе стратегии пространственного развития, нацбезопасности, социально-экономического развития, развития макрорегионов и отраслей – предлагается объединить в единый документ - он, очевидно, должен соответствовать целям Указа № 204. Это снимет и проблему противоречий отдельных документов, которых уже много [7].

На рис.1 представлены документы стратегического планирования, обеспечивающие основу стратегического управления на федеральном и муниципальном уровнях исполнительной власти. При его построении использовались материалы из источников [1, 2, 4].

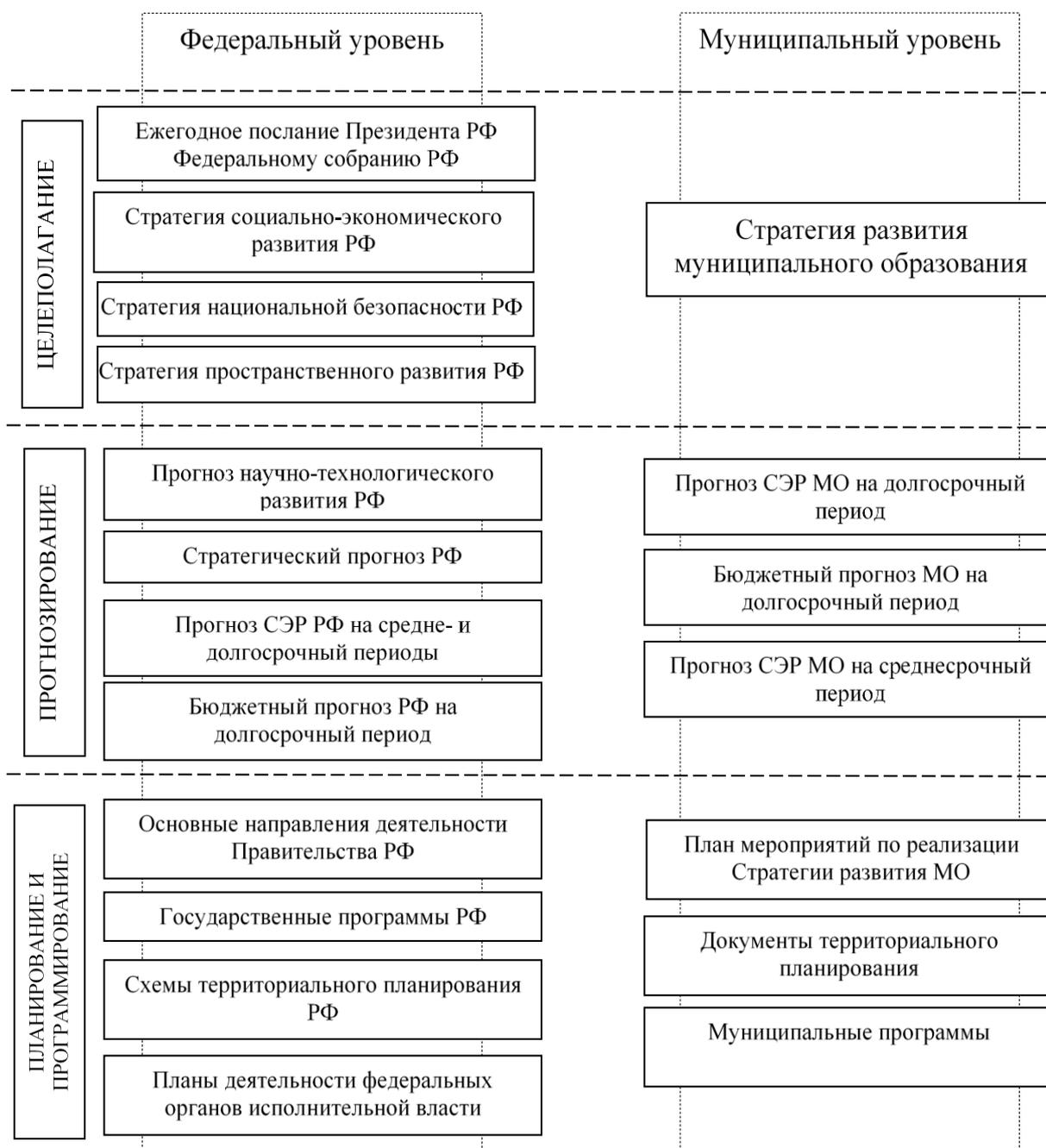

Рис. 1. Система стратегического планирования на федеральном и муниципальном уровнях исполнительной власти

Министерство финансов Российской Федерации (Минфин РФ) предлагает достаточно радикально упростить и упорядочить систему документов стратегического планирования.

Главная идея Минфина РФ – считать Указ № 204 основным документом стратегического планирования, и как постоянный институт наряду с ежегодным посланием Президента Российской Федерации. Для этого предлагается вносить в него правки после ежегодных посланий Федеральному собранию и объединить многочисленные стратегии и прогнозы в единые документы, утверждаемые президентом или совещательным органом при нем [3].

Кроме того, в настоящее время Министерством экономического развития Российской Федерации формируются концептуальные подходы к разработке Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2050 года (Стратегия 2050) с учетом национальных целей развития Российской Федерации, определенных в вышеназванном Указе № 204, а также инструментов и механизмов достижения национальных целей развития на среднесрочный период. Утверждение Стратегии 2050 должно быть обеспечено до конца 2020 года, но этот процесс может серьезно скорректироваться из-за обстоятельств, связанных с распространением коронавируса.

Главой 11 «Стратегическое планирование на уровне муниципального образования» Федерального закона №172-ФЗ закреплено, что к документам стратегического планирования муниципального уровня относят документы стратегического планирования, необходимые для обеспечения бюджетного процесса в муниципальных образованиях.

Согласно нормативно-правовым актам Волгограда в этот перечень входят:

- Стратегия социально-экономического развития Волгограда на период до 2030 года (утв. решением Волгоградской городской Думы от 25.01.2017). Стратегия базируется на двух основных положениях: социальная ориентация, полагающая генеральной целью Стратегии повышение качества жизни населения, и устойчивое развитие территории, создание динамично развивающейся, конкурентноспособной и сбалансированной экономики (Стратегия Волгограда 2030);

- План по реализации Стратегии Волгограда 2030 (утв. постановлением администрации Волгограда от 31.10.2017 № 1695);

- Прогноз социально-экономического развития Волгограда на 2020 год и плановый период 2021–2022 год (утв. постановление администрации Волгограда от 01.11.2019 № 1276). Прогноз социально-экономического развития Волгограда на 2020 год является основой для формирования проекта программного бюджета Волгограда на текущий и плановый период;

- Муниципальные программы Волгограда (МП). Следует отметить, что в современных условиях муниципальные программы являются основным инструментом реализации стратегий социально-экономического развития и основой формирования бюджета муниципального образования. Таким образом, они являются одним из основных звеньев в системе документов муниципального стратегического планирования [6, с. 1078].

Учитывая нововведения Бюджетного кодекса РФ (ст. 170.1 «Долгосрочное бюджетное планирование») в период 2018–2019 гг. органами местного самоуправления Волгограда активно обсуждался вопрос о целесообразности и необходимости разработки документа долгосрочного бюджетного планирования – бюджетного прогноза. По своей сути это документ, содержащий прогноз основных характеристик бюджета, показатели финансового обеспечения муниципальных программ на период их действия, а также содержащий основные подходы к формированию бюджетной политики на долгосрочный период. Парадоксально, но органами местного самоуправления было принято совместное решение пока обойтись без него.

Всестороннее исследование внедрения муниципалитетами новелл бюджетного планирования показало, что, к примеру, по состоянию на 2020 год, на основе, в том числе, бюджетного прогноза уже составляются проекты бюджетов следующих муниципальных образований:

- городского округа города Воронеж;
- города Краснодара;
- города Ростова-на-Дону.

В соответствии с Бюджетным кодексом РФ и согласно Положению о стратегическом планировании в Волгограде, в целях совершенствования программно-целевого планирования, на территории города принят нормативно-правовой акт № 921 «Об утверждении Порядка разработки, реализации, мониторинга и контроля муниципальных программ», в котором закреплены все основные алгоритмы, начиная с момента разработки муниципальных программ и их реализации, и заканчивая контролем и оценкой их эффективности.

В рамках данного исследования авторами проведен анализ корреляции показателей всех основных стратегических документов муниципального образования 2019 г. – 2020 г. (включая и муниципальные программы), который показал частичное отсутствие их взаимосвязи.

Так анализ показателей Стратегии Волгограда 2030 показал, что в ней отсутствует ряд целевых индикаторов, которые есть в Указе № 204, а некоторые ниже значений, предусмотренных в федеральном документе (см. рис. 2).

Рис. 2. Интеграция показателей стратегического планирования

По мнению авторов, важно понимать, что целевые показатели Указа № 204 являются опорными элементами и показателями, хотя в системе государственного стратегического планирования для муниципальных образований этого четко не обозначено.

Однако встает вопрос – должны ли показатели муниципальных документов стратегического планирования по целевым установкам развития территории быть идентичными по объемным характеристикам федеральным заданным значениям, нужно ли учитывать существующие диспропорции в развитии разных территорий и наличие объективных факторов, делающих 100 % корреляцию бессмысленной? Ответ может быть только одним – необходимо разделять стратегические цели развития как по срокам, так и по роли к управлению развитием территорией, в данном случае можно говорить о том, что выявленные несоответствия никак не снижают эффективности стратегического планирования в Волгограде, но требуется дополнение действующей стратегии – данными по общеустановленным, нормативным целям, представленным в Указе № 204, и достижимым, максимально достоверным и ресурсообеспеченным для данного муниципального образования.

Существующие различия, например, в показателе продолжительность жизни населения, имеют очень сильную зависимость от места и природно-климатических условий проживания. То, что касается экономических показателей развития (примеры по росту производительности труда, обращению с отходами), представляет другую характеристику выявленного несоответствия и требует приведения муниципальной стратегии в соответствие с государственной политикой и содержанием национальных, федеральным проектом и других нормативных документов.

Дальнейшее погружение в анализ стратегических документов, позволил определить, что прогноз социально-экономического развития Волгограда не в полной мере соответствует ряду федеральных документов, а также Стратегии социально-экономического развития Волгограда на период до 2030 года (рис. 3).

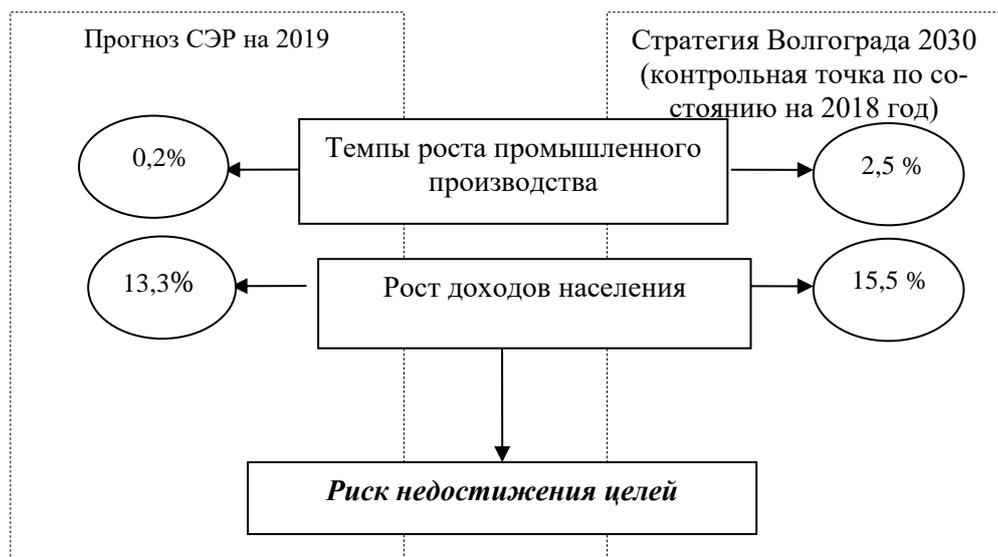

Рис. 3. Сопоставимость показателей основных документов стратегического планирования Волгограда

С одной стороны, возникает противоречие у экспертов, анализирующих эти документы, связанное с поиском ответа на вопрос – в каком из документов представлены наиболее

достоверные, корректные данные, отражающие реальные возможности развития территории и достаточность ресурсного обеспечения, с другой стороны, необходимо понимать, что в алгоритме выстраивания всей системы документов стратегического планирования именно прогноз как документ, содержащий сценарии и варианты развития, влияет на принятие решения по обоснованности целевых показателей стратегического развития территории и их достижимости.

На примере прогноза социально-экономического развития Волгограда на 2020 г. можно также видеть, что он не содержит целевые показатели ряда действующих муниципальных программ Волгограда, реализация которых осуществляется в рамках федеральных и региональных проектов, что снижает не только качество самого стратегического планирования на муниципальном уровне, но и ставит под угрозу обоснование значимости и корректности представленным в муниципальных программах целей и показателей. Например, такие показатели муниципальной программы «Формирование государственной среды» как «количество благоустроенных общественных территорий»; «доля благоустроенных общественных территорий в общей площади общественных территорий»; «количество благоустроенных дворовых территорий МКД») не включены показатели. И таких примеров много и в других муниципальных образованиях.

В соответствии со статьей 11 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» муниципальные программы относятся к документам стратегического планирования и должны быть направлены на достижение основных целей, обозначенных в основных документах стратегического планирования муниципального образования.

Анализ целевых индикаторов действующих в Волгограде муниципальных программ, Прогноза СЭР Волгограда и Стратегии Волгограда 2030 показал, что ряд целевых индикаторов отсутствуют в МП при их наличии в вышеуказанных документах.

Например, целевой индикатор «число участников культурно-досуговых мероприятий, проводимых учреждениями культуры, подведомственными администрациям районов Волгограда» в четырех документах стратегического планирования Волгограда (в том числе в Плане по реализации Стратегии Волгограда 2030, в Прогнозе социально-экономического развития 2019 г., в муниципальной программе «Развитие культуры Волгограда») представлен различными цифровыми показателями. Данный факт не позволяет должным образом оценить, как саму цель, так и степень ее достижения.

По мнению авторов несогласованность ряда показателей стратегических документов, различная их глубина детализации создают серьезные риски экономических и финансовых потерь.

Постановлением администрации Волгограда от 31.10.2017 № 1695 «Об утверждении плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Волгограда до 2030 года» (далее – План) определено, что структурным подразделениям администрации Волгограда при разработке новых и корректировке действующих МП Волгограда необходимо учитывать мероприятия плана реализации стратегии.

Согласно федеральному законодательству МП являются также основой при утверждении бюджета муниципального образования. На практике зачастую приходится сталкиваться с рядом недостатков программно-целевого метода формирования бюджета, одним из которых

является несопоставимость объемов бюджетных ассигнований, предусмотренных в самой МП и проекте бюджета.

Пример подобного несоответствия представлен на рис. 4.

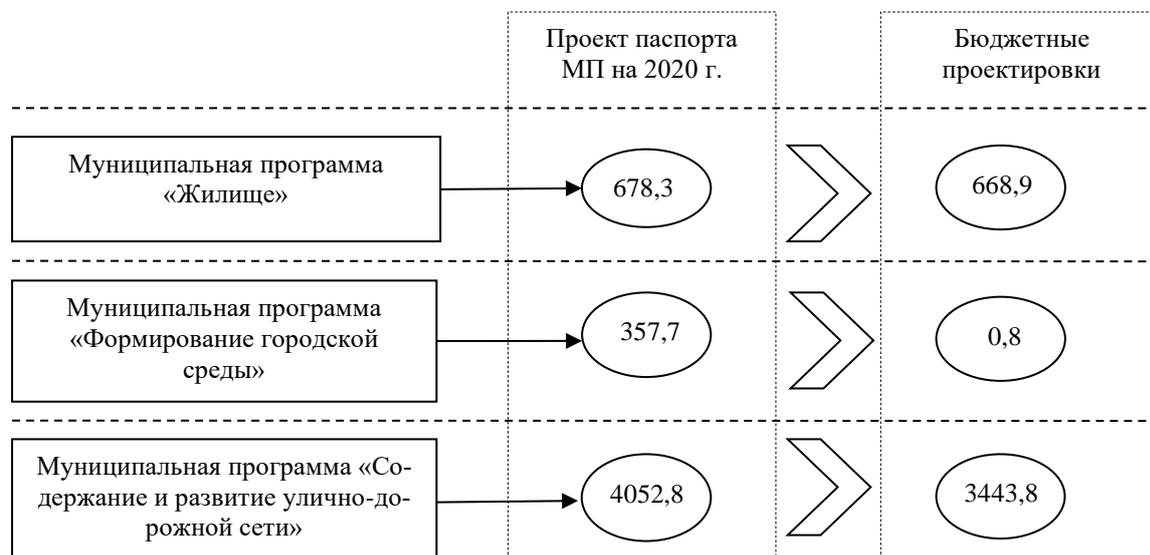

Рис. 4. Примеры несоответствия объема бюджетных ассигнований по муниципальным программам Волгограда, в млн. руб.

Данный факт ставит под сомнение наличие взаимосвязи показателей, объемов финансирования и итогов эффективности программы.

В настоящее время система государственного управления адаптируется к новой реальности, продолжается освоение проектного подхода, начинают работать национальные проекты и государственные программы. Органы власти регионального и муниципального уровней стремятся успеть за федеральными новациями. Те субъекты федерации, те муниципалитеты, которые лучше понимают свои приоритеты, зафиксированные в документах стратегического планирования, имеют больше шансов получить полезные эффекты для своих территорий, участвуя в достижении национальных целей. Встречные процессы «приземления» национальных целей на территорию и участия территорий в достижении национальных целей имеют огромное значение для успешного развития России.

Обращаясь к вопросу учета основных стратегических целей страны, региона в мероприятиях, реализуемых на территории Волгограда, отметим, что по состоянию на 01 января 2020 г. только 4 из 15 муниципальных программ предусматривали мероприятия по реализации национальных проектов для достижения стратегических целей, как региона, так и страны в целом (см. рис. 5).

Рис. 5. Отражение национальных проектов, по которым заключены соглашения о реализации региональных проектов Волгоградской области, в муниципальных программах Волгограда

Вышеизложенное, на наш взгляд, демонстрирует, что существующая на сегодняшний день структура стратегических документов на муниципальном уровне не выполняет полностью всех функций, необходимых для полноценной реализации общих для всей страны и локальных для конкретной территории. Также, что наиболее важно, она малопонятна как для жителей муниципалитетов, так и для самих разработчиков стратегий, и тех муниципальных служащих, которые ответственны за ее реализацию в текущем и среднесрочной перспективах.

Относительно ситуации, сложившейся в целом по России, красноречиво говорит следующая фраза: «существует большое количество различных документов стратегического характера – федеральных стратегий, государственных программ, стратегий и программ развития различных хозяйственных комплексов и отраслей, регионов, областей, муниципальных образований. Но все они разрознены, в основном содержат лишь качественную постановку проблем, зачастую дублируют друг друга, а, следовательно, труднореализуемы и низкоэффективны с точки зрения их вклада в социально-экономическое развитие России. Необходима их координация, взаимоувязывание друг с другом и бюджетным процессом, согласованность их целей с национальными экономическими интересами Российской Федерации» [5, с. 26].

В целях совершенствования системы стратегического планирования муниципальных образований считаем целесообразным рассмотреть возможность разработки ее единой методологии на общегосударственном уровне. По нашему мнению, это позволит более эффективно реализовывать основные принципы стратегического планирования, соотносить и согласовывать

вать основные этапы стратегического планирования между уровнями управления на соответствующей стадии разработки тех или иных документов, а также улучшить процесс координации деятельности по стратегическому планированию в муниципальном образовании, повысить объективность мониторинга и контроля документов стратегического планирования.

Внедрение инновационных информационных, кадровых технологий в систему государственного и муниципального управления в рамках цифровизации также должно быть направлено на максимальную автоматизацию процессов разработки и реализации документов стратегического планирования с целью недопущения выявленных проблем, своевременной актуализации информации и показателей, корреляции их между собой.

Библиографический список

1. Булетова Н. Е. Бюджетный прогноз и его место в системе стратегического управления на региональном и муниципальном уровне // Государственное управление и развитие России: выбор приоритетов. Сборник статей международной конференц-сессии. Том 2. М.: ИД «Научная библиотека», 2017. 903 с.
2. Бухвальд Е. М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования // Журнал российского права. 2019. № 11.
3. Достаточно одного указа // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3670905>_(дата обращения 13.09.2020)
4. Есть ли в России стратегическое планирование? // URL: <http://rusrand.ru/analytics/est-li-v-rossii-strategicheskoe-planirovanie>_(дата обращения 13.09.2020)
5. Ленчук Е. Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2 (256).
6. Мордвинцев А. И., Булетова Н. Е., Атарщикова И. Г. Проблемы реализации муниципальных программ в РФ и перспективы внедрения проектных технологий стратегического управления // Экономический анализ: теория и практика. 2020. № 6.
7. Почему в России отсутствует система стратегического планирования // URL: <https://kuzpress.ru/economy/16-02-2020/73040.html>_(дата обращения 12.09.2020)
8. Харченко К. В. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»: проблемные вопросы и направления совершенствования // Практика муниципального управления. 2015. №10.

ПРАВО

LAW

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY OF STATE AND LAW

УДК 34.03

ББК 67.06

А. Е. Епифанов

К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОБЕЛОВ И КОЛЛИЗИЙ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор. профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС; e-mail: Mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические основы преодоления коллизий и пробелов действующего законодательства в правоприменительном процессе. Автором дается правовая оценка причин и условий появления коллизий и пробелов в праве, а также соответствующих последствий, которые они вызывают в правоприменительном процессе. Кроме того, обобщается профессиональная деятельность законодателя как основного средства преодоления коллизий и пробелов в праве. Детально обобщаются результаты мониторинга правоприменительной деятельности как в центре, так и на местах, на предмет своевременного выявления и устранения пробелов и коллизий в праве.

Ключевые слова: пробелы, коллизии, право, законодательство, правоприменительный процесс, мониторинг.

A. E. Epifanov

TO THE QUESTION OF BRIDGING GAPS AND CONFLICTS OF EXISTING LEGISLATION IN THE LAW ENFORCEMENT PROCESS

Alexander E. Epifanov – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management-branch of the RANEP; e-mail: Mvd_djaty@mail.ru

Abstract. The article analyzes the theoretical basis for overcoming the conflicts and gaps of existing legislation in the law enforcement process. The author gives a legal assessment of the causes and conditions of conflicts and gaps in law, as well as the relevant consequences they cause in the law enforcement process. In addition, the professional activities of the legislator as the main means of overcoming conflicts and gaps in law are summarized. The results of monitoring law enforcement activities both in the centre and on the ground are summarized in detail for the timely identification and resolution of gaps and conflicts in law.

Keywords: gaps, conflicts, law, legislation, law enforcement, monitoring.

Право, нормы закона должны следовать за изменениями, происходящими в обществе, отвечая его современным потребностям, придавая им необходимую форму и способствуя их развитию, либо же, наоборот, устранять те общественные отношения, которые носят общественно вредный характер. При возникновении в системе общественных отношений каких-либо новых элементов, либо каких-то изменений, незамедлительно возникает необходимость перемен и в действующих правовых нормах. Если этого не происходит, неизбежно возникают коллизии или пробелы в праве.

Пробелы в праве неизбежны в правовой жизни любого государства. Пробелы могут возникать по ряду причин. Среди них недостаточное законодательное урегулирование общественных отношений правотворческими органами государства, при котором возникает ситуация отсутствия правовых норм, с помощью которых субъект правоприменительного процесса должен разрешать юридическое дело. Иначе говоря, это полное либо же частичное правовое «молчание» относительно каких-либо фактов общественной жизни. Недостаточно быстрое развитие права, при котором оно начинает отставать от динамически развивающихся общества и общественных отношений также способствует возникновению пробелов в праве, равно как и недостаточная социальная чувствительность правовых норм. Намеренное оставление государственным аппаратом общественных отношений без регулирования также вызывает аналогичные последствия.

Правовая коллизия – это противоречие между юридическими нормами. Следует отметить, что данное явление достаточно многообразно и неоднородно по своему содержанию, что позволяет классифицировать его на виды. При этом, глобальных расхождений по вопросу классификации юридических коллизий в правовой науке нет. Большинство ученых признают возможность следующих оснований для классификации коллидирующих правовых норм:

- 1) по юридической силе, или, иначе – коллизии «по вертикали»;
- 2) по отраслевой принадлежности норм права, или коллизии «по горизонтали»;
- 3) в зависимости от субъективной стороны – коллизии умышленные и неумышленные.

В действующей системе российского права такая отрасль, как «коллизионное право» отсутствует. Тем не менее, данное явление в отечественной правовой науке достаточно популярно. Следует отметить, что коллизионная норма регулирует общественное отношение также, как и норма материального права, зачастую совместно с ней. Таким образом, отношения, которые регулируются коллизионными нормами, следует назвать опосредованным предметом регулирования.

Коллизионные нормы являются одним из способов устранения, преодоления коллизий и пробелов в праве и, на наш взгляд, самым эффективным, хотя и усложняющим и без того не отличающуюся упорядоченностью систему действующих в нашей стране правовых актов.

Исходя из различных точек зрения о возможных причинах появления коллизий, следует заметить, что большинство ученых сходятся в мнении о том, что главной и, пожалуй, основной причиной этого является правотворческая деятельность субъектов, осуществляющих соответствующий процесс. Очевидно, что правовые нормы самостоятельно не возникают. В государственно организованном обществе выработка нормативно-правового материала происходит специально уполномоченными на то органами. При этом законодательные органы издаю основной массив нормативного материала. Исключениями не являются и правовые обычаи, поскольку для того, чтобы в отечественной правовой системе, тяготеющей к романо-германской

правовой семье, мог действовать данный источник права, требуется законодательное закрепление. Только в такой ситуации субъект, осуществляющий правоприменительный процесс, сможет законно применить обычное правило, сделав на него отсылку.

Таким образом следует признать, что причиной возникновения формально-логических противоречий между правовыми нормами и актами может быть только вполне сознательная деятельность субъекта правотворческого процесса. В этой связи вполне логичным путем преодоления коллизий должна стать более продуманная, профессиональная деятельность законодателя, который будет учитывать все необходимые ситуации при принятии нормативного акта, прорабатывая весь необходимый массив правовых документов во избежание противоречий между актами права.

Субъект правоприменительного процесса не обладает полномочиями по устранению существующего конфликта между нормами права, он лишь может, руководствуясь определенными правилами, выработанными практикой и правовой наукой, преодолеть данный конфликт, но только в определенной конкретной ситуации.

Следует согласиться с А. В. Герасимовым, что «в настоящее время довольно актуальным становится вопрос о введении в действие правового мониторинга как особой государственной системы постоянного наблюдения, анализа и воздействия на правовую сферу, на все этапы жизни нормы права – от зарождения идеи, определения предмета регулирования до реализации норм и контроля за эффективностью их применения» [3, с. 52].

Так, в 2018 г. федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов РФ в очередной раз была обеспечена реализация Указа Президента РФ № 657 «О мониторинге правоприменения в РФ» от 20 мая 2011 г. путем обнародования соответствующего доклада. Таковой был проведен в соответствии с планом мониторинга правоприменения в РФ на 2018 г., утвержденным распоряжением Правительства РФ от 16 августа 2017 г. В итоговом докладе нашли свое отражение результаты мониторинга выполнения решений Конституционного Суда РФ; постановлений Европейского Суда по правам человека, а также правоприменения по отраслям законодательства РФ. В последней части были проанализированы профилактика правонарушений, служба в МИД России, Исполнение наказания в виде принудительных работ, туристская деятельность, оплата труда, таможенное дело, закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, территориальное планирование, государственная регистрация недвижимости, антимонопольное законодательство [5]. Вне всякого сомнения, названный документ составляет вполне исчерпывающее впечатление об итогах и состоянии правоприменения в нашей стране. Однако в качестве пожелания хотелось бы заметить, что в интересах своевременного использования в теории и практике содержащихся в подобных докладах положений, было бы желательно более оперативное их обнародование. Аналогичная отчетность Общественной палаты РФ, к примеру, становится достоянием общественности гораздо быстрее.

В настоящее время действует план мониторинга правоприменения в РФ на 2020 г., утвержденный 31 августа 2019 г. распоряжением Правительства РФ № 1951-р [8]. Основными объектами мониторинга правоприменения в нем предусмотрены организация проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах; использование, охрана, защита и воспроизводство лесов; профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; противодействие антиконкурентным соглашениям; таможенное регулирование. Инициаторами соответствующих мероприятий выступили Правительства Ставропольского и

Хабаровского краев, Республики Крым, Курской обл.; Администрация Тверской обл.; Генеральная прокуратура РФ; Санкт-Петербургский госуниверситет и ФТС России.

Мониторинг правоприменения практикуется и в Волгоградской обл.

Стоящий перед ним обширный перечень задач подразумевает широкое освещение соответствующей деятельности в средствах массовой информации, Интернете, а также на официальных сайтах, в том числе органов местного самоуправления. К сожалению, данное положение соблюдается недостаточно. На практике не всегда можно найти достаточную информацию мониторинге правоприменения в нашем регионе.

На официальном портале Губернатора и Администрации Волгоградской области периодически появляется информация о планах регионального мониторинга правоприменения, доклады о его результатах и иная информация по этому поводу [7]. Однако, к сожалению, она является крайне скудной и носит отрывочный характер, что не позволяет в достаточной мере оценить ситуацию в данной сфере.

Между тем, Порядок проведения мониторинга правоприменения в Волгоградской обл. был утвержден постановлением № 1223 Главы ее Администрации 9 ноября 2011 г. 20 ноября 2012 г. своим постановлением № 1136 свои коррективы внес в него Губернатор Волгоградской обл. [11]. Согласно названному порядку, в целях формирования плана мониторинга правоприменения в РФ на следующий календарный год органы исполнительной власти Волгоградской области в пределах своей компетенции ежегодно, не позднее 1 марта, обязаны представлять, в том числе в электронном виде, в государственно-правовое управление аппарата Губернатора и Правительства Волгоградской области предложения к проекту указанного плана. При подготовке указанных предложений органы исполнительной власти Волгоградской обл. учитывают практику применения законодательных и иных правовых актов РФ, а также предложения органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и средств массовой информации о принятии (издании), изменении или признании утратившими силу (отмене) названных правовых актов, поступившие в соответствующий орган исполнительной власти Волгоградской обл. На основании предложений, поступивших от органов исполнительной власти Волгоградской обл., государственно-правовое управление ежегодно, не позднее 25 мая, обязано представить Губернатору Волгоградской обл. обобщенные предложения к проекту плана мониторинга правоприменения в РФ для их подписания и направления в Министерство юстиции РФ.

Ответственные за проведение мониторинга органы исполнительной власти Волгоградской обл. осуществляют его в установленные распоряжением Губернатора Волгоградской обл. сроки и согласно утвержденной постановлением Правительства РФ методике.

По итогам проведения мониторинга органы исполнительной власти Волгоградской обл. не позднее 1 марта представляют, в том числе в электронном виде, в государственно-правовое управление доклады о результатах осуществленного в предыдущем году согласно названному плану мониторинга. На основании докладов, поступивших от органов исполнительной власти Волгоградской обл., государственно-правовое управление обязано не позднее 25 мая представить Губернатору области сводный доклад о результатах названного мониторинга для его подписания и направления в Министерство юстиции РФ.

Последний из преданных гласности планов мониторинга правоприменения в Волгоградской обл. (на 2016 г.), был утвержден и.о. областного губернатора 13 ноября 2015 г. [10]. В этом же году был обнаружен последний доступный для изучения доклад о результатах мониторинга правоприменения в Волгоградской обл. [4]. Из него следует, что за отчетный

период в рассмотренном порядке был выдвинут ряд предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства, устранение присутствующих в нем коллизий и пробелов. Наиболее масштабными были те из них, которые касались местного самоуправления. Так, в ходе мониторинга было установлено, что Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [13] требования к кандидатам на должность главы муниципального образования, избираемого представительным органом из своего состава либо из числа представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, не установлены. В этой связи было предложено внести устанавливающие необходимые требования изменения в ст. 36 названного Федерального закона.

Кроме того, было установлено, что в соответствии с ч. 5 ст. 52 Федерального закона № 131-ФЗ квалификационные требования, предъявляемые к руководителю финансового органа муниципального образования, утверждаются уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти. Однако названные квалификационные требования уже утверждены постановлением Правительства РФ от 6 ноября 2004 г. № 608 [9].

Для устранения выявленного нарушения было предложено признать последнее утратившим силу. При этом был поставлен вопрос об издании правовых актов Правительства РФ и уполномоченного федерального органа исполнительной власти об определении федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на утверждение квалификационных требований, предъявляемых к руководителю финансового органа муниципального образования.

В рассматриваемом докладе обращалось внимание на отсутствие в действующем законодательстве единого подхода при указании на необходимость официального опубликования и обнародования муниципальных нормативных правовых актов и иной официальной информации о деятельности органов местного самоуправления. Использовались формулировки «официальное опубликование», «опубликование (обнародование)», «официальное опубликование (обнародование)», «опубликование и обнародование». В этой связи было предложено внести в Федеральный закон № 131-ФЗ изменения с целью приведения его положений к единой терминологии. Кроме того, было внесено предложение об уточнении самого понятия «органы местного самоуправления».

О наличии более актуальных руководящих документов и отчетности по мониторингу правоприменения на территории Волгоградской обл. (по крайней мере в пределах досягаемости для исследования), к сожалению, можно судить лишь по косвенным признакам. Некоторые ведомственные документы содержат сведения о планах аналогичных мониторингов и отчетности по их проведению в Волгоградской обл. последних лет. Это, хотя и фрагментарно, позволяет все таки судить о состоянии правоприменения на территории региона, а также формах и методах проведения самого мониторинга.

Например, в распоряжении автора оказался доклад «О результатах мониторинга правоприменительной практики по отрасли законодательства - территориальное планирование (в части действия Градостроительного Кодекса Российской Федерации, федеральных законов от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации», от 9 октября 2003 г.; № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации от 31 октября 2016 г. № 1106 «О подготовке государственными органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора) за деятельностью

органов государственной власти субъектов Российской Федерации, проектов ежегодных планов проведения проверок органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также о согласовании внеплановых проверок органов государственной власти субъектов Российской Федерации», иных нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти) [6].

Насколько можно судить из названного доклада, мониторинг правоприменения региональным Комитетом архитектуры и градостроительства был проведен в соответствии с планом мониторинга правоприменения в Волгоградской обл. на 2018 г., утвержденным распоряжением Губернатора Волгоградской обл. от 8 августа 2018 г. № 124-р.

В рамках проведения мониторинга правоприменения, в 2018 г. была проведена работа по сбору и анализу информации в пределах действия нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в такой отрасли законодательства, как «территориальное планирование». Названным комитетом в 2018 г. на его официальном портале была размещена информация о проведении мониторинга правоприменительной практики и приеме предложений о правоприменении федеральных законов заинтересованными физическими и юридическими лицами. При этом были направлены запросы в Волгоградскую Торгово-промышленную палату, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС и Волгоградский государственный технический университет по вопросам наличия информации по реализации положений указанных нормативных правовых актов.

Кроме того, в целях проведения качественного мониторинга правоприменения по отрасли права «Территориальное планирование», для учета мнения органов местного самоуправления по данному вопросу, комитетом направлялся запрос о предоставлении указанной информации в органы местного самоуправления Волгоградской обл.

Предложений по включению в доклад о проведении мониторинга правоприменения в комитет по результатам указанных запросов не поступило, что свидетельствует как о низкой активности респондентов, так и об отсутствии какой-либо мотивации на этот счет.

В результате осуществления мониторинга правоприменения комитетом было установлено, что согласно п. 8 ч. 1 ст. 8, ч. 5 ст. 26 Градостроительного кодекса Российской Федерации (ГрК РФ) утверждение программ комплексного развития социальной инфраструктуры относится к полномочиям поселений. Положением ч. 4 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», реализация полномочий по решению вопросов местного значения, указанных в п. 20 ст. 14 данного закона, является полномочием муниципального района.

В соответствии с п. 4 Требований к программам комплексного развития социальной инфраструктуры поселений, городских округов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1050, органы местного самоуправления сельских поселений могут разрабатывать и утверждать указанные программы, в случае если за ними закреплены законами субъекта РФ соответствующие вопросы местного значения. Органы местного самоуправления муниципальных районов могут разрабатывать и утверждать указанные программы, в случае если ими был утвержден генеральный план поселения. Однако постановлением Правительства не учитываются случаи, когда генеральные планы были утверждены сельскими поселениями в рамках переданных вопросов местного значения законом субъекта РФ,

при этом в последующем указанные вопросы перешли в ведение органов местного самоуправления муниципального района.

Таким образом, в результате мониторинга было установлено, что ситуация, когда генеральные планы сельских поселений были утверждены решениями органов местного самоуправления сельских поселений в соответствии с вопросами, закрепленными законом субъекта РФ, при этом программы комплексного развития социальной инфраструктуры не разработаны и в последующем полномочия перешли в соответствии с федеральным законом органам местного самоуправления муниципальных районов, законодательно не урегулирована.

Принимая во внимания названные обстоятельства и учитывая положения постановления Правительства, на предмет устранения выявленной коллизии в законодательстве, комитет выступил с предложением урегулировать данный вопрос путем внесения соответствующих изменений в указанные нормативные правовые акты.

Также, в результате осуществления мониторинга правоприменения комитетом было установлено, что вплоть до настоящего времени законодательно не урегулированы полномочия главного архитектора муниципального образования. Данный факт негативно сказывался на качестве подготовки градостроительной и проектной документации. Как оказалось, данная проблема напрямую зависит от уровня профессионализма специалистов в области архитектуры органов местного самоуправления. Потребности современного общества к развитию территорий населенных пунктов, созданию комфортной городской среды и благоустройству продолжают расти. При этом на архитекторов органов местного самоуправления возложены не свойственные им функции по решению земельных, имущественных, коммунальных и прочих вопросов.

Проанализировав в ходе мониторинга ситуацию, комитет пришел к выводу, что для качественного решения вопросов на местах, необходимо на законодательном уровне четко сформулировать полномочия в области архитектуры органов местного самоуправления. Поэтому, в целях повышения качества работы архитекторов органов местного самоуправления, комитет предложил внести соответствующие изменения в ГрК РФ в части установления четких полномочий главного архитектора муниципального образования, а также запрет на возложение на него каких-либо иных функций.

Необходимо отметить, что мероприятия, проводимые в рамках рассматриваемых мониторингов правоприменения, позволяют оперативно реагировать на изменения, наступающие в действующем законодательстве и своевременно принимать меры по обновлению и упорядочению отраслевых и ведомственных нормативных актов. Так, в период проведения рассматриваемого мониторинга правоприменения в ГрК РФ были внесены существенные изменения. С их учетом, в целях приведения в соответствие с федеральным законодательством, в 2018 г. был принят ряд нормативных правовых актов Волгоградской обл. и нормативных правовых актов самого рассматриваемого комитета, в том числе Закон Волгоградской области от 7 июня 2018 г. № 72-ОД «О градостроительной деятельности на территории Волгоградской области» и др.

Особое внимание при проведении рассматриваемого мониторинга было уделено вопросам выявления в нормативных актах коррупциогенных факторов. Также не были оставлены без внимания любые иные противоречия, неполнота в правовом регулировании, коллизии норм, а так же проявления отсутствия единой понятийно-терминологической системы. В свою очередь, это позволяет судить о стремлении придать мониторингу правоприменения всеобъемлющий характер.

Характерно, что несмотря на достигнутые результаты, названный комитет проявил инициативу продолжить проведение мониторинга правоприменения в Волгоградской обл. в указанной отрасли права и в следующем году. В этой связи им были выдвинуты соответствующие предложения по включению в план областного мониторинга правоприменения на 2019 г. Таким образом, следует квалифицировать проводимую работу по мониторингу правоприменения как дрящуюся, системную и не имеющую исчерпывающего характера.

В случаях возникновения ситуации коллидирования, столкновения норм субъект, осуществляющий правоприменительный процесс имеет несколько вариантов своих действий. При этом коллизии устраняются (восполняются) нормотворческими органами или преодолеваются. Для преодоления коллизий применяются следующие правила:

- «темпоральное правило», согласно которому последующая норма по тому же вопросу отменяет действие предыдущей;
- пространственные правила (так называемые «привязки»), которые «привязывают» норму права к ситуации, происходящей на определенной территории, или в определенное время и т.д., как, например, «место совершения сделки», «место регистрации судна» и др.;
- норма более высшей юридической силы имеет преимущество над нормой меньшей юридической силы;
- специальное (исключительное) правило имеет преимущество перед общим.

При осуществлении правоприменительного процесса чаще всего возникает ситуация, когда друг другу противоречат общая и специальная нормы. Данная коллизия по мнению Ф. Р. Ярмухамедова представляет собой «особое конфликтное отношение действующих одновременно и на одной территории предписаний равной юридической силы, возникающее в результате частичного совпадения объемов регулирования и обусловленное спецификой регламентирования общественных отношений» [14, с. 189]. Для устранения подобных коллизий в юридическом процессе, правоприменительном в том числе, юридической практикой выработано особое правило. По латыни его принято обозначать формулой «*lex speciali legi generali*». То есть специальный закон отменяет действие общего. Данное правило оптимально подходит для разрешения в правоприменительном процессе содержательных споров в рамках одного нормативного акта, а также практически безотказно действует при конфликтном состоянии однопорядковых отраслевых норм.

Представляется необходимым согласиться с мнением Э. В. Сухова о том, что «для преодоления коллизий должен быть выработан полноценный государственный механизм, включающий в себя: завершение оформления законодательной базы по наиболее важным конституционно-правовым институтам РФ и ее субъектов, в том числе и по вопросам рамок возможного нормотворчества органов государственной власти субъектов РФ; улучшение качества подготовки нормативно-правовых актов участниками нормотворческого процесса путем повышения их юридической квалификации и совершенствования нормотворческих технологий; введение в юридическую практику элементов модельного нормативно-правового регулирования по вопросам совместного ведения РФ и ее субъектов, а также отдельным вопросам местного значения» [12, с. 79].

Что касается пробела в праве, то по мнению Н. Н. Вопленко он означает «отсутствие правовых норм, с помощью которых должно быть осуществлено урегулирование общественных отношений» [2, с. 440].

Пробелы в праве априори не являются отрицательным явлением правовой жизни. Например, в англосаксонской системе права пробелы легко преодолеваются судебной практикой, где судебный прецедент является основным источником права. Однако, для неохотно воспринимавшей изменения романо-германской правовой семьи пробелы представляют собой признание несовершенства права, т.к. в данной правовой системе норма права, являясь основным его источником, регулятором общественных отношений есть показатель ее развитости и совершенства. Для субъекта правоприменительного процесса континентального права, напротив, пробел в праве является большим препятствием на пути разрешения юридического дела, ибо в своей деятельности он вынужден опираться только на норму права, т.к. его деятельность должна отвечать принципу законности.

Появлению пробелов в отечественном законодательстве способствует правоприменительная деятельность Конституционного суда Российской Федерации. В соответствии с действующим законодательством, последний обладает исключительными полномочиями, способными влиять на процесс регламентации общественных отношений. Так, согласно действующему законодательству, Конституционный суд РФ может признать неконституционными, а, следовательно, не подлежащими применению нормативно-правовой акт или его часть (отдельную норму). Из такого решения Конституционного суда вытекает и прямо прописывается обязанность соответствующих органов государственной власти внести соответствующие коррективы в правовой материал. Однако, на практике осуществляющий правоприменительный процесс субъект зачастую оказывается в ситуации, при которой нормативный акт полностью или частично противоречит Конституции РФ. При этом нередко новая норма права, необходимая для использования в соответствующих правоотношениях отсутствует, поскольку у Конституционного суда РФ правотворческих полномочий нет.

В отечественной теории и практике существуют несколько способов преодоления пробелов в праве. Основным способом восполнения пробелов в законодательстве, а также полного устранения данной проблемы является правотворчество. Преодолеть пробел осуществляющие правоприменительный процесс субъекты имеют возможность только путем применения аналогии. Таким образом, преодоление пробела можно признать нетипичным ходом правоприменительного процесса, в ходе которого обнаруженный пробел не восполняется из-за отсутствия на это полномочий у правоприменителя, а временно, для данного конкретного случая, преодолевается.

Характерно, что при всех тех трудностях, которые возникают в ходе правоприменительного процесса при наличии коллизий, противоречия в нормативных актах включают не только отрицательные начала, вызывающие дестабилизацию в обществе. Вместе с тем, коллизии служат основной движущей силой развития общества, правовой системы государства. В этом заключается положительная сторона действия правовых коллизий.

Что касается правоприменительного процесса, то коллизии снижают его эффективность из-за противоречий в нормативных актах, которые приводят к дезориентации его субъектов, нарушению принципа законности, возникновению юридических конфликтов.

Еще одним препятствием для нормального хода правоприменительного процесса, помимо коллизий, являются пробелы в праве, при которых юридические нормы в отношении фактических обстоятельств, находящихся в сфере правового регулирования, отсутствуют полностью или частично. Пробелы в праве возникают по разным причинам. Неоднозначность изложения государственной воли и ее оформления; неточность юридических понятий; неполное

или недостаточное использование юридической техники; противоречия в действующем законодательстве; возникновение новых, неурегулированных законодательством общественных отношений, - в их числе. В таких случаях деятельность субъекта, осуществляющего правоприменительный процесс, должна быть направлена на преодоление указанных ситуаций с помощью аналогии права или аналогии закона, а не на устранение пробелов в законодательном массиве – это задача лиц, осуществляющих процесс правотворческий [1, с. 128–129].

Библиографический список

1. Братановский С. Н., Джамбалаев Я. Р., Епифанов А. Е. Теория государства и права. Курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: «Юнити-Дана»: Закон и право, 2015. 215 с.
2. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 440 с.
3. Герасимов А. В. Мониторинг правоприменения: поиск понятийного (терминологического) единства // Государство и право. 2014. № 4.
4. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Волгоградской обл. за 2016 г. URL: <http://www.volgograd.ru/info/monitoring.php> (дата обращения 15.11.2020).
5. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2018 год. URL: <file:///C:/Users/Desktop/пп%20процесс/tsVAHRADDvT2TTAHIE7obMWpMq5nN9fi.pdf> (дата обращения 20.11.2020).
6. Из коллекции документов и материалов Администрации Волгоградской области. URL: <https://culture.volgograd.ru/about/organizations/list/1107/> (дата обращения 15.11.2020).
7. Официальный портал Губернатора и Администрации Волгоградской области. URL: <http://www.volganet.ru/info/monitoring.php> (ата обращения 18.11.2020).
8. План мониторинга правоприменения в РФ на 2020 г., утвержденный 31 августа 2019 г. распоряжением Правительства РФ № 1951-р__URL: <http://to34.minjust.gov.ru/sites/default/files/tajxg8x0jmirmxhj2uxxkwydphqay0m.pdf> (дата обращения 20.11.2020).
9. Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2004 г. № 608. URL: <https://base.garant.ru/187504/> (дата обращения 15.11.2020).
10. Распоряжение губернатора Волгоградской обл. № 360-р от 13 ноября 2015 г. URL: <http://www.volgograd.ru/info/docs/Распоряжение%20№%20360-р%20от%2013.11.2015.pdf> (дата обращения 15.11.2020).
11. Распоряжение губернатора Волгоградской обл. от 20 ноября 2012 г. № 1136. URL: <http://www.volgograd.ru/info/monitoring.php> (дата обращения 12.08.2020).
12. Сухов Э. В. Правовые коллизии и способы их разрешения. Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 148 с.
13. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». URL: <https://base.garant.ru/186367/> (дата обращения 15.11.2020).
14. Ярмухамедов Р. Ф. Коллизии правоприменительной деятельности (теоретико-исторический аспект) // Актуальные проблемы теории государства и права: хрестоматия. М.: Юрлитинформ, 2012. 368 с.

ЧАСТНОЕ ПРАВО

PRIVATE LAW

УДК 347.7

ББК 64.404.3

Т. В. Дерюгина, А. Е. Пономарченко

БЛОКЧЕЙН, СМАРТ-КОНТРАКТЫ И УПРАВЛЕНИЕ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫМИ ПРАВАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дерюгина Татьяна Викторовна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ – филиала РАНХиГС; e-mail: sofija96@mail.ru

Пономарченко Анастасия Евгеньевна – ассистент кафедры финансового и предпринимательского права ВИУ – филиала РАНХиГС; e-mail: ponomarchenko.anasatsiya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается механизм действия революционной децентрализованной, автономной системы обмена цифровыми ценностями под названием блокчейн (blockchain), которая появилась совсем недавно, однако уже набирает популярность и обладает большим потенциалом. Блокчейн появился благодаря успешному развитию криптовалюты биткойн. Принципиальное новшество блокчейна состоит в его архитектуре, которая обеспечивает возможность децентрализованных транзакций, не требующих доверия. Основная сфера блокчейн – экономика, в частности, криптовалюта, однако в данной статье также рассмотрены возможности использования механизма блокчейн в сфере интеллектуальной собственности. С появлением технологии блокчейн оптимизация процессов совершения деловых сделок стала возможной и привела к появлению такого понятия как смарт-контракт. В данной статье рассматриваются понятие данного контракта, его технология и основные элементы, анализируются возможности применения в сфере интеллектуальной собственности. Помимо этого, настоящая статья посвящена возможностям, которые предоставляются в результате использования механизма блокчейн и смарт-контрактов. В частности, будут исследованы возможные алгоритмы использования и защиты незарегистрированных прав на интеллектуальную собственность, в большей степени особенности защиты авторских прав на произведения науки, литературы или искусства. В статье будут рассмотрены понятия блокчейна, что он из себя представляет, какие процессы вбирает. Будут рассмотрены преимущества как блокчейна так и смарт-контрактов, которые направлены на упрощение процессов регистрации авторских прав на созданные результаты интеллектуальной собственности. Также будет изучена роль блокчейна и смарт-контрактов в качестве хранилищ информации об интеллектуальной собственности, для признания которой не требуется формальный процесс регистрации.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракты, интеллектуальная собственность, авторские права, правообладатель, биткойн, незарегистрированные права, нарушенные права, защита прав, пользователи, код.

T. V. Deryugina, A. E. Ponomarchenko

BLOCKCHAIN, SMART CONTRACTS AND MANAGEMENT OF UNREGISTERED INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Tatiana V. Deryugina – doctor of Law, professor of the Department of Civil Law Disciplines of the VIU – branch of the RANEPА; e-mail: sofija96@mail.ru

Anastasia E. Ponomarchenko – Assistant of the Department of Financial and Business Law of the VIU – branch of the RANEPА; e-mail: ponomarchenko.anasatsiya@mail.ru

Abstract. The article examines the mechanism of action of a revolutionary decentralized, autonomous system for the exchange of digital values under the name of the blockchain, which appeared quite recently, but already is gaining popularity and has great potential. The blockchain emerged from the successful development of the bitcoin cryptocurrency. The fundamental innovation of the blockchain is its architecture, which allows decentralized transactions that do not require trust. The main sphere of blockchain is economics cryptocurrency, however, this article also discusses the possibilities of using the blockchain mechanism in the field of intellectual property. With the advent of blockchain technology, the optimization of business transaction processes became possible and led to the emergence of such a thing as a smart contract. This article discusses the concept of this contract, its technology, and main elements, analyzes the possibility of application in the field of intellectual property. In addition, this article is devoted to the opportunities that are provided because of using the blockchain mechanism and smart contracts. Possible algorithms for the use and protection of unregistered intellectual property rights will be investigated, especially the peculiarities of copyright for works of science, literature, or art. The article will consider the concepts of blockchain, what it is, what processes it takes. The advantages of both blockchain and smart contracts will be considered, which are aimed at simplifying the processes of registering copyright for the created results of intellectual property. It will also explore the role of blockchain and smart contracts as repositories of intellectual property information that does not require a formal registration process to be recognized.

Keywords: blockchain, smart contracts, intellectual property, copyright, copyright holder, bitcoin, unregistered rights, violated rights, protection of rights, users, code.

Способы, которыми законы и технологии влияют друг на друга, в последние десятилетия множатся, с растущей взаимозависимостью, которая теперь становится все более распространенной в нашем обществе. Мы наблюдаем постоянно развивающиеся отношения, которые сначала начались с процесса оцифровки информации, затем продолжились частичной автоматизацией процесса принятия решений законодателями, судьями и юристами, а теперь переходим непосредственно к включению правовых норм в кодекс и к широкому распространению программного обеспечения и электронных платформ для выполнения договорных соглашений.

Однако все существенные изменения, свидетелями которых мы до сих пор являлись, всегда вовлекали своего рода посредников, от банков до издателей, платформ электронной коммерции и других технологических гигантов. С годами эти участники набирали все больше и больше власти и навязывали свои бизнес-модели отрасли, благодаря своей способности хранить и извлекать данные и информацию. Все это изменится благодаря развитию блокчейна,

децентрализованной распределенной экосистемы, которая обещает иметь далеко идущие социальные, экономические и юридические последствия.

Цель настоящей статьи – проанализировать некоторые юридические и технические аспекты приложений блокчейна, особенно в их отношениях с вопросами интеллектуальной собственности. В частности, содержание статьи будет сосредоточено на преимуществах и недостатках управления незарегистрированными правами интеллектуальной собственности на основе блокчейна.

После краткого введения о том, что такое блокчейн и как работают смарт-контракты, нами будут рассмотрены три полезных варианта решения основных проблем авторского права в цифровой среде. Однако, как будет далее объяснено, каждое из этих решений имеет свои недостатки, особенно в почти полном отсутствии законодательной базы вокруг этой новой технологии.

Технология блокчейн впервые появилась как архитектура, лежащая в основе протокола Биткойн. Блокчейн представляет собой систему, «основанную на криптографическом доказательстве, а не на доверии, позволяющую любым двум желающим сторонам совершать сделки напрямую друг с другом без необходимости участия третьей стороны» [4, с. 28–29].

Блокчейн – это, по сути, сеть одноранговых «узлов», которые собирают новые транзакции и конвертируют (или «добывают») их в «блоки», которые добавляются в «цепочку», только если транзакция подтверждена сетью. «Процесс добычи» влечет за собой вычисление «хэш-значения» (результат математического уравнения, связанного с одной группой данных) каждого блока, которое затем включается в следующий блок в качестве доказательства транзакции. Таким образом, любая модификация предыдущего блока поставит под угрозу всю цепочку.

Благодаря тому, что блокчейн создает безопасную, неизменяемую и временную запись транзакций, он также является весьма многообещающим в области финансовых технологий и криптовалют, поскольку считается движущей силой перехода от «Интернет информации» в «Интернет ценностей» [1, с. 61]. Однако существует множество приложений, которые стали привлекательными и для сектора интеллектуальной собственности.

Разрушительное воздействие блокчейна на сектор интеллектуальной собственности не ограничивается использованием неизменяемых распределенных реестров. Фактически, еще один шаг вперед в развитии отношений между законом и технологиями обеспечивается внедрением смарт-контрактов. Указанные контракты позволяют автоматически и децентрализованно выполнять соглашения.

Смарт-контракты – концепция, которая была предложена в 1994 году с намерением выполнять договорные обязательства с использованием компьютерных кодов. Такого рода контракты появились после внедрения технологии блокчейн в 2008 году. Важно понимать, что смарт-контракты состоят из простых компонентов, когда при выполнении заранее определенного условия компьютерный код запускает выполнение обязательства. Стандартизированные процедуры можно сделать намного быстрее и эффективнее, исключив посредников. Более сложные части контракта, такие как субъективные условия, не могут быть обработаны смарт-контрактом.

Смарт-контракт – это код, работающий поверх блокчейна и передающий набор правил, в соответствии с которыми стороны этого смарт-контракта соглашаются взаимодействовать

друг с другом. Смарт-контракт является алгоритмом, предназначенным для автоматизации процесса исполнения контрактов. Если говорить простым языком, это набор правил и последовательность действий для исполнения [3, с. 54]. Смарт-контракт состоит из небольших фрагментов кода, которые должны быть развернуты непосредственно в «цепочке» блоков и выполняться децентрализованно каждым узлом в сети. Применительно к юридическим соглашениям смарт-контракт облегчает, проверяет и обеспечивает выполнение переговоров и выполнение транзакций. В результате, благодаря защищенной от взлома технологии блокчейна с отметкой времени, смарт-контракты создают нетрадиционные средства принудительного исполнения.

Интеллектуальная собственность и управление ею состоит из множества транзакций стандартной формы, о которых можно позаботиться с помощью смарт-контрактов и базовой технологии блокчейн, исходя из характера интеллектуальной собственности. Одним из способов, которым технология блокчейн стремится добиться успехов в сфере прав интеллектуальной собственности, является поддержание регистров IP и контроль за выдачей лицензий.

Блокчейн и смарт-контракты могут выступать в роли хранилищ информации об интеллектуальной собственности, для признания которой не требуется формальный процесс регистрации, особенно авторских прав. Наглядно такой подход можно увидеть в Индийском законодательстве, согласно которому авторское право возникает сразу после создания произведения, а не после его регистрации. Данное обстоятельство ставит перед властями невероятно сложную и обременительную задачу по выяснению того, когда указанная работа возникла, и всегда существует неуверенность в отношении доказательства их существования в определенное время. Наличие блокчейна позволяет хранить все данные, касаемые интеллектуальной собственности, в частности данные о создателе, характер и время создания произведения. Таким образом использование системы блокчейна в сфере интеллектуальной собственности позволит избежать множество споров еще на начальной стадии. Кроме того, реестр со всей информацией об участниках цепочки, например от создателей (авторов) результатов интеллектуальной собственности до всех лицензиатов, позволит каждому участнику данной цепочки знать подлинность продукта и, следовательно, защитить свои права в сфере интеллектуальной собственности.

Учитывая, что смарт-контракты могут работать со стандартизованными условиями, рассматриваемые контракты и механизм блокчейна могут стать идеальными инструментами для обработки таких процессов, как предоставление лицензий, авторизация доступа или любое подобное соглашение с определенными условиями. Простым примером может быть, когда научная статья, обучающее видео или другой контент в сети Интернет, могут быть доступны для восприятия других лиц только после внесения определенного платежа. Весь этот механизм как раз-таки может быть перенесен на блокчейн, чтобы авторизовать платеж и просмотр интересующего контента, что делает весь процесс намного быстрее. В данном случае, особенностью смарт-контрактов является то, что они по своей природе являются самовыполняемыми: обязательства запускаются автоматически, как только необходимое условие выполнено. Эту функцию можно использовать в лицензионном соглашении, которое может гарантировать, что все необходимые роялти выплачиваются в соответствии с соглашением и на основе расчетов, которые должны быть указаны в коде контракта. В проектах, где разрабатывается новая технология, смарт-контракты могут использоваться для автоматического высвобождения средств при достижении определенной цели.

Но все эти приложения имеют свои ограничения, поскольку смарт-контракты должны ограничиваться стандартизованными процессами и не могут распространяться на те аспекты, где может потребоваться интерпретация или оценка условий. Условия и основные этапы, о которых говорилось в предыдущем абзаце, должны быть очень объективными по своему характеру, чтобы механизм работал.

В мировом сообществе уже есть примеры активного использования механизма блокчейн и смарт-контрактов. В частности, Эстонией используется платформа под названием «BITNATION», цель данной платформы заключается в том, чтобы создать новый мир, в котором каждый сможет выбрать себе нацию, несколько наций, не выбирать вообще никакой или даже создать собственную нацию на платформе «Bitnation». Такие страны, как Швейцария и Германия, активно инвестируют в коммерческие регистры на основе блокчейнов, в то время как Канада вложила значительные средства в системы управления идентификацией на основе блокчейнов. Смарт-контракты могут найти применение в управлении правом интеллектуальной собственности, но эта область еще не исследована из-за ненадежного правового положения криптовалют и смарт-контрактов в законодательных актах почти всех стран.

Было бы упущением сказать, что смарт-контракты обеспечат решение всех проблем сразу. Они все еще находятся на начальной стадии и в ближайшие годы претерпят значительные изменения. В то же время с оцифровкой всех процессов можно с уверенностью сказать, что смарт-контракты станут важным бизнес-инструментом и, следовательно, важно, чтобы смарт-контракты рассматривались со всей серьезностью, поскольку они могут стать частью нашей жизни в ближайшем будущем.

На сегодняшний день очень значимым является реализация технологии, которая включает в себя применение блокчейна для создания реестров, защищенных IP. В частности, что касается защиты незарегистрированных прав интеллектуальной собственности, то внедрение технологии блокчейн позволит для правообладателей создавать запись с отметкой времени создания произведения интеллектуальной собственности, тем самым правообладатель имеет доказательства авторства и аутентификации происхождения интеллектуальной собственности, а также отслеживать распространение произведений, защищенных авторским правом.

Согласно п. 4 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) (Далее – ГК РФ), для возникновения, осуществления или защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей [2]. Следовательно, блокчейн может служить полезным механизмом координации прав между пользователями и правообладателем, что в свою очередь позволяет правообладателю осуществлять защиту своих нарушенных прав. Более того блокчейн позволит осуществлять контроль за порядком использования произведений, ограничить возможное копирование, распространение и несанкционированное использование цифровых копий такого произведения.

Примером такого использования является Kodak One, новая платформа управления и защиты прав на изображения, защищенная на основе блокчейна. Данная платформа обеспечивает доказательство владения и упрощает контроль и доступ к информации об изображениях без обращения к центральному дистрибьютору или органу власти. Одной из основных особенностей платформы является то, что она отслеживает нарушения в Интернете и, в качестве решения, предлагает нарушителям возможность узаконить использование изображений путем предоставления оплаты первоначальному правообладателю.

Даже если применение блокчейна для регистрации авторских прав не так широко распространено в настоящее время, внедрение реестров блокчейна в долгосрочной перспективе на наш взгляд будет достаточно успешным.

Помимо преимуществ в виде отслеживания авторских прав и управления ими, блокчейн также может стать центральным средством защиты цифровых активов и предоставить правообладателю возможность использовать гражданские и уголовные средства правовой защиты.

Возможная выгода, которую блокчейн может дать для защиты авторских прав, заключается в присутствии у него хэш-функции, которая создает цифровой «отпечаток» каждой работы. Два хэш-дайджеста могут быть одинаковыми тогда и только тогда, когда исходные данные совпадают. Учитывая, что однажды «добытая» в блок и записанная в цепочку, хэш-функция не может быть изменена без изменения всех последующих блоков, в результате получается неизменяемая запись, с которой судьи и юристы могут столкнуться, чтобы проверить и доказать нарушение авторских прав.

В июне 2018 года суд Ханчжоу в Китае, специализирующийся на делах, связанных с Интернетом, постановил, что данные, загруженные в блокчейн, могут использоваться в качестве доказательств во время судебных разбирательств. Чтобы оценить надежность электронных доказательств, хранящихся в бухгалтерской книге, Суд углубился в проверку целостности загружаемых электронных доказательств в блокчейне, заключив, что: электронные данные, сохраненные и защищенные с помощью технических средств, должны анализироваться и определяться в каждом конкретном случае. Нельзя отказываться от таких технологий, как блокчейн, или повышать стандарт их определения, потому что в настоящее время они являются новаторскими и сложными техническими средствами, а также не следует снижать стандарт определения из-за того, что сложно вмешаться или удалить технологию.

Прозрачность и неизменность блокчейна могут быть особенно полезны не только в качестве доказательств, которые используются в процессе судебного рассмотрения споров, но и в качестве защиты незарегистрированных прав интеллектуальной собственности. На самом деле, как уже упоминалось выше, процесс регистрации, на основе механизма блокчейн, делает доступным все детали, связанные с созданием произведения (время создания, наименование правообладателя и т.д.). Более того, хотя по умолчанию разные копии одного и того же произведения, защищенного авторским правом, нельзя отличить друг от друга, применение уникальной криптографической хэш-функции позволит отслеживать индивидуальную историю каждой копии, распространяемой через механизм блокчейн.

Таким образом, взаимодействуя с вопросами, связанными с авторским правом, блокчейн представляется как возможность повысить эффективность и прозрачность рынка интеллектуальной собственности, но все еще существует множество разногласий между дизайном технологии и его правовой архитектурой.

Такие трения возникают не только между блокчейном и авторским правом в структурном плане, но и в более широком смысле между различными социальными, экономическими и политическими условиями, в которых возникли блокчейн и система авторского права. Последний родился в мире, построенном вокруг посредников, которым доверяли благодаря их компетенциям, которые были очень необходимы, но часто использовались для достижения

доминирующего положения. Чтобы защитить людей от злоупотреблений, законодатели вмешались и ввели правила об авторском праве, защите потребителей, антимонопольном законодательстве, конфиденциальности и т.д.

Теперь, благодаря технологии, которая только на первый взгляд может считаться ненадежной, доверие просто переходит от посредников к самой цепочке блоков, а также к нашей способности проверять программное обеспечение и защищаться в мире, управляемом кодом. В существующей правовой базе, где положения законодательства об авторском праве весьма фрагментарны, Бернская конвенция запрещает обязательную регистрацию работ, защищенных авторским правом, а смарт-контракты тонут в правовой неопределенности, рост так называемой *Lex Cryptographia* может отбросить мир авторского права в хаос. В самом деле, единственный способ для блокчейна добиться более надежного доверия и устойчивости – это правовая система.

Этот подход имеет жизненно важное значение, если мы считаем, что как относительно новая технология, блокчейн, скорее всего, станет предметом дальнейших инноваций с помощью новых приложений в реальных условиях. Тем не менее, небольшая юридическая ясность и единство будут препятствовать инновациям, поскольку разработчики и предприниматели по понятным причинам опасаются крупных инвестиций в новые технологии, когда существует риск того, что их продукт окажется неосуществимым или несовместимым.

Чтобы эффективно способствовать использованию блокчейна учреждениями и предприятиями, законодатели должны использовать безопасные гавани, тем самым обеспечивать хорошие возможности для экспериментов, независимо от национальных границ. Скорее всего, мы столкнемся с захватывающей криптореволюцией (вслед за цифровой революцией), но для того, чтобы полностью раскрыть потенциал блокчейна, нам сначала необходимо обеспечить достаточные политические и юридические дебаты и предоставить общий набор стандартов.

Что касается смарт-контрактов, то несомненно они не являются полностью самоподдерживающимися системами, но они обладают огромным потенциалом сокращения денежных затрат и времени, а также способствуют повышению безопасности всех процессов от создания до использования результатов интеллектуальной собственности. Внедрение смарт-контрактов поставит перед законодательными органами новые задачи, однако еще неизвестно, смогут ли органы законодательной власти идти в ногу с постоянно расширяющейся парадигмой блокчейна и смарт-контрактов.

Библиографический список

1. Артемьев К. И. Блокчейн: возникновение, особенности использования и регулирования // Отечественная юриспруденция. 2018. № 4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-vozniknovenie-osobennosti-ispolzovaniya-i-regulirovaniya> (дата обращения: 08.09.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) / Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
3. Осмоловская А. С. Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-funktsii-i-primenenie> (дата обращения: 08.09.2020).
4. Харченко О. И. Блокчейн в информационном обществе // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-v-informatsionnom-obschestve> (дата обращения: 08.09.2020).

УДК 347.4
ББК 67.404

Е. Л. Кдлян, Г. А. Магдесян

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Кдлян Елена Леоновна – кандидат юридических наук, доцент, Сочинский государственный университет; e-mail: Garunt-plus@yandex.ru

Магдесян Галина Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, Сочинский государственный университет; e-mail: galina01.75@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проведен анализ законодательства, регулирующего институт долевого участия. Особое внимание уделено вопросам правовой защиты участников отношений долевого строительства. Автором рассматриваются различные способы защиты интересов и прав участников договора долевого строительства с учетом проводимой реформы законодательства о долевом строительстве. Анализируются такие новые способы и гарантии, как проектное финансирование и эскроу-счета.

Ключевые слова: застройщик, многоквартирные дома, договор долевого строительства, способ защиты, участник долевого строительства, потребитель.

E. L. Kdlyan, G. A. Magdesyan

WAYS OF PROTECTION OF INTERESTS OF PARTICIPANTS OF THE CONTRACT OF SHARED CONSTRUCTION

Elena L. Kdlyan – PhD in Law, Associate Professor, Sochi State University;
e-mail: Garunt-plus@yandex.ru

Galina A. Magdesyan – PhD in Law, Associate Professor, Sochi State University;
e-mail: galina01.75@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the legislation governing the institution of equity. Special attention is paid to the issues of legal protection of participants in equity construction relations. The author considers various ways of protection of interests and rights of participants of the contract of shared construction taking into account the carried-out reform of the legislation on shared construction. New ways and guarantees such as project financing and escrow accounts are analyzed.

Keywords: property developer, apartment buildings, a contract of shared construction, protection method, the participant of share building, the consumer.

Ст. 40 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [2] гарантирует каждому право на жилище. Обеспечение граждан жильем и повышение его доступности относятся к приоритетным направлениям экономики нашего государства. В тоже время, жилищный вопрос и жилищная проблема были и остаются сегодня наиболее проблемными в Российской Федерации. Все происходящие социально-экономические преобразования в 90-х гг. привели к тому, что государство не способно было удовлетворять наиболее важные потребно-

сти граждан, в том числе и решить жилищный вопрос. Потребности физических лиц в строительстве жилья готовы были удовлетворить застройщики, т.е. частный сектор, а сами граждане могли и желали финансировать их строительную деятельность. Это привело к возникновению нового способа удовлетворения жилищных потребностей – участие в долевом строительстве. В тоже время появились недобросовестные застройщики, двойные продажи и многое другое. Все это и привело к необходимости принятия Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (далее – Закон о долевом участии) [6]. Государство, таким образом, планировало защитить граждан-потребителей и устранить имеющиеся пробелы правового регулирования.

Закон о долевом участии ввел в оборот такой новый вид договора, как договор участия в долевом строительстве, по которому одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости (ст. 4 Закона о долевом участии) [6]. Институт долевого участия, несомненно, был и остается очень выгодным для граждан, в связи с тем, что объект недвижимости приобретает по цене ниже рыночной стоимости. В то же время, дольщики постоянно сталкиваются с такими проблемами, как разорение и банкротство компаний-застройщиков, увеличение сроков строительства или его замораживание, потеря вложенных дольщиком денег и т.д. Законодатель постоянно вносит изменения в механизм долевого участия, пытаясь таким образом найти решение указанных проблем.

Среди актуальных задач правового регулирования в сфере отношений долевого строительства следует отметить поиск более эффективных механизмов и способов защиты интересов участников договора долевого строительства. Законодательство о долевом участии постоянно совершенствуется с целью установления новых гарантий и способов защиты.

Анализируя законодательство, правоприменительную практику следует отметить, что с 2014 г. был введен новый порядок, предусматривающий страхование договора долевого участия в строительстве, изменены требования к самому застройщику, был создан компенсационный фонд, необходимо было в обязательном порядке размещать информацию о строительстве в открытом доступе, появились эскроу-счета [3].

Раскрывая способы защиты прав участников долевого строительства А. Ю. Хамов, подразделяет их на общие способы правовой защиты частноправового характера и специальные способы правовой защиты публично-правового характера [7]. В свою очередь, общие способы автор классифицирует на компенсационные, правоустанавливающие, правопрекращающие и превентивные (предупредительные). К специальным способам следует отнести компенсационные и превентивные (предупредительные).

Основными и самыми распространенными способами защиты интересов участников договора долевого строительства являются неустойка, возмещение убытков, признание права

на объект недвижимости, залог, поручительство. Указанные способы предусмотрены и регулируются, помимо Закона о долевом участии, гражданским законодательством и законодательством о защите прав потребителей. Обращаясь к статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], следует заметить, что в отношении с применением договоров долевого строительства возможно применение таких способов защиты гражданских прав как: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; признание сделки недействительной и применения последствий ее недействительности; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсации морального вреда; прекращение или изменения правоотношения.

Однако, в связи с тем, что указанные универсальные способы оказались не совсем эффективными, с июля 2017 г. на рынке жилищного строительства появилась еще одна новая система защиты вложений граждан от недобросовестных застройщиков – Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства. Создание публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан - участников долевого строительства» регламентируется Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан-участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [5]. Как правильно отмечает И. С. Ледовской, одной из приоритетных функций Фонда выступает создание компенсационного фонда за счёт обязательных отчислений (взносов) застройщиков [4]. Это послужило появлению двух принципиально новых способа защиты участников долевого строительства. В случае банкротства застройщика Фонд может выплатить возмещение участникам долевого строительства, профинансировать мероприятия по завершению строительства объектов незавершенного строительства за счет средств компенсационного фонда.

С июля 2019 года законодательно закреплено привлечение денежных средств с использованием счета эскроу, проектное финансирование. Все застройщики по своим новым проектам обязаны перейти на расчеты через счета эскроу, что скорее всего приведет к неактуальности фонда защиты прав дольщиков со временем. В настоящее время сложно говорить об эффективности такого способа защиты, в связи с тем, что такая практика только начинает складываться.

Таким образом, можно сделать вывод, что способов защиты прав участников долевого строительства достаточно. Они постоянно совершенствуются законодателем в связи со складывающейся экономической ситуацией. Нельзя не согласиться с мнением, что все изменения законодательства в целом направлены на урегулирование проблемы незавершенного строительства, одной из которых является удовлетворение требований участников долевого строительства.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. – Ст. 4398.

3. Кошукова К. И. Актуальные проблемы защиты прав граждан, участвующих в доле-вом строительстве // Молодой ученый. 2018. № 47. URL <https://moluch.ru/archive/233/54081/> (дата обращения: 18.11.2019).

4. Ледовской И. С. Формы и способы защиты прав и имущественных интересов участ-ников долевого строительства // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. LIX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11 (58). URL: [https://si-bac.info/archive/social/11\(58\).pdf](https://si-bac.info/archive/social/11(58).pdf) (дата обращения: 22.11.2019).

5. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 218-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «О пуб-лично-правовой компании по защите прав граждан-участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законо-дательные акты РФ» // Российская газета. № 169. 02.08.2017.

6. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в доле-вом строи-тельстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27.06.2019) // Российская газета. № 292. 31.12.2004.

7. Хамов А. Ю. Правовая защита участников отношений долевого строительства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 224 с.

УДК 341.932.3

ББК 67.93

И. Б. Иловайский, Т. А. Гусейнов

ВЫБОР ПРИМЕНИМОГО ПРАВА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ЗА И ПРОТИВ

Иловайский Игорь Борисович – кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС; e-mail: domino@gambler.ru

Гусейнов Тофик Азерович – студент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС; e-mail: ta_guseynov@mail.ru

Аннотация. Интернационализация и цифровизация нашей жизни, к сожалению, решает не все старые проблемы правового регулирования гражданских правоотношений. Не стали исключением, и так называемые международные коммерческие соглашения или трансграничные договоры, заключаемые в электронной форме и в киберпространстве. Сторонам подобных сделок, при возникновении разногласий и споров, приходится решать одну из основных проблем международного частного права – коллизионную проблему (вопрос), т.е. поиск применимого к их отношениям права конкретного государства. В настоящем исследовании предпринята попытка последовательно рассмотреть используемые при этом традиционные коллизионные принципы, от автономии воли (*lex voluntatis*), до применения правопорядка страны места заключения договора (*lex loci contractus*) и права государства, с которым соглашение имеет наиболее тесную связь (*proper law of the contract*), а также, предложенный совсем недавно к применению, коллизионный критерий правопорядка страны местонахождения хостинг-провайдера. Отмечается и сложность, и спорность их осуществления на практике. В качестве возможного решения рассмотренной проблематики в этой сфере было предложено, с учетом международного опыта, использовать материально-правовой способ регулирования отношений осложненных иностранным элементом, а именно при-нять унифицированные соглашения, на основе которых было бы возможно гармонизировать и законодательство

каждого государства в отдельности. Тем более, что позитивный опыт в этом направлении был уже накоплен и Европейским Союзом, и Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), и Международной Торговой палатой. По нашему мнению, нормативные наработки указанных организаций вполне могли бы быть взяты на вооружение и мировым сообществом в целом.

Ключевые слова: автономия воли, интернет-сделки, киберпространство, коллизийная проблема (вопрос), коллизийные нормы, коллизийные привязки, коллизия права, место совершения договора, наиболее тесная связь договора с правопорядком иностранного государства, трансграничный договор, формулы прикрепления, электронные сделки.

I. B. Povaysky, T. A. Huseynov

CHOICE OF APPLICABLE LAW WHEN CONCLUDING TREATIES IN CYBERSPACE: PROS AND CONS

Igor B. Povaysky – PhD in Law, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa Under the President of the Russian Federation; e-mail: domino@rambler.ru

Tofik A. Huseynov – Student, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa Under the President of the Russian Federation; e-mail: ta_guseynov@mail.ru

Abstract. Internationalization and digitalization of our life, unfortunately, does not solve all the old problems of legal regulation of civil relations. The so-called international commercial agreements or cross-border agreements concluded in electronic form and in cyberspace are no exception. The parties to such transactions, when disagreements and disputes arise, have to solve one of the main problems of private international law – the conflict of laws problem (question), i.e. the search for the law of a particular state applicable to their relations. This study attempts to consistently consider the traditional conflict-of-laws principles used in this case, from the autonomy of the will (*lex voluntatis*), to the application of the law of the country where the contract is concluded (*lex loci contractus*) and the law of the state with which the agreement has the closest connection (*proper law of the contract*), as well as the recently proposed conflict-of-laws criterion of the law of the country where the hosting provider is located. The complexity and controversy of their implementation in practice are noted. As a possible solution to the problems discussed in this area, it was proposed, taking into account international experience, to use the material and legal method of regulating relations complicated by a foreign element, namely, to adopt unified agreements on the basis of which it would be possible to harmonize the legislation of each state separately. Moreover, the European Union, the United Nations Commission on international trade law (UNCITRAL), and the International chamber of Commerce have already accumulated positive experience in this area. In our opinion, the normative developments of these organizations could well be adopted by the world community as a whole.

Keywords: autonomy of will, Internet transactions, cyberspace, conflict of laws problem (question), conflict of laws rules, conflict of laws bindings, conflict of law, place of contract, the closest relationship of the contract with the legal order of a foreign state, cross-border contract, attachment formulas, electronic transactions.

Электронные способы фиксации и передачи информации стремительно вторгаются в нашу жизнь, в том числе и в сферу обязательственных отношений. Так, договор купли-продажи теперь не всегда заключается в самом магазине или за столом переговоров между продавцом и покупателем, достаточно сделать несколько кликов в специальной программе смартфона или компьютера, выбрать товар из каталога, а затем на основе реквизитов банковской карты его оплатить. Остается лишь забрать купленную вещь в специальном пункте выдачи товаров или на почте. Подобным образом в киберпространстве, реализуются не только договоры купли-продажи, и использование при этом электронных аккредитивов, но и значительная

часть кредитных сделок; обязательства по страхованию гражданской ответственности автовладельцев (например, ОСАГО), покупка билетов на перевозку железнодорожным или авиатранспортом и т.п.

Трудно недооценивать удобства, которые предоставляют такого рода способ осуществления сделок. Это и не только значительная экономия времени и физических сил, но и разрушение разного рода коррупционных и недобросовестных схем, навязывания дополнительных (порой совсем не нужных) договорных обязательств, как это было со страховыми компаниями при заключении договоров ОСАГО.

Однако, как и любое явление в жизни, наряду с достоинствами указанные выше взаимоотношения порождают и определенного рода проблемы, в том числе в области их правового регулирования. Особенно ярко это видно при заключении «электронным» способом международных или трансграничных сделок, контрагенты которых принадлежат к разным государствам. С точки зрения международного частного права первоначальной проблемой, возникающей в подобных ситуациях, является вопрос о том, а право какого государства должно регулировать такие обязательства, т.е. возникает, так называемая «коллизийная проблема (или коллизийный вопрос)» [6, с. 18].

Её идеальным решением была бы реализация сторонами указанных соглашений принципа автономии воли (*lex voluntatis*) и достижение ими договоренности о применении к их отношениям права конкретного государства, о чем в тексте договора (контракта) делается соответствующая запись. Но такой вариант решения коллизийной проблемы, возможен при условии, что стороны сделки хорошо понимают проблематику правового регулирования международных частных отношений, т.е. имеют или хорошее юридическое образование, или серьезную правовую поддержку в этой области, а также опыт осуществления внешнеэкономических договоров. К сожалению, большинство рассматриваемых обязательств, заключается, лицами, которые и не подозревают о наличии подобных «подводных камней», и необходимость поиска применимого правопорядка возникает тогда, когда возник конфликт, связанный или с ненадлежащим исполнением, или неисполнением таких сделок.

В этом случае на помощь могли бы прийти унифицированные международные нормы материально-правового характера, но в силу того, что трансграничные договоры, заключенные в киберпространстве относительно новое явление, то в мировом сообществе еще не принято всеобъемлющих многосторонних унифицированных соглашений подобного рода. Поэтому для поиска легального решения остается только один путь - обратиться к коллизийным нормам, которые для поиска применимого права, как правило, применяют два коллизийных принципа:

- правопорядок государства места совершения (заключения) сделки (*lex loci contractus*);
или

- правопорядок государства, с которым такое правоотношение имеет наиболее тесную связь (*the law of the real connection* или *proper law of the contract*).

Ярким примером использования в международной нормативной практике первой формулы прикрепления является содержание ст. 41 Конвенции стран СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 22.01.1993, в которой установлено, что «права и обязанности сторон по сделке определяются по законодатель-

ству места ее совершения, ...». Второй из названных коллизионных критериев хорошо характеризуют положения ст. 1211 ГК РФ. В пункте 1 этой нормы, закреплен, на наш взгляд, его модифицированный вариант, называемый в последнее время «принцип характерного исполнения», а именно применение права той «... страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора». Уже в п. 2 ст. 1211 ГК РФ, законодатель перечисляет 18 (восемнадцать) обязательств и указывает в них конкретную сторону, исполнение которой, по его мнению, имеет решающее значение для содержания соглашения. Так, для трансграничного договора купли-продажи – это продавец, для обязательств дарения – даритель и т.д. [4, с. 172–173].

Если последовательно применить указанные выше формулы прикрепления к трансграничным сделкам, заключенным в электронной форме, то выходят, на наш взгляд, весьма любопытные выводы.

Так как, связь между контрагентами (в том числе, при заключении соглашения) происходит посредством обмена документами в киберпространстве, то традиционный для международного частного права коллизионный принцип – закон места совершения договора (*lex loci contractus*) в буквальном смысле может быть применен с определенными затруднениями, поскольку стороны находятся вдалеке друг от друга. Профессор Г. К. Дмитриева по этому поводу отмечает, что «...с появлением и совершенствованием современных средств связи договоры заключаются между отсутствующими сторонами путем переписки», в т.ч. электронной. Поэтому такая форма привязки теряет прямую связь с местом достижения соглашения сторонами и становится менее востребованной [6, с. 126]. Того же мнения придерживается и Л. П. Ануфриева, которая указывает, что в виду развития средств технической коммуникации эта привязка постепенно теряет свою актуальность [1, с. 185]. Более того, в юридической литературе справедливо подчеркивалось относительность, а иногда и невозможность, определения государственных границ в киберпространстве [5, с. 172]. Основная сложность заключается в быстром обмене информацией между сторонами, которая не позволяет достоверно установить связь сделки с правом определенной страны. С учетом расположения, как субъектов сделки, так и их предмета(ов) в разных государствах, возникает вопрос определения не только конкретной привязки, но и взаимосвязи с конкретным правовым порядком в целом [3, с. 41–42].

По этим причинам затруднительно использовать и другой коллизионный критерий – закона наиболее тесной связи или характерного исполнения (*the law of the real connection* или *proper law of the contract*). Сложность, во многом обусловлена спецификой заключения сделок в киберпространстве, когда стороны, находящиеся в разных странах, могут пользоваться услугами различных хостинг-провайдеров, что приводит к пересечению различных национальных норм, и отсутствием очевидной наиболее тесной связи с правом какого-либо государства [2, с. 64–68].

Применительно к договору купли-продажи товаров, вполне возможна ситуация, когда информация о предмете договора размещена на сайте с одним государственным интернет-адресом (доменом); фактическое место хранения самого товара находится в другом; осуществление платежа происходит через хостинг(и), находящейся в третьем; а провайдер, обеспечивающий их работу, в четвертом. Таким образом, возникает ситуация, когда лица, так или иначе участвующие в правоотношении формально и фактически находятся в разных государствах.

При возникновении подобных обстоятельств в литературе было сделано предложение о применении к таким сделкам права местонахождения провайдера, как лица, которое непосредственно и обеспечивает возможность заключения сделки [7, с. 159]. Однако, по нашему мнению, однозначно согласиться с такой точкой зрения вряд ли представляется возможным, т.к. провайдер по существу не является стороной ни договора купли-продажи, ни какого-либо иного основного обязательства. Это лицо, которое только оказывает услуги по предоставлению своих интернет ресурсов, на которых конкретные продавцы размещают информацию о производимых и реализуемых ими товарах. Примером в этом случае может служить ситуация с компанией AliExpress. Эта организация не является интернет-магазином, это лишь торговая площадка, которая представляет, продавцам свои электронные ресурсы для размещения информации об их продукции. В оферте AliExpress Россия **указано, что** «...торговая площадка обслуживается компанией AliExpress Russia Holding Private Limited, аффилированной с Алибаба РУ, и поддерживается в Российской Федерации Алибаба РУ» [8]. Алибаба РУ является обществом с ограниченной ответственностью, зарегистрированным в Российской Федерации, в городе Москва. Оно является лишь структурной единицей более мощной головной организации – Публичной компании «Alibaba Group», зарегистрированной в Китайской Народной Республике (далее КНР), в городе Ханчжоу [9, с. 42].

Таким образом, провайдер – AliExpress Russia Holding Private Limited, непосредственным участником договора международной купли-продажи товаров не становится, а выступает своеобразным посредником между продавцом и покупателем. В этом случае возникает вполне резонные вопросы: «В чем же при таком фактическом составе проявляется характерное исполнение или тесная связь права государства провайдера с указанным обязательством купли-продажи? Почему именно исполнение этого субъекта, не являющегося стороной возникшего соглашения, имеет решающее значение для содержания договора, как это закреплено в п. 1 ст. 1211 ГК РФ? В пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» было разъяснено, что «при определении наиболее тесной связи суд ... может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов (защита добросовестной стороны, недопустимость извлечения преимуществ из своего недобросовестного поведения, запрет злоупотребления правом, защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки, запрет необоснованного отказа от исполнения обязательства и т.п.)». Полагаем, что право государства провайдера не отвечает ни одному из этих критериев, т.к. на практике допустима ситуация, когда право провайдера не только не будет связано с продавцом и покупателем, но еще и вызовет проблему поиска его источников и перевода их на язык судопроизводства. Например, покупатель находится в Армении, продавец в Индии или Австралии, а провайдер в КНР. Целесообразность применения при этом права Китая вызывает значительные сомнения? По нашему мнению, очевидным является возникновение трудностей с и поиском нормативных актов КНР, и их переводом, и верным, в контексте положений п. 1 ст. 1191 ГК РФ, правоприменением.

В этой связи, было бы более логичным сделать привязку к какой-либо традиционной формуле коллизионного прикрепления, например, как это установлено в подпункте 1 п. 2

ст. 1211 ГК РФ, т.е. к праву страны продавца, или к иным правовым порядкам, согласно содержанию этой нормы. Изложенное, относится и к правоотношениям с участием потребителя, если они реализуются в международном киберпространстве, к ним также рационально, применить правила пункта 2 ст. 1212 ГК РФ, в котором установлено, что «... при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве ... к договору с участием потребителя применяется право страны места жительства потребителя».

Во всех перечисленных случаях, так и при реализации сторонами принципа автономии воли (о чем было сказано в самом начале настоящего исследования), применимым правом всегда будет национальное право какого-либо государства. Например, российское гражданское право, как это было сделано выше по тексту. В подобной ситуации может возникнуть другая проблема, а именно неразвитость национального законодательства и неготовность его регулировать отношения в сфере Интернет пространства.

В связи с вышеизложенным, и как итог настоящего исследования, мы полагаем, что было бы своевременным, во-первых, на уровне Федерального Собрания РФ принять закон о регулировании отношений в трансграничном киберпространстве. Нормы такого акта должны быть согласованы с Главой VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ. В качестве первоначальной основы можно взять Директиву Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2000/31/ЕС от 8 июня 2000 г. об электронной коммерции или Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и иные рекомендательные акты этой организации в рассматриваемой сфере. Начало этому процессу уже было положено, и, начиная с 01 января 2021 г. на территории РФ начнет свое действие Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», но его норм для регулирования всей цифровой коммерции вряд ли будет достаточно. Вызывает сомнения и попытка законодателя решить коллизионный вопрос, связанный с проблематикой регулируемых в этом акте отношений, посредством установления односторонней коллизионной нормы, отсылающей к праву РФ (см. п. 5 ст. 1 указанного норматива). Поэтому, и это, во-вторых, решить перечисленные проблемы нужно радикально, а именно на уровне международного сообщества, принять унифицированное многостороннее материально-правовое соглашение о регулировании электронных сделок, осуществляемых во всемирной сети Интернет, которое единообразно для всех будет регулировать эти отношения. Такой процесс, можно выполнять поэтапно в качестве отдельных дополнений к уже имеющимся нормативным актам, например, к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров. В этом плане уместно было бы воспользоваться позитивным опытом Международной торговой палаты. Эта организация, при появлении международных проектов электронного документооборота в сфере финансирования торговли, оперативно приняла Дополнения по электронному представлению к Унифицированным правилам и обычаям для документарных аккредитивов или Supplement to UCP for Electronic Presentation (eUCP 600), которые конкретизировали процедуры электронного представления документов при расчетах по аккредитиву. Подобный путь способствует экономии времени по созданию нового соглашения в рассматриваемой сфере и кардинально решит коллизионную проблему при осуществлении сделок купли-продажи в киберпространстве.

Библиографический список

1. Ануфриева Л. П. Международное частное право: в 3 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: Издательство «БЕК», 2002. 288 с.
2. Иловайский И. Б. Марчукова В. А. Правовая сущность понятий «обмен электронными документами и сообщениями» в отечественном и международном праве // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: юриспруденция. 2015. № 1.
3. Козинец Н. В. Проблемы коллизионно-правового регулирования отношений, возникающих в сфере трансграничной электронной торговли // Бизнес в законе. 2015. № 6.
4. Мажорина М. В. Международные контракты и их регуляторы: учебник для магистратуры / М. В. Мажорина, Я. О. Алимова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 172–173.
5. Мажорина М. В., Тереньтева Л. В., Шахназаров Б. А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5.
6. Международное частное право: учебник / Г. К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.; Проспект, 2016. 680 с.
7. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Козинец Н. В. М., 2017. 159 с.
8. Оферта AliExpress Россия. Договор об оказании Услуг AliExpress для Продавцов на Торговой площадке AliExpress Service Agreement for Sellers for Platform. URL: https://sell.aliexpress.com/ru/___pc/Gj5JDUXANH.htm (дата обращения: 11.10.2020).
9. Помимо Алибаба РУ в холдинг Alibaba Group также входят: Youku Tudou, Lazada Group, AutoNavi Holdings Limited, UCWeb, AGTech Holdings Limited, South China Morning Post, Alibaba.com, Taobao и др. // Кларк Д. Alibaba. История мирового восхождения от первого лица = Alibaba: The House That Jack Ma Built. / Перевод Сарычевой К. М. М.: Эксмо, 2017. С. 42.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

PUBLIC LAW

УДК 349.42

ББК 67.407

А. Я. Рыженков

РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КИТАЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рыженков Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета;
e-mail: 4077778@list.ru

Аннотация. В статье исследуется состояние сельского хозяйства Китая, его основные проблемы и правовые средства их решения. Обращается внимание на систему управления сельским хозяйством Китая. Проводится сравнение мер по развитию сельского хозяйства в России и КНР. Автор приходит к выводу о том, что в обеих странах приняты базовые законы о развитии сельского хозяйства, создан специальный орган управления сельским хозяйством, принимаются меры по обеспечению продовольственной безопасности и развитию органического земледелия. В тоже время, многие законодательные приоритеты двух стран не совпадают, что наиболее ярко видно на примере запрета в РФ производства продукции сельского хозяйства, содержащей ГМО, и поощрением данного сектора сельскохозяйственного производства в КНР, а также разной степенью актуальности проблем охраны окружающей среды в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: Китай; сельское хозяйство; органическое земледелие; сельскохозяйственная продукция; фермер; ГМО; БРИКС, сельский туризм.

A. Ja. Ryzhenkov

DEVELOPMENT OF CHINA'S AGRICULTURAL LEGISLATION: TRENDS AND PROSPECTS

Anatoly Ja. Ryzhenkov – Doctor of law, Professor, Professor of the Department of civil law and procedure Kalmyk state University; e-mail: 4077778@list.ru

Abstract. The article examines the state of China's agriculture, its main problems and legal means of solving them. Attention is drawn to the system of agricultural management in China. A comparison of measures for the development of agriculture in Russia and China is made. The author comes to the conclusion that both countries have adopted basic laws on the development of agriculture, created a special agricultural management body, and taken measures to ensure food security and the development of organic farming. At the same time, many of the legislative priorities of the

two countries do not coincide, which is most clearly illustrated by the ban in Russia production of agricultural products containing GMOs, and promotion of this sector of agricultural production in China, as well as different degrees of urgency of environmental protection in agriculture.

Keyword: China; agriculture; organic farming; agricultural products; farmer; GMO; BRICS, rural tourism.

Китайская Народная Республика является одним из важнейших торговых партнеров Российской Федерации и крупнейшей экономикой мира. Дальнейшее налаживание взаимовыгодного сотрудничества двух стран обуславливает необходимость исследования организационных, экономических и правовых особенностей функционирования агропромышленного комплекса КНР. Данное направление представляется весьма перспективным еще и потому, что Россия и Китай входят в межгосударственное объединение БРИКС.

Страны БРИКС являются крупнейшими производителями, продавцами и потребителями сельскохозяйственной продукции в мире. Сегодня им необходимо объединять усилия, чтобы своевременно и адекватно отреагировать на COVID-19. Расширение такого сотрудничества стран БРИКС в условиях пандемии возможно в области сельскохозяйственных технологий, дальнейшей модернизации сельского хозяйства и развития информационной системы сельскохозяйственного рынка. В рамках сотрудничества стран БРИКС особое место занимает российско-китайское сотрудничество в сфере производства и реализации сельскохозяйственной продукции. Китай, страна с глубокой культурой и долгой историей сельского хозяйства, является крупным производителем, потребителем и продавцом сельскохозяйственной продукции. Китайское правительство очень привержено развитию сельского хозяйства и сельских территорий, постоянно уделяет внимание вопросам, связанным с ними. Приоритет в государственном управлении аграрным сектором отдается вопросам обеспечения продовольственной безопасности для более чем 1 млрд человек, прилагаются постоянные усилия для развития сельскохозяйственного производства, улучшения условий жизни фермеров и содействия стабильности в сельских районах. С момента основания Китайской Народной Республики в 1949 г. (а особенно после принятия политики реформ в конце 1970-х гг.), Китай ускорил темпы сельскохозяйственного развития, что привело к фундаментальным изменениям и значительным аграрным достижениям в стране.

Так, в 2017 году импорт и экспорт сельскохозяйственной продукции в Китае выросли до 201,39 миллиарда долларов США, что было на 9,1 % больше, чем в 2016 году. Объем экспорта составил 75,53 миллиарда долларов, увеличившись на 3,5 %; импорт достиг 125,86 млрд долларов, увеличившись на 12,8 %. В 2017 году из центрального бюджета на комплексное развитие сельского хозяйства было выделено 38,6 млрд юаней. Комплексное развитие сельского хозяйства направлено на обновление механизма управления и повышение его эффективности. Был достигнут прогресс в улучшении сельскохозяйственного производственного потенциала, содействии интеграции вторичных и третичных отраслей сельского хозяйства, развитии управления сельским хозяйством, а также в борьбе с бедностью. Наряду с «классическими» мерами управления сельским хозяйством Китая (рекультивация земель, механизация аграрного производства, развитие семеноводства, развитие рынка сельскохозяйственной продукции, регулирование цен и т.д.), ряд мер по развитию аграрного сектора Китайской Народной Республики может представлять интерес и для России.

1) в 2017 году в Китае количество организаций, занимающихся отдыхом и сельским туризмом, достигло 330 000, что на 30 000 больше, чем было в предыдущем году, а финансовая прибыль достигла почти 550 миллиардов юаней. Развлекательное сельское хозяйство и сельский туризм стали новым способом, который способствовал развитию туризма в сельской местности, улучшил сельское производство и экологию жизни, а также усилил интеграцию первичной, вторичной и третичной отраслей в сельской местности. Он играет все более важную роль в развитии современного сельского хозяйства, увеличении доходов фермеров, построении благополучного сельского общества.

2) Министерство сельского хозяйства уделяет огромное внимание развитию кадрового потенциала аграрного сектора экономики. Министерство организовало 210 учебных курсов, на которых обучено более 20 000 сельских жителей и студентов университетов. К настоящему времени было проведено более 900 демонстрационных учебных курсов, и Министерство направило более 92 000 членов крупных сельскохозяйственных организаций, семейных фермеров, руководителей фермерских кооперативов, сельских чиновников и студентов университетов в сельские районы для обучения и обмена, что позволит вырастить большое количество работников для жизни в сельской местности.

3) **Китай продолжает** углублять международное сельскохозяйственное сотрудничество. Дальнейшее расширение сотрудничества с иностранными инвесторами в сельском хозяйстве привело к стабильному развитию импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции. Международное влияние сельского хозяйства постепенно увеличивалось, а многостороннее, а также двустороннее сотрудничество и обмены с ключевыми странами, регионами и международными организациями достигли замечательных результатов. К концу 2017 года поток иностранных инвестиций в сельское хозяйство превысил 2,22 миллиарда долларов США, что составляет 1,86 % нефинансовых иностранных инвестиций. Большие успехи достигнуты КНР и в части цифровизации сельского хозяйства, причем в настоящий момент осуществляется продвижение таких технологий на международном уровне. Так, 23 июля 2020 года в посольстве Пакистана в Китае состоялась церемония передачи Пакистану подаренных КНР дронов для защиты растений, в том числе борьбы с саранчой.

Основные функции в области управления сельским хозяйством КНР выполняет Министерство сельского хозяйства, которое является частью Государственного Совета КНР и занимается вопросами сельского хозяйства и развитием связанных с ним отраслей экономики. Его функции заключаются в выработке и реализации политики и стратегии экономического развития, среднесрочных и долгосрочных планов в сфере сельского хозяйства; предложении мер по углублению реформы аграрного сектора экономики и улучшению существующей системы хозяйствования, руководстве сельским земельным подрядом, передачей прав пользования пашнями и решением спорных вопросов.

МСХ также осуществляет руководство производством зерновых и иной сельхозпродукции, определяет направления корректировки структуры отраслей сельского хозяйства и улучшения качества продукции, способствует комплексному развитию сельского хозяйства, разрабатывает и претворяет в жизнь общие направления и планы развития перерабатывающей промышленности, отвечает за улучшение качества и безопасность сельхозпродукции. МСХ орга-

низует и координирует создание рыночной системы производственных материалов для сельского хозяйства, выдает лицензии и контролирует семена сельскохозяйственных культур, семена трав, размножение домашнего скота и птицы, использование пестицидов, ветеринарию, корм и кормовые добавки, отвечает за профилактику и лечение основных болезней сельскохозяйственных культур и борьбу с вредителями, а также за предотвращение катастроф, связанных с сельским хозяйством или смягчение их последствий. МСХ осуществляет сбор и анализ информации об экономическом состоянии села и сельского хозяйства, разрабатывает план и политику развития исследований в области сельского хозяйства. Совместно с соответствующими ведомствами, Министерство сельского хозяйства КНР выработывает и реализовывает план подготовки кадров для сельского хозяйства, организует работу по региональному планированию и учету сельских ресурсов, руководит охраной сельской территории, акватории рыболовства, степей, пойм рек и заливных земель, пригодных для сельского хозяйства, сельскохозяйственных видов биологических ресурсов, отвечает за охрану диких водных животных и растений.

МСХ разрабатывает и претворяет в жизнь планы создания экологичного сельского хозяйства, осуществляет работу по расширению использования в сельской местности возобновляемых источников энергии. Данный орган власти способствует развитию производства биоэнергии и мерам по энергосбережению в сельском хозяйстве, отвечает за контроль источников рассредоточенного загрязнения, связанных с сельским хозяйством, определяет территории, запрещенные для производства сельхозпродукции. МСХ следит за экологичностью производства на протяжении всего сельскохозяйственного цикла, отвечает за охрану природной среды акватории рыболовства и осуществляет контроль чужеродных видов [2]. Данный перечень может быть продолжен.

Реализация аграрной политики КНР регулируется рядом законов.

1) Закон Китайской Народной Республики «О сельском хозяйстве» от 2 июля 1993 г. (в ред. от 28 декабря 2002 г.). Данный закон принят в целях обеспечения основополагающего положения сельского хозяйства в национальной экономике Китая, развития рыночной экономики в сельских районах, защиты законных прав и интересов сельскохозяйственных производственных организаций и сельскохозяйственных рабочих, содействия непрерывному развитию и устойчивому росту сельского хозяйства. Закон подчеркивает, что государство придерживается руководящего принципа, согласно которому сельское хозяйство является основой развития национальной экономики. Наряду с этим, задачей закона является дальнейшее развитие производительных сил сельских районов, развитие и использование сельской рабочей силы, земли и различных ресурсов, увеличение эффективных поставок сельскохозяйственной продукции и удовлетворение потребностей населения, улучшение жизни людей и развитие социальной экономики. На основе развития производства Закон предполагает увеличить доходы сельскохозяйственных рабочих, поднять уровень их жизни, построить новую сельскую местность, основанную на всеобщем процветании, и постепенно осуществить модернизацию сельского хозяйства. Соответственно, под «сельским хозяйством» в Законе понимается растениеводство, лесное хозяйство, животноводство и рыболовство [1].

Анализ текста данного закона позволяет сделать вывод о том, что государственное регулирование сельского хозяйства в России и КНР обладает многочисленными, как общими, так и отличными чертами. В качестве примера общих подходов к регулированию сельскохозяйственного производства является применение в Китае системы государственных защитных закупочных цен и создание фонда риска для основных сельскохозяйственных продуктов, таких, как зерно, связанных с национальной экономикой и средствами к существованию людей (ст.36 Закона КНР). Государственные закупочные интервенции предусмотрены и в России (ст.14 Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 15.10.2020) «О развитии сельского хозяйства»). Вместе с тем, структура указанных законов не совпадает. В КНР закон содержит ряд разделов, слабо представленных в Законе РФ «О развитии сельского хозяйства». Так, например, Закон КНР включает в себя специальные главы «Сельскохозяйственная наука, технология и сельское образование» (глава 6) или «Сельскохозяйственные ресурсы и защита сельской окружающей среды» (глава 7). В связи с этим представляется, что структура данного Закона КНР может быть использована в случае подготовки проекта Аграрного кодекса РФ.

2) Закон КНР «О земельном подряде в деревне» от 29 августа 2002 г. Данный закон принят в целях стабилизации и совершенствования двухуровневой системы хозяйствования, основой которой является семейный подряд и которая сочетает принципы объединения и разделения, предоставления крестьянам долгосрочных и гарантированных прав пользования на землю, защиты законных прав и интересов участников подряда на сельских землях, содействия развитию сельского хозяйства и сельской экономики, социальной стабильности на селе. Под сельскими землями в Законе понимаются пахотные земли, лесные угодья, луга, а также другие земли сельскохозяйственного назначения, находящиеся в коллективной собственности крестьян и государственной собственности, коллективно используемой крестьянами (ст. 2). Государство реализует систему подрядного хозяйствования на сельскохозяйственных землях. Закон предусматривает, что подряд на сельских землях осуществляется в форме семейного подряда внутри сельских коллективных хозяйственных организаций. В отношении заброшенных и пустынных земель, для которых данная форма не подходит, подряд может осуществляться путем проведения тендеров, аукционов, публичного согласования и т.д. [3, с. 14–15].

3) Закон КНР о стимулировании механизации сельского хозяйства (принят на 10-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 25 июня 2004 г.). Закон направлен на поддержку китайских производителей сельскохозяйственной техники и модернизацию сельского хозяйства. Закон состоит из 35 статей и 8 глав. В частности, в законе определяются обязанности органов государственной власти по осуществлению механизации сельского хозяйства, содержатся указания относительно необходимости популяризации и преподавания знаний в этой области, подготовки специальных кадров, оказания информационных услуг, предусматривается включение положений, связанных с продвижением механизации сельского хозяйства, в планы экономического и социального развития. В Законе говорится о необходимости выявлять действие рыночных механизмов в процессе механизации сельского хозяйства, чем подчеркивается общая направленность на поддержку этого процесса, а не на принудительное его форсирование. Государство осуществляет поддержку крестьян и сельскохозяйственных

организаций при самостоятельном выборе сельскохозяйственной техники, никакие организации и частные лица не могут принуждать сельхозпроизводителей к приобретению указанной продукции [3, с. 41–42].

4) Закон КНР о качестве и безопасности сельскохозяйственной продукции (принят 29 апреля 2006 г. на 21-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва). Согласно Закона, государство создает систему стандартов качества и безопасности сельскохозяйственной продукции, которые представляют собой обязательные технические нормативы, которые должны учитывать результаты оценки рисков, связанных с качеством и безопасностью сельхозпродукции, а также принимать во внимание мнения производителей, продавцов и потребителей сельхозпродукции. Закон закрепляет требования, предъявляемые к местам производства и процессу производства сельскохозяйственной продукции, устанавливает требования к ведению производственных записей сельскохозяйственными предприятиями и крестьянскими организациями, требования к упаковке и маркировке сельхозпродукции. Маркировка генетически модифицированной продукции должна осуществляться в соответствии с имеющимися положениями, касающимися этого типа продукции. В Законе имеется четкий механизм его реализации, который содержится в двух главах, одна из которых регламентирует порядок контроля и проверок, а другая, посвященная юридической ответственности, устанавливает жесткие санкции за нарушение закона [3, с. 78–79].

Следует заметить, что в отличие от России, в КНР не запрещены технологии ГМО. Законодательство КНР пытается сбалансировать экономически выгодное продвижение сельскохозяйственных ГМО с заботой о потребителях и экологической безопасности. При формулировании Правил управления безопасностью сельскохозяйственных генетически модифицированных организмов (Правил ГМО), Государственный совет изложил их цели следующим образом: усиление управления безопасностью сельскохозяйственных ГМО; охрана здоровья человека и безопасности животных, растений и микроорганизмов; защита экологической среды, а также продвижение исследований технологий сельскохозяйственных ГМО. Руководствуясь этими целями, в КНР выданы сертификаты безопасности ГМО на несколько ГМО-культур собственного производства (томаты, сладкий перец, хлопок и др.), а также лицензии на импорт в КНР нескольких иностранных ГМ-культур (кукуруза, рапс, соя и др.) [10]. Для Китая развитие биотехнологий особенно привлекательно из-за множества преимуществ, которые они могут дать стране.

Трансгенные культуры могут эффективно генерировать большое количество пищи, что позволяет Китаю удовлетворить растущие потребности сельского хозяйства, а также предотвратить ухудшение продовольственной ситуации в стране. При экспоненциальном росте населения необходимо идти в ногу со спросом на продовольствие. Китай должен кормить более 20 % мирового населения на менее чем постоянно уменьшающихся 7 % пахотных земель.

Трансгенные культуры с повышенным производственным потенциалом могут служить бесценными инструментами для достижения этой задачи. Одним из преимуществ ГМО в сельском хозяйстве Китайской Народной Республики является то, что они могут противостоять нашествию насекомых. Каждый год в Китае потери урожая от вредителей составляют миллиарды долларов, причем значительную часть этих потерь можно было бы предотвратить.

Так называемые «защищенные от вредителей» растения могут увеличить урожайность путем врожденного укрепления сельхозкультур против насекомых в течение всего вегетационного периода. Информация, полученная из сельскохозяйственных регионов Китая, где были использованы технологии ГМО, свидетельствует о том, что значительное число трансгенных урожаев эффективно противостоит нашествию насекомых. Например, кукуруза с присущей ей устойчивостью к вредителям увеличила урожайность на целых 6 %.

Трансгенные культуры также могут быть генетически модифицированы для их выживания без применения гербицидов. Трансгенные культуры могут расти при температурах, почвах, погоде и климате, которые обычно запрещают культивирование. Эффективность сельского хозяйства, полученная благодаря биотехнологии, может привести к улучшению состояния окружающей среды для сильно деградирующей экосистемы Китая. Трансгенные культуры, обладающие устойчивостью к насекомым, устойчивостью к гербицидам и другими биотическими и абиотическими преимуществами, могут предотвратить серьезный экологический ущерб, наносимый традиционными культурами.

Наконец, повышение эффективности трансгенных культур может ослабить потребность в освоении дикой природы, воспрепятствовать утрате среды обитания диких животных, что является одной из самых серьезных угроз биологическому разнообразию. В течение следующих двух десятилетий потребности сельского хозяйства страны возрастут по меньшей мере на шестьдесят процентов. Чтобы удовлетворить этот рост, Китай должен не только увеличить эффективность сельскохозяйственного производства, но также должен уделять больше земли для земледелия, потому что решить эту проблему только путем увеличения урожая не получится. Вместе с тем, трансгенные растения могут скрещиваться с естественными родственниками для создания супервидов. Гербицид – толерантные трансгены могут проникать в ДНК дикого сорняка, чтобы произвести «супер-сорняк», который устойчив к гербицидам.

Такие сверхсорняки могут затем размножаться в ущерб окружающим растениям и животным, которые полагаются на эти растения в качестве пищи или убежища. Производным риском является сокращение биоразнообразия, поскольку гибридные сорта вытесняют дикие виды, обрекая их на грань исчезновения [7, Р. 94-101]. Данные угрозы обсуждаются экспертным сообществом Китая, и рано или поздно будут решены. Другой, не менее интересной тенденцией развития сельского хозяйства, как в мире в целом, так и в Китае, является рост востребованности экологически чистой (органической) продукции.

Министерство сельского хозяйства является одним из ключевых игроков в развитии экологически чистого сельскохозяйственного производства. Еще в 2002 г. в КНР был создан орган по сертификации органической продукции для ее продвижения в рамках системы сельскохозяйственного управления. В настоящее время государственные органы становятся все более вовлеченными в этот процесс. Пекин является крупнейшим органическим рынком, на долю которого приходится одна треть от общей стоимости внутреннего рынка, за ним следуют некоторые другие мегаполисы, такие как Шанхай, Гуанчжоу, Нанкин и Шэньчжэнь. Основным каналом продаж органических продуктов питания являются специализированные магазины, супермаркеты и системы доставки на дом, которые являются новыми и стали популяр-

ными в течение последних лет. С 2005 г. начали выпускаться китайские национальные стандарты на органические продукты [8]. Удовлетворение такого спроса неизбежно влечет за собой значительные изменения в фактических методах ведения сельского хозяйства, а меняющийся потребительский спрос учитывается тысячами фермеров, которые стремятся получить надбавку к цене за экологическую чистоту производимого ими продукта [6, р. 16-17]. Данная общемировая тенденция прослеживается и в Китае, отражая местную специфику: наряду с высокими ценами на такую продукцию, делающими ее недоступной для большинства населения, в КНР периодически случаются скандалы, связанные с несоответствием данной продукции стандартам, ввиду чрезмерного загрязнения окружающей среды Китая, особенно почв и водных объектов [5].

Оба указанных выше аспекта выступают составными частями более глобальной проблемы, стоящей перед Китаем, связанной с обеспечением его продовольственной безопасности. При этом следует заметить, что данный тренд на первоочередное обеспечение продовольственной безопасности страны совпадает у КНР и России [4, с. 204–205]. Так, КНР в 2014 г. представил новую стратегию продовольственной безопасности, направленную на обеспечение производства продуктов питания за счет имеющихся внутренних ресурсов, умеренного импорта и использования науки и технологий. В новой стратегии подчеркивается важность обеспечения страны продовольствием за счет внутренних ресурсов, что определяется характером продуктов питания и внутренними условиями Китая. Большое население КНР делает его крупнейшим в мире производителем и потребителем продуктов питания. Из-за опасений, связанных с рисками, возникающими из-за чрезмерной зависимости от импорта, продовольственная самообеспеченность по-прежнему рассматривается как центральный аспект способности Китая поддерживать свою продовольственную безопасность и контролировать свое экономическое и социальное развитие. Новая стратегия продовольственной безопасности призывает к активизации усилий по использованию международных рынков сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственных ресурсов, а также к эффективной корректировке и дополнению внутреннего продовольственного снабжения в качестве стратегического выбора. Наконец, новая стратегия придает большее значение устойчивому развитию сельского хозяйства, признавая, что увеличение внутреннего производства не может быть достигнуто без расплаты за деградировавшую окружающую среду. В 2015 г. Государственный совет уполномочил Министерство сельского хозяйства и другие государственные учреждения выпустить План устойчивого развития сельского хозяйства (2015–2030), в котором определены цели и пути устойчивого сельскохозяйственного развития. Этот план требует, чтобы Китай ускорил развитие ресурсосберегающего, экологически чистого и защищающего экосистемы сельского хозяйства, и принял эффективные меры по изменению режима сельскохозяйственного развития с экстенсивного управления, которое потребляет ресурсы и наносит ущерб окружающей среде, на интенсивное сельское хозяйство.

С учетом таких факторов, как мощьность ресурсов сельскохозяйственного производства, а также экологические особенности территорий, план делит территорию Китая на оптимизированные, умеренные и охраняемые районы развития. Соответственно, в разных областях установлены разные приоритеты для достижения устойчивого развития сельского хозяйства [9].

Таким образом, анализ основных трендов развития аграрного законодательства Китая показывает, что у России и КНР есть много общих проблем, которые решаются с помощью аналогичного правового инструментария. В обеих странах приняты базовые законы о развитии сельского хозяйства, создан специальный орган управления сельским хозяйством, принимаются меры по обеспечению продовольственной безопасности и развитию органического земледелия. В тоже время, многие законодательные приоритеты двух стран не совпадают, что наиболее ярко видно на примере запрета в России производства продукции сельского хозяйства, содержащей ГМО, и поощрением данного сектора сельскохозяйственного производства в Китае. Последний тренд можно объяснить огромным количеством населения КНР, которое необходимо обеспечивать сельскохозяйственной продукцией. Не менее интересным различием в аграрной политике двух стран можно назвать степень актуальности проблем охраны окружающей среды в сельском хозяйстве, что обусловлено намного более высоким уровнем загрязнения сельских экосистем в КНР.

Библиографический список

1. Закон КНР «О сельском хозяйстве». URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/cn/cn157en.pdf> (дата обращения 19.10.2020).
2. Министерство сельского хозяйства КНР. Официальный сайт. URL: <http://russian.agri.gov.cn/nybgk/zyzn/> (дата обращения 19.10.2020).
3. Современное право Китайской Народной Республики (обзор законодательства 1978-2010 гг.). Часть 2 (2002-2010 гг.) / отв. ред. С. А. Горбунова. М., 2012. 192 с.
4. Юй Г. Политика обеспечения продовольственной безопасности Китая в 90-е годы XX века // Научный диалог. 2017. № 10.
5. Agriculture in China: Challenges, Shortages, Imports and Organic Farming. URL: <http://factsanddetails.com/china/cat9/sub63/item348.html> (дата обращения 19.10.2020).
6. Carpenter S. A New Higher Calling in Agricultural Law // Drake Journal of Agricultural Law. 2013. Vol. 18.1.
7. DeBona M. Letting a Hundred Transgenic Flowers Blossom: The Future of Genetically Modified Agriculture in the People's Republic of China // Villanova Environmental Law Journal. 2011. Vol. 22. Issue 1.
8. Qiao Y. Organic Agriculture Development in China. URL: <https://www.organic-world.net/fileadmin/documents/yearbook/2011/qiao-2011-china.pdf> (дата обращения 19.10.2020).
9. Overview of the food and agriculture situation in China // Innovation, Agricultural Productivity and Sustainability in China (OECD Review of Agricultural Policies, 2018). URL: https://www.oecd-ilibrary.org/agriculture-and-food/innovation-agricultural-productivity-and-sustainability-in-china_9789264085299-en?itemId=/content/component/9789264085299-8-en&_csp_=d5fb000ca71f641fc9edb5a4f06fc207&itemIGO=oecd&itemContentType=chapter (дата обращения 19.10.2020).
10. Zhang L. Restrictions on Genetically Modified Organisms: China. URL: <https://www.loc.gov/law/help/restrictions-on-gmos/china.php> (дата обращения 19.10.2020).

УДК 342.736
ББК 67.400.322

А. В. Агеева, К. Ю. Торопова

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В АСПЕКТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Агеева Алена Викторовна – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Сибирского юридического университета; e-mail: yonshi@yandex.ru

Торопова Ксения Юрьевна – ведущий специалист Министерства труда и социального развития Омской области г. Омск, Российская Федерация; e-mail: yonshi@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы нормативно-правового обеспечения процесса реализации электронных обращений граждан в аспекте цифровой трансформации государственного управления. Обоснована актуальность процесса цифровизации государственного управления и внедрения электронных обращений, как средства повышения эффективности коммуникации граждан и орган власти. Цель исследования – на основе анализа современного российского законодательства выявить проблемы правового обеспечения реализации электронных обращений граждан в аспекте цифровой трансформации государственного управления.

Автор выделяет три вида электронных обращений по способам их подачи: 1) посредством электронной почты; 2) при помощи специализированных форм на официальных сайтах органов власти «Электронных приемных»; 3) через специализированные Интернет-порталы.

Автор выявил проблемы нормативно-правового регулирования указанных видов электронных обращений, основной из которых является их недостаточная нормативно-правовая обеспеченность, а также пробельность федерального законодательства в этом вопросе. В процессе цифровизации государственного управления предпринята попытка устранить указанные недостатки федерального законодательства в области электронных обращений граждан за счет локальных правовых актов органов власти. В работе делается вывод, что указанные меры приводят к отсутствию единого понимания электронных обращений и все требования касательно них должны быть закреплены на федеральном уровне в основополагающем документе.

Помимо указанной проблемы, автор выделяет также проблему «низкого ценза» к электронным обращениям, что фактически приводит к обязанности должных лиц рассматривать фактически неподписанные и юридически ничтожные документы. Текущие требования к электронному обращению, устанавливаемые федеральным законодателем, не позволяют достоверно идентифицировать личность заявителя, что может приводить к обращениям недобросовестных заявителей, а в конечном счете опасности хищения персональных данных. Автор считает, что решением указанной проблемы может служить внедрение специализированных Интернет-порталов для обращений граждан.

Ключевые слова: закон, право, обращения граждан, электронное обращение, цифровизация, информационные технологии, государственное управление, государственные органы, государственные услуги, официальный сайт, система идентификации и аутентификации.

A. V. Ageeva, K. Y. Toropova

PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT OF THE IMPLEMENTATION OF ELECTRONIC APPLICATIONS OF CITIZENS IN THE ASPECT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

Alena V. Ageeva – PhD, associate Professor of the Department of constitutional and international law, Siberian law University; e-mail: yonshi@yandex.ru

Ksenia Y. Toropova – Leading Specialist of the Ministry of Labor and Social Development of the Omsk Region, Omsk, Russian Federation; e-mail: yonshi@yandex.ru

Abstract. The article discusses some aspects of regulatory support of the process of implementing electronic applications of citizens in the aspect of digital transformation of public administration. The relevance of the process of digitalization of public administration and the introduction of electronic appeals as a means of increasing the efficiency of communication between citizens and the government is justified. The purpose of the study is to identify the problems of legal support for the implementation of electronic applications of citizens in the aspect of digital transformation of public administration based on the analysis of modern Russian legislation.

The author identifies three types of electronic applications according to the methods of their submission: 1) by e-mail; 2) using specialized forms on the official websites of the authorities of the «Electronic reception»; 3) through specialized Internet portals.

The author has identified the problems of legal regulation of these types of electronic applications, the main of which is their insufficient regulatory support, as well as the lack of federal legislation in this matter. In the process of digitalization of public administration, the indicated shortcomings of the federal legislation in the field of electronic applications of citizens are eliminated due to local legal acts of the authorities. The paper concludes that these measures lead to a lack of a unified understanding of electronic applications and all requirements should be fixed at the federal level in a fundamental document.

In addition to this problem, the author also highlights the problem of «low qualification» for electronic applications, which actually leads to the obligation of officials to consider actually unsigned and legally null and void documents. The current requirements for electronic applications, established by the federal legislator, do not allow to reliably identify the identity of the applicant, which can lead to complaints from unscrupulous applicants, and ultimately the danger of theft of personal data. The author believes that the solution to this problem can be the introduction of specialized Internet portals for applications of citizens..

Keywords: law, appeals of citizens, electronic application, digitalization, information technology, public administration, government authorities, government services, official website, identification and authentication system.

Введение

В современном мире информационно-технический прогресс проникает во все сферы жизни общества. Совокупность общественных отношений в сфере государственного управления является важнейшей частью социально-экономической инфраструктуры. События текущего 2020 года, включающие в себя распространение новой коронавирусной инфекции, самоизоляции большей части людей и подтвержденной опасности нахождения в общественных местах, показали объективную необходимость ускоренной цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации, в особенности, сферы государственных услуг.

Признание необходимости цифровой трансформации государственного управления влечет за собой необходимость научной разработки проблем нормативно-правового обеспечения указанного процесса.

Уже почти 15 лет законодательство Российской Федерации признает возможность обращений в государственные органы (и органы местного самоуправления) в форме электронного документа.

Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ) приравнивает правовой статус электронных обращений к традиционным письменным, что является первым шагом на пути цифровизации сферы государственного управления. Это существенно расширяет возможность реализации права граждан на обращения, закрепленного в статье 33 Конституции Российской Федерации [4].

Мы можем проследить устойчивую тенденцию к ежегодному росту обращений в форме электронного документа. Так можно видеть ежегодный прирост электронных обращений, направляемых Президенту Российской Федерации. Согласно статистической информации, собранной Управлением Президента по работе с обращениями граждан и организаций во II квартале 2020 года из числа поступивших обращений (328 тыс.) 88,8 % обращений поступило в форме электронного документа. Для сравнения в аналогичном периоде 2019 года из общего числа обращений (197 тыс.) только 65,4 % были в форме электронного документа. С целью объективности добавим, что за период 2014–2018 гг. доля обращений, поступивших в электронном виде, находилась на уровне 64 % – 69 % [2]. Таким образом, на рост электронных обращений в 2020 году повлияла не только вынужденная изоляция населения России, но и развитие доступности электронных обращений в связи с их острой необходимостью.

Вместе с тем, несмотря на то, что электронные обращения в органы государственной власти в настоящее время являются распространенным явлением, Федеральный закон № 59-ФЗ не содержит определения понятия «электронное обращение», а также детальных требований ни к виду и содержанию таких обращений, ни к процедуре их рассмотрения.

В связи с такой фактической реализацией в условиях нормативной неурегулированности значительная доля научных исследований посвящена проблемам электронных обращений у таких авторов, как А. В. Савоськин, С. М. Зубарев, С. В. Сабеева, В. В. Комарова, К. Ю. Торопова, О. И. Филонова, Е. Н. Полякова и др.

Вместе с тем, работы указанных исследователей выявляют определенные аспекты проблем реализации электронных обращений, в то время как целесообразным представляется проведение анализа нормативно-правового обеспечения электронного обращения как определенного направления всей цифровизации государственной власти.

Таким образом, цель настоящего исследования – на основе анализа современного российского законодательства выявить проблемы правового обеспечения реализации электронных обращений граждан в аспекте цифровой трансформации государственного управления. К числу основных задач в рамках данного исследования можно отнести:

- 1) сформулировать понятие «электронное обращение» и определить виды электронных обращений по способу их подачи;
- 2) выявить проблемы нормативно-правового регулирования электронных обращений по способу их подачи;
- 3) определить проблемы, связанные с идентификации и аутентификации личности заявителя, предложить пути их решения.

1. Понятие «электронное обращение», виды электронных обращений

Многими исследователями доказано, что основной ролью института обращений граждан является выполнение коммуникативной функции между гражданским обществом и органами власти, роли «обратной связи» между гражданином и органом власти [11]. В этой связи, можно говорить о том, что цель электронных обращений – снизить число препятствий на пути «обратной связи» от гражданина к органу власти, сохранив при этом официальность обращения, его юридическую значимость.

Как верно отразили в своей работе О. И. Филонова, Е. Н. Полякова, что суть цифровой трансформации государственного управления (и электронных обращений) – не в дополнении традиционного правительства, а в поиске и определении качественно иных путей «взаимодействия органов власти и граждан на основе активного использования информационных технологий в целях повышения эффективности государственного управления» [14].

Несмотря на важность и актуальность обращений в виде электронного документа в современном обществе, российское законодательство не дает определение указанного понятия, используя также его синонимы «электронное обращение», «обращения в электронном виде».

Локальные правовые акты, утверждающие положения и инструкции по работе с обращениями граждан, позволяют раскрыть указанное понятие. Однако необходимо отметить, что определение понятий в таких документах достаточно редкий пример.

Так, Положение об организации работы с обращениями граждан в медицинских организациях Белгородской области определяет электронное обращение как обращение гражданина, поступившее в форме электронного документа по электронным каналам связи [5].

В 2019 году Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека подготовлен проект нового Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации», который, учитывая недостатки Федерального закона № 59-ФЗ, определяет электронное обращение как обращение заявителя, поступившее адресату в форме электронного документа на адрес его электронной почты, либо посредством специализированной формы для подачи обращений или личного кабинета на официальном сайте адресата, либо посредством личного кабинета единой системы обработки и хранения обращений [8].

Исходя из смысла названного определения, а также анализируя сегодняшнюю практику работы с электронными обращениями, можно выделить три вида электронных обращений по способам их подачи: 1) посредством электронной почты; 2) при помощи специализированных форм на официальных сайтах органов власти «Электронных приемных»; 3) через специализированные Интренет-порталы. А. В. Савоськин также добавляет направление обращений через электронные терминалы, установленные, например, в органах государственной власти или многофункциональных центрах. Однако, такой вид обращений отличается наименьшим спросом среди граждан, и он не может быть отнесен непосредственно к электронному обращению, поскольку требует личного присутствия заявителя для такого способа подачи обращения [10]. Рассмотрим названные три вида электронных обращений более подробно.

2. Проблема нормативно-правового регулирования электронных обращений по способу их подачи

Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее – Федеральный закон № 8-ФЗ) (часть 1 статьи 10) обязал все органы власти создать в сети «Интернет» свои официальные сайты с указанием адресов электронной почты, по которым может быть направлен запрос и получена запрашиваемая информация [13].

Федеральный закон № 8-ФЗ оперирует понятием «запрос», которое определяет как «обращение» в государственный (муниципальный) орган либо к его должностному лицу о предоставлении информации о деятельности этого органа.

В целом мы можем заметить, что понятия «обращения гражданина», регулируемое Федеральным законом № 59-ФЗ, и «запрос» имеют схожие черты. Вместе с тем, сущность запроса является вопрос получения информации только о деятельности государственного органа. Тогда как Федеральный закон № 59-ФЗ позволяет направлять предложения, заявления или жалобы [12].

Тем не менее, применяя нормы указанных правовых актов в совокупности, федеральный законодатель фактически обязал органы власти рассматривать обращения граждан, поступающие на адрес электронной почты. Однако дополнительного регулирования указанного вопроса российское законодательство не содержит, оставляя его на усмотрение органов власти.

Государственный орган имеет не один электронный адрес, например, на официальном сайте может быть в том числе указаны электронные адреса руководителя государственного органа и его заместителей, отдельных структурных подразделений и т.п.

Проблема недостаточности нормативного регулирования возникает при решении вопроса: обращения, поступившие, на какой электронный адрес, обязательны к рассмотрению.

Проанализировав ряд локальных правовых актов государственных органов, мы можем сделать вывод об отсутствии здесь единообразия.

Например, в Инструкции о порядке рассмотрения обращений граждан и объединений граждан, в том числе юридических лиц, приема граждан в Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, утвержденной приказом Роспотребнадзора от 20.01.2014 № 28, указано, что «обращения в форме электронных сообщений ... направляются по адресу электронной почты Роспотребнадзора: depart@gse.ru» [7]. Аналогичные положения можно увидеть также в инструкциях по работе с обращениями граждан Ространснадзора, Законодательной Думы Томской области и др.

Регламентом работы с документами в Законодательном Собрании Омской области, утвержденного распоряжением Председателя Законодательного Собрания Омской области от 5 апреля 2013 года № 21-од установлено несколько адресов электронных почтовых ящиков в качестве официальных: zakonodatel@omskparlament.ru, sekretov@omskparlament.ru [9].

Большая доля инструкций, определяющих порядок работы с обращениями граждан, на муниципальном уровне, не содержит указаний на конкретный электронный адрес, упоминая лишь факт поступления обращения по электронной почте.

Таким образом, можно сделать вывод, что текущая практика работы по рассмотрению обращений стремиться к тому, чтобы принимать электронные обращения только по офици-

альному электронному адресу. То есть, обращения, направленные непосредственно на электронный адрес должностных лиц государственных (муниципальных) органов рассмотрению не подлежат, хотя в теории не противоречат положениям Федерального закона № 59-ФЗ.

На наш взгляд, с таким подходом нельзя не согласиться, и он должен быть унифицирован для всех органов государственной власти. Наличие официального адреса для приема электронных обращений дисциплинирует заявителей и вносит упорядоченность в систему работы с обращениями граждан, позволяя контролировать объем поступивших электронных обращений.

В большинстве федеральных органов исполнительной власти в целом рассматриваются только обращения, поступившие через электронные приемные.

Например, Инструкция об организации рассмотрения обращений граждан в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации, утвержденная Приказом Минтруда России от 04.02.2015 № 60н, предполагает, что «обращения в форме электронного документа направляются путем заполнения специальной формы на официальном сайте Министерства <http://www.rosmintrud.ru/reception/form>» [6].

Интересно, что электронные приемные (или интернет-приемные) как способ направления электронного обращения практически не урегулирован федеральным законодательством, однако, является основным источником поступления обращений в Управление Президента по работе с обращениями граждан и организаций, Правительство Российской Федерации, федеральные исполнительные и законодательные органы власти, большинство органов власти субъектов, ряд муниципальных органов.

Единственный документ федерального характера, содержащий упоминание об интернет-приемных, – это Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти (утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 № АМ-ПЗ6-89пр). Таким образом, федеральный законодатель не предполагает обязательное создание электронных приемных, а также не регламентирует их форму, требования к обязательности заполнения определенных граф и т.д.

По оценкам исследователей, электронные приемные возникли «стихийно», как форма обратной связи, содержащаяся на сайтах.

По сути электронные приемные – это определенная функция любого сайта, представляющая собой канал обратной связи с заранее определённым адресом электронной почты. Большинство из них не предполагает регистрации заявителя, не дают возможности отслеживать судьбу обращений. Мы видим здесь разрозненность, несистемность правового регулирования данного вида правоотношений.

Вместе с тем, по мнению С. М. Зубарева и С. В. Сабаевой, наиболее востребованной у граждан формой обращения в органы государственной власти становится размещение электронного сообщения на соответствующем сайте, то есть использование электронных приемных. Это объясняется рядом причин, в числе которых: простота подачи электронного обращения по данному каналу, доверие граждан, как к наиболее «официальному» каналу связи [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день объективно существует необходимость урегулирования работы электронных приемных, то есть должна быть «узаконена» фактически существующая процедура.

Следующий способ направления электронных обращений – через специализированные Интернет-порталы – представляется наиболее перспективным. Особенно с точки зрения решения проблем идентификации личности заявителя, а также безопасности персональных данных гражданина, которые будут рассмотрены далее.

Примером такого специализированного Интернет-портала может служить Единый портал государственных и муниципальных услуг (далее – Портал госуслуг).

К portalу госуслуг ежегодно подключается все большее число государственных органов и оказывается доступным получение все большего числа государственных услуг в электронном виде. Работа Портала госуслуг урегулирована специализированными постановлениями Правительства РФ, однако с точки зрения настоящего исследования интересна возможность подачи электронного обращения. В настоящее время пользователем доступна получение различных услуг, в том числе информационного характера, но непосредственного направление заявления, предложения или жалобы в данной системе невозможно.

Вместе с тем, федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (далее – ЕСИА) на Портале госуслуг позволяет решить проблему анонимности электронных обращений с минимальными затратами для пользователей, однако остается открытым вопрос технической возможности подключения всей совокупности адресатов обращений граждан к данной системе.

3. Проблемы идентификации и аутентификации личности заявителя

Необходимо отметить, что Федеральный закон № 59-ФЗ не предусматривает способа проверки «достоверности» электронного обращения, идентификации личности заявителя. По сути достаточные требования для идентификации личности заявителя Федеральный закон № 59-ФЗ устанавливает только для письменных обращений. В электронном обращении гражданин в обязательном порядке указывает свои фамилию, имя, отчество (при наличии), адрес электронной почты, по которому должны быть направлены ответ [12]. То есть в отличие от письменных обращений подпись и дата не являются обязательными реквизитами электронных обращений.

На наш взгляд, такой подход свидетельствует об излишней демократизме, поскольку в условиях Интернет-пространства зарегистрироваться можно под любым именем. По мнению В. В. Комаровой «такое свойство сети «Интернет» как анонимность, вполне может оказать деструктивное влияние на развитие демократических процессов» [3]. Отсутствие обязательного требования подписи электронного обращения усугубила проблему анонимности таких обращений и злоупотреблений со стороны недобросовестных заявителей.

По своей сути указанное требование Федерального закона № 59-ФЗ обязало должностные лица органов власти рассматривать фактически неподписанные и неидентифицируемые электронные документы, что в том числе и создает опасность хищения персональных данных.

Кроме того, вследствие такого «низкого ценза» к электронным обращениям органы власти на практике оказываются «перегружены» заявлениями, предложениями и жалобами, имеющими отдаленное отношение к самому заявителю и проблемным ситуациям в целом.

На наш взгляд, указанную проблему можно решить при помощи внедрения специализированного Интернет-портала для обращений граждан, который бы обеспечивал возможность:

- отправления электронных обращений всем адресатам согласно положениям Федерального закона № 59-ФЗ;
- возможность шифрования и обеспечение безопасности персональных данных заявителя;
- идентификацию и аутентификацию заявителя за счет доступа к ЕСИА.

Заключение

В заключение следует определить основные проблемы нормативно-правового обеспечения реализации электронных обращений граждан в аспекте цифровой трансформации государственного управления в России.

Ключевой проблемой организации работы с электронными обращениями граждан является несовершенство и пробельность нормативно-правового регулирования данной сферы общественных отношений. Норм, содержащихся в Федеральном законе № 59-ФЗ, недостаточно для обеспечения единой, стандартизированной и унифицированной работы государственных органов с электронными обращениями граждан.

На сегодняшний день попытки устранения пробелов федерального законодательства предприняты в локальных правовых актах органов власти, но этого недостаточно. Соответственно, в настоящее время назрела необходимость дополнительного нормативного регулирования электронных обращений, которое определило не только порядок подачи и процедуру рассмотрения обращений, но и формально бы закрепило способы их подачи, а именно: 1) через официальную электронную почту органа власти; 2) при помощи электронных приемных на официальных сайтах органов власти; 3) посредством специализированных Интернет-порталов. Такая мера позволила бы обеспечить единообразие организации работы с электронными обращениями граждан, а также повысила эффективность реализации конституционного права граждан на обращение.

Кроме того, существует объективная необходимость решения проблемы анонимности электронных обращений граждан с целью недопущения обращений недобросовестными заявителями. Решение указанной проблемы представляется возможным за счет внедрения специализированного Интернет-портала для обращений граждан, подключенного к системе ЕСИА.

Библиографический список

1. Зубарев С. М., Сабаева С. В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля // Административное право и процесс. 2019. № 5.
2. Информационно-статистический обзор рассмотренных во II квартале 2020 года обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер // Управление Президента по работе с обращениями граждан и организаций. URL: <http://letters.kremlin.ru/digests/237> (дата обращения: 17.08.2020).

3. Комарова В. В. Электронная демократия – мифы и реальность // Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. № 3.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Приказ Департамента здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области от 31.03.2016 № 374 «Об утверждении положения организации работы с обращениями граждан в медицинских организациях Белгородской области» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Минтруда России от 04.02.2015 № 60н «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ Роспотребнадзора от 20.01.2014 № 28 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения обращений граждан и объединений граждан, в том числе юридических лиц, приема граждан в Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Проект Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации» // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/395/> (дата обращения: 17.08.2020).
9. Распоряжение Председателя Законодательного Собрания Омской области от 05.04.2013 № 21-од «Об утверждении Регламента работы с документами в Законодательном Собрании Омской области» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Савоськин А. В. Способы подачи электронных обращений в России (проблемы правового регулирования и практики) // Информационное право. 2016. № 3.
11. Торопова К. Ю. Институт обращений граждан как механизм повышения эффективности взаимодействия органов власти и населения // Актуальные тренды в экономике и финансах: материалы междунар. науч.-практич. конф. магистрантов, Омск, 26 нояб. 2019 г. / Под ред. д.э.н., доцента В. А. Ковалева и д.э.н., проф. А. И. Ковалева. Омск, 2019. С. 240–244.
12. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
13. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
14. Филонова О. И. Полякова Е. Н. Правовое обеспечение внедрения цифровых технологий в сфере электронных обращений граждан в органы государственной власти // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 4.

УДК 340.134

ББК 67.91

Э. Е. Регушевский, Д. А. Трошина

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОЧНИКИ И ФОРМЫ

Регушевский Эдуард Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права, юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия;

e-mail: ree0505891025@gmail.com.

Трошина Дарья Александровна – студент, юридический факультет Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; e-mail: dasha.concordia@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в отечественном и международном праве в цифровом обществе. Делается разбор явления цифрового общества и анализируются источники права в эпоху цифровых технологий. Объясняется процесс появления информационных справочно-правовых систем и цифровых прав. Отдельно приводятся примеры форм права отечественного и международного, перечисляются конкретные правовые акты.

Ключевые слова: цифровое общество, право, источники права, формы права, информационная справочно-правовая система, цифровые права.

E. E. Regushevskiy, D. A. Troshina

DOMESTIC AND INTERNATIONAL LAW IN A DIGITAL SOCIETY: SOURCES AND FORMS

Eduard E. Regushevskiy – PhD in Law, docent of the Department of History and Theory of State and Law, Faculty of Law of the Taurida Academy of the of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: ree0505891025@gmail.com.

Daria A. Troshina – student of the Faculty of Law of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: dasha.concordia@gmail.com.

Abstract. The article discusses changes in domestic and international law in a digital society. There is an analysis of the phenomenon of a digital society and the sources of law in the digital age. The process of the emergence of computer-assisted legal research and digital rights are explained. Examples of forms of domestic and international law are given and specific legal acts are separately listed.

Keyword: digital society, law, sources of law, forms of law, computer-assisted legal research, digital rights.

Прежде чем перейти к основной теме статьи, следует разобраться с понятиями явлений, о которых будет идти речь. Отечественное право представляет собой национальную правовую систему России. В свою очередь, международное право является отдельной правовой системой – системой правовых норм, регулирующих международные отношения [9, с. 22]. А что такое «цифровое общество»? Это понятие синонимично «информационному обществу», концепция которого была разработана в работах Ф. Маклапа, Ю. Хаяши и Ё. Масуды, П. Дракера

и других ученых [16, с. 22–30]. Оно означает тип общества, главным признаком которого является кардинальное изменение и повышение роли цифровых информационных технологий в общественном развитии. Это современное общество, в котором так или иначе находится каждый гражданин России и любой другой человек, имеющий доступ к цифровым информационным технологиям. Кроме того, в таком обществе, очевидно, складываются общественные отношения, которые требуют их формального регулирования, и, следовательно, разработки и реализации норм правовых систем в таких современных условиях.

Цифровое (информационное) право имеет свои источники. Их можно классифицировать следующим образом. Первый вид таких источников – материальные. Они включают в себя объективные условия, влияющие на формирование цифрового права. К ним могут относиться социальные, экономические, природные явления, научно-технические разработки и т.д. Второй вид источников информационного права – идеальные. Они представляют собой отражение субъектами права правовой действительности в их сознании: как индивидуальном, так групповом и общественном. Соответственно, к этой группе источников в первую очередь относится правосознание. И третий вид – формальные источники. Это уже имеющиеся письменно закрепленные нормы права, но до сих пор не оцифрованные [8, с. 9–10].

Рассмотрим каждый вид источников. К материальным относятся сами предпосылки информатизации общества, которые заключаются в готовности всех сфер жизни общества участвовать в процессе информатизации и развивать ее. В свою очередь, они подразделяются на технические (технологические возможности государства), экономические (согласование потребностей общества с деятельностью монополий, производящих цифровые технологии), политические (демократизация для свободной информационной среды), духовно-культурные (высокая социальная ценность информации и ее доступности, мотивация разных социальных групп к использованию современных информационных технологий, необходимый уровень компьютерной грамотности), социальные (доступность информационных технологий всем слоям общества и удобство их использования) [3, с. 41–43].

А как эти предпосылки повлияли на юриспруденцию? Основное воздействие на нее оказали разработка и распространение правовых электронных информационно-справочных систем. Впервые они были созданы во второй половине 1960-х годов в странах Запада. В 1967 году в Бельгии была разработана система CREDOC. И хотя ее содержание составляют нормы внутреннего и международного права, ее не относят к полноценной справочно-правовой системе. Первой такой системой стала LEXIS-NEXIS, создание которой был начато в том же году. Она содержала полные тексты правовых документов. Революционным событием в истории развития информационных технологий стало массовое распространение и использование персональных компьютеров. Параллельно и благодаря этому процессу происходило и распространение информационных справочно-правовых систем. Таким образом, развитые страны, их население стали использовать новые средства получения правовой информации [7, с. 279–281].

Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 25.06.1975 № 558 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства» положило начало развитию информационных систем отечественного права. Постановлялось организовать централизованную информацию о нормативных актах СССР и союзных республик, а также создать научно-информационный центр, оснащенный современными техническими средствами для поиска и выдачи

информации [11, п. 7]. В 1989 году начал действовать программный комплекс «ЮСИС», разработанный юридическим информационным агентством Intralex. В 1990 году была создана СПС «ГАРАНТ», в 1992 году – «КонсультантПлюс», которые до сих пор являются наиболее популярными среди пользователей [2, 6]. При этом разрабатывались и существуют на данный момент множество других информационных справочно-правовых систем.

Идеальные источники отечественного и международного права в цифровом обществе включают в себя правосознание. Его важнейшим элементом выступают ценности людей. К универсальным ценностям информационного общества относятся демократия, научное знание, свобода личности, власть, основанная на методах убеждения и знаниях (а не на принуждении и насилии), правовое государство и его согласованность с гражданским обществом, многообразные и равноправные формы собственности, развитие технологий, идеологический плюрализм и т.д. [1]. Соответственно, люди стремятся осуществлять свою деятельность по правилам, позволяющим реализовать эти ценности, что находит отражение в праве. При этом возрастает значение информации как таковой, а также современных средств ее получения, обработки, хранения и передачи, то есть цифровых технологий. Кроме того, существует вероятность возникновения информационных угроз цифровой эпохи (кибермошенничество, кибершпионаж, кибертерроризм, вредоносное ПО, спам, превышение полномочий государством и т.д.). Это объективный фактор, который как раз относится к материальным источникам. Однако в связи с таким развитием событий у людей возникают их субъективные потребности в защите от цифровых угроз, осознание своих прав в этой сфере и необходимость их обеспечивать. Появляются так называемые «цифровые права». Они дают человеку возможность к доступу, использованию, созданию и публикации цифровых произведений, к доступу и использованию электронных устройств и коммуникационных сетей, в том числе сети интернет [10, с.395-396]. Итак, к идеальным источникам относятся универсальные ценности цифрового общества и потребности людей в защите своих цифровых прав.

Третья группа источников – формальные. Это формы права, предшествующие возникновению цифрового общества, появлению цифровых прав и форм права в цифровом обществе. К этой категории можно отнести, например, всю нормативно-правовую базу РФ, существующие международно-правовые договоры, обычаи, нормативные резолюции межгосударственных организаций и т.д. [8, с. 10–14].

В данной статье формы права рассматриваются как его внешние формы, то есть способы внешнего выражения системы норм права (отечественного и международного) в цифровом обществе. Следует выделить два аспекта при изучении этой темы. Особенности таких форм права заключаются в том, с помощью чего и в каком виде они закреплены. Первый аспект характеризует достижения в развитии информационных технологий, а именно возможность закрепления прав на цифровых носителях. Например, к ним можно отнести уже описанные выше информационно-справочные правовые системы. Второй аспект относится к виду формы права: нормативно-правовой акт, нормативно-правовой договор, правовой обычай и т.д. Они являются аналогичными видам форм права в еще не цифровом обществе. Отличие заключается лишь в оцифровке содержания форм права и появлении изменений в самом содержании, а конкретно – закреплении цифровых прав. Итак, к формам отечественного и международного права в цифровом обществе относятся оцифрованные нормативно-правовые акты, международные договоры и т.д., доступ к которым происходит через цифровые технологии и любые другие акты, закрепляющие цифровые права.

В ходе 38-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Резолюция «Объединяя усилия: варианты будущих действий». Организация выступила в поддержку показателей «универсальности сети Интернет», которые основаны на принципах П-О-Д-У: права человека (П), открытость интернета (О), доступность (Д), многостороннее участие (У). Их соблюдение было признано необходимым условием обеспечения открытой и безопасной сети Интернет во всем мире [17]. В 2011 г. к правам человека добавилось право на доступ в интернет, в 2017 было добавлено право на анонимность [10, с. 397].

Обеспечение цифровых прав в отечественной юридической практике в последние годы характеризуется принятием множества нормативно-правовых актов. В Конституции РФ присутствует норма, согласно которой «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается» [5, ст. 24, п. 1]. Далее закрепляется, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». При этом «гарантируется свобода массовой информации», «цензура запрещается» [5, ст. 29, п. 4, 5].

В июле 2006 года был принят законы «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [14], «О персональных данных» [12], в марте 2019 года в Гражданский кодекс Российской Федерации в подраздел 3 «Объекты гражданских прав» была введена статья 141.1 «Цифровые права» [4]. В декабре 2016 года Президентом была утверждена действующая в настоящее время Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [15], а декабре 2017 года был издан Указ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [13]. Доктрина представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Стратегия определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов.

Таким образом, с появлением цифрового общества между людьми возникают новые общественные отношения, которые требуют их формального регулирования, то есть разработки и реализации норм правовых систем в таких условиях. Как следствие, изменяется и отечественное, и международное право, начинает формироваться отрасль информационного права. Право в цифровом обществе имеет свои источники: материальные (объективные условия), идеальные (субъективные факторы) и формальные (внешние формы права). Особенности права в современных условиях являются закрепление норм права с помощью цифровых технологий (например, в информационных справочно-правовых системах) и появление изменений в самом содержании актов – возникновение цифровых прав. Примеры таких актов (форм права) есть как в системе международного права, так и в отечественном праве.

Библиографический список

1. Багаутдинов А. М. Универсальные ценности информационного общества. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17741301> (дата обращения: 08.09.2020).
2. ГАРАНТ.РУ: сайт. М., 2020. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 08.09.2020).
3. Гасумова С. Е. Информационные технологии в социальной сфере : учебное пособие. М.: Дашков и К°, 2020. 311 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ): от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019): [Принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/ (дата обращения: 08.09.2020).
5. Конституция Российской Федерации: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ): [принята всенародным голосованием 12.12.1993]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/bcddb9060e44ed6085b65a1af0fb90aa3ef0175/ (дата обращения: 08.09.2020).
6. КонсультантПлюс: сайт. М., 2020. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.09.2020).
7. Левин В. И. История информационных технологий: учебный курс. М.: Интернет-Университет Информационных Технологий (ИНТУИТ): Бином. Лаборатория знаний, 2007. 336 с.
8. Международное право: учебник / К. К. Гасанов, Ю. А. Кузнецов, Д. А. Никонов и др.; ред. К. К. Гасанов. М.: Юнити, 2015. 408 с.
9. Международное право: учебник для бакалавров / А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин, М. В. Андреев и др.; отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков; Казанский (Приволжский) федеральный университет. М.: Статут, 2017. 496 с.
10. Москвин В. В. Защита прав личности в цифровую эпоху / В. В. Москвин. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32455478> (дата обращения: 08.09.2020).
11. О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 25.06.1975 N 558. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1620#02571376163148318> (дата обращения: 08.09.2020).
12. О персональных данных: Федеральный закон N 152-ФЗ от 27.07.2006 (последняя редакция): [принят Государственной Думой 8 июля 2006 г.: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 08.09.2020).
13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 08.09.2020).
14. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон N 149-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 03.04.2020): [принят Государственной Думой 8 июля 2006 г.: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 08.09.2020).
15. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 08.09.2020).
16. Соловьев А. В. Культура информационного общества: учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2013. 276 с.
17. UNESCO.ORG: сайт. Париж, 2019. URL: <https://ru.unesco.org/themes/svoboda-vyrazheniya-mneniy-v-internete> (дата обращения: 08.09.2020).

УДК 337.73(470)
ББК 67.402.23(2Рос)

С. М. Миронова, И. В. Куркин

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНЫХ НЕНАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Миронова Светлана Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС; e-mail: Smironova2017@gmail.com

Куркин Илья Вячеславович – магистрант, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС; e-mail: ilya_kurkin@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования публичных неналоговых платежей. Освещается современная система публичных неналоговых платежей в Российской Федерации. Дается краткая характеристика актуальным источникам правового регулирования публичных неналоговых платежей. Проведен анализ предложений по совершенствованию системы публичных неналоговых платежей. Делается вывод, что в настоящее время перенос неналоговых платежей в Налоговый кодекс РФ не целесообразен в связи с необходимостью стабилизации экономики и снижения предпринимательских рисков в условиях пандемии.

Ключевые слова: Налоговый кодекс Российской Федерации, налоги, публичные неналоговые платежи, реформирование налогового законодательства, сборы.

S. M. Mironova, I. V. Kurkin

MODERN LEGAL REGULATION OF PUBLIC NON-TAX PAYMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Svetlana M. Mironova – PhD in Law, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa Under the President of the Russian Federation; e-mail: Smironova2017@gmail.com

Ilya V. Kurkin – Master's student, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa Under the President of the Russian Federation; e-mail: ilya_kurkin@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of legal regulation of public non-tax payments. The modern system of public non-tax payments in the Russian Federation is covered. A brief description of the actual sources of legal regulation of public non-tax payments is given. The existing proposals for improving the system of legal regulation of public non-tax payments are presented. It is concluded that at present the transfer of non-tax payments to the Tax Code of the Russian Federation is not advisable due to the need to stabilize the economy and reduce business risks in the context of a pandemic.

Keywords: the Tax Code of the Russian Federation, taxes, public non-tax payments, reforming tax legislation, fees.

Одной из ведущих тенденций развития современного фискального законодательства Российской Федерации является увеличение числа публичных неналоговых платежей, к числу которых можно отнести утилизационный сбор, курортный сбор, плату за негативное воздействие на окружающую среду, а также ряд других платежей, имеющих «квазиналоговый» характер. Ключевым вопросом, касающимся законодательного регулирования таких

платежей, является вопрос об их правовом статусе. Решение вопроса о правовой природе указанных платежей имеет не только научно-теоретическое, но и прикладное значение [1, 2, 8].

В теории, законодательстве, а также судебной практике можно встретить различные названия платежей, а также их названия объединяющих их групп. Проведенная в 2015 году ревизия всех платежей позволила выделить такую группу платежей, как неcodифицированные публичные платежи. Как отметили авторы, различные сборы, взносы, отчисления, платы и другие подобные платежи не вполне корректно называют неналоговыми. Это название искажает природу платежей, поскольку их «неналоговый» характер заключается лишь в формальном закреплении вне Налогового кодекса РФ [5, с. 7]. Число таких платежей в России настолько возросло в последние годы, что даже появился термин «параллельная налоговая система» [5, с. 5], которая наряду с системой налогов и сборов, закрепленных Налоговым кодексом РФ, получила широкое распространение.

Как отмечается в литературе, исторически сложилось, что платежи, имеющие одинаковую правовую природу, зачастую именовались по-разному, и наоборот, платежи с различной правовой природой носили сходное наименование [7].

Сам по себе термин «публичный неналоговый платеж» не закреплен действующим законодательством Российской Федерации, а потому является сугубо теоретическим понятием, под которым, в самом общем смысле, принято понимать установленный законодательством Российской Федерации безвозмездный/возмездный неналоговый платеж, как правило, имеющий целевой характер, основной целью взимания которого, в зависимости от вида конкретного платежа, может быть возмещение вреда/предоставление государственной услуги/предоставление определенного права и так далее, а не пополнение бюджетов Российской Федерации различных уровней.

При этом целью введения публичных неналоговых платежей зачастую становится не восстановление и развитие определенной отрасли общественных отношений, в связи с деятельностью субъектов правоотношений в которой осуществляется взимание соответствующего платежа, а пополнение бюджетов Российской Федерации различных уровней.

В качестве наглядного примера – утилизационный сбор. Цель введения утилизационного сбора в законодательство Российской Федерации была скорее фискальной – увеличение собираемости денежных средств в качестве доходов бюджетов различных уровней Российской Федерации, нежели регулятивной – защита здоровья людей и окружающей среды, перераспределение собираемых средств на затраты, понесенные плательщиками утилизационного сбора, поддержка сфера рециклинга автомобилей (повторного использования или возвращения в оборот отходов производства или мусора). Денежные средства, поступаемые в результате уплаты утилизационного сбора, зачисляются в федеральный бюджет и, в большинстве своем, используются на цели, не связанные с теми, что обозначены в предыдущем абзаце. При этом презюмирующий целевой характер утилизационного сбора размывается перераспределительным механизмом бюджетно-налоговой системы.

Учитывая характер публичных неналоговых платежей, а также их презюмируемое целевое назначение, вопрос о формировании единой законодательной базы, которая бы позволила придать системный характер правоприменению в указанной сфере общественных отно-

шений, стоит достаточно остро. В частности, указанной проблеме была посвящена часть Послания Президента РФ Федеральному собранию 3 декабря 2015 года. В нем была подчеркнута необходимость создания целостного порядка администрирования всех фискальных платежей, в том числе имеющих неналоговую природу. Кроме того, Федеральному собранию было поручено разработать разные варианты решения вопроса о едином механизме администрирования обозначенных публичных платежей. Безусловно, данному вопросу и раньше уделялось значительное внимание. Однако провозглашение указанного направления законодательной деятельности на столь высоком уровне ознаменовало начало бурного обсуждения будущей модели правового регулирования указанных публичных платежей среди представителей научного сообщества, а также практикующих работников [1, 3, 4, 6, 8].

Важность формирования системного подхода в правовой регламентации публичных неналоговых платежей объясняется их долей в общей фискальной нагрузке. В настоящий момент законодательство Российской Федерации насчитывает порядка 50 платежей, из которых примерно 15 аналогичны налогам, а остальные – сборам.

Превалирование и разнообразие такого вида платежей объясняется как экономической целесообразностью, так и относительно простой процедурой их введения. Последнее отмеченное обстоятельство совсем не означает, что установление системной правовой регламентации указанных публичных платежей должно способствовать формированию произвольного подхода в их установлении и введении. Имеющая место практика введения в действие публичных неналоговых платежей посредством их текстуально-правового закрепления в подзаконных нормативных правовых актах (показателен пример с, так называемой, системой «Платон», взимание обязательного платежа по которой происходит на основании Постановления Правительства РФ от 14.06.2013 № 504) не просто не соответствует действующему законодательству о налогах и сборах, но и противоречит ключевым конституционным положениям.

Правовая природа некоторых публичных неналоговых платежей не просто схожа с налоговыми платежами, закрепленными в Налоговом кодексе Российской Федерации, но и, по сути, является идентичной им. Так почему же тогда законодатель, используя правовую фикцию в виде исключения из сферы правового регулирования налогового законодательства публичных неналоговых платежей, допускает их введение и правовое регулирование нормативными правовыми актами, имеющими разную юридическую силу, в том числе и подзаконными нормативными правовыми актами?

Как было отмечено ранее, в настоящее время законодательство Российской Федерации предусматривает порядка полусотни публичных неналоговых платежей, регулирование каждого из которых осуществляет разными нормативными правовыми актами, принятыми в разных областях правового регулирования, отличных от отрасли правового регулирования налогового законодательства. Вышеуказанное создает ситуацию правовой неопределенности, что создает вполне конкретные трудности правоприменителям, а также плательщикам указанных публичных неналоговых платежей.

Вышеуказанные публичные неналоговые платежи создают не только дополнительное «квазиналоговое» бремя для плательщиков таких платежей, но и увеличивают нагрузку на государственные и муниципальные органы, осуществляющие их администрирование.

Кроме того, ситуация, в соответствии с которой публичные неналоговые платежи не подпадают под действие общих норм налогового законодательства, определяющих порядок

возникновения обязанности по осуществлению платежа, ее исполнения и взимания таких платежей, создает для административных органов проблему, согласно которой использование норм налогового законодательства не допускается, а специальные нормативные правовые акты, которыми установлены соответствующие публичные неналоговые платежи, не предусматривают ряд процессуальных норм, необходимых при администрировании таких платежей.

К основным источникам правового регулирования отдельных видов публичных неналоговых платежей следует отнести:

- 1) Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ – плата за пользование водными объектами;
- 2) Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ – плата за пользование лесными объектами;
- 3) Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» – утилизационный и экологический сборы;
- 4) Федеральный закон от 29.07.2017 № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» – курортный сбор;
- 5) Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» – плата за негативное воздействие на окружающую среду;
- 6) Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» – отчисления в резерв универсального обслуживания;
- 7) Постановление Правительства РФ от 14.06.2013 № 504 – плата в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн;
- 8) Постановление Правительства РФ от 06.02.2016 № 81 «Об утилизационном сборе в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»;
- 9) Приказ Минсельхозпрода РФ от 16.07.1999 № 543 «Об утверждении Перечня сборов, взимаемых органами Гостехнадзора» – сборы, взимаемые органами государственного надзора за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники в Российской Федерации;

и ряд других нормативных правовых актов.

Как видно из представленного выше, правовое регулирование публичных неналоговых платежей, имеющих налоговую природу, носит разрозненный характер, осуществляется в рамках нормативных правовых актов разного уровня и правовой силы. Указанное создает ситуацию правовой неопределенности в регулировании соответствующей области правовых отношений, наиболее близко связанных с налоговыми правоотношениями.

Ситуация, когда публичные платежи, в том числе обязанность по их уплате, установлены подзаконными нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации или, того больше, подзаконными нормативными правовыми актами различных правительственных ведомств и министерств, исключает возможность системного регулирования такого рода платежей, делая их плательщиков заложниками ситуации, при которой увеличе-

ние «квазиналогового» бремени может происходить в произвольном порядке, без предварительного согласования и утверждения высшими законодательными органами государственной власти.

После Послания Президента РФ в 2015 году вопрос о необходимости реформирования системы неналоговых платежей был поставлен на уровне Правительства РФ: 28 октября 2016 года Правительством РФ был утвержден План мероприятий по систематизации неналоговых платежей и формированию единого перечня неналоговых платежей, закреплению в законодательстве Российской Федерации единых правил установления, исчисления и взимания таких платежей, а также повышению эффективности их администрирования. Следует согласиться с Е. Васяниной, что систематизация фискальных взиманий – ключевой элемент единой правовой концепции регулирования публичных доходов [1].

Одной из важных задач на первоначальном этапе являлось это выявление всех уже имеющих платежей и запрет на установление новых. Министерству финансов России, Минэкономразвития России, с участием Торгово-промышленной палаты Российской Федерации и Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей» было поручено проведение инвентаризации существующих платежей, уплачиваемых субъектами предпринимательской деятельности, формирующих доходы бюджетов или остающихся в распоряжении государственных или муниципальных учреждений и иных организаций, выполняющих государственные функции. Итогом данной работы стало формирование перечня неналоговых платежей, уплачиваемых субъектами предпринимательской деятельности.

Работа по инвентаризации неналоговых платежей началась еще раньше – в июле 2015 г. Торгово-промышленная палата РФ проводила исследование, целью которого стал поиск путей повышения социально-экономической эффективности взимания неcodифицированных публичных платежей (уменьшения общественных издержек и повышения общественных выгод от их взимания), соответствующего снижения нагрузки на бизнес, повышения уровня развития экономики и права в стране. Был проведен опрос хозяйствующих субъектов об оценке ими бремени и порядка взимания неcodифицированных публичных платежей. Результатом исследования стала книга «Налоговая реформа: ревизия «параллельной налоговой системы». Впервые в России был использован термин «параллельная налоговая система», которая, по мнению авторов, состоит из нескольких десятков платежей, аналогичных налогам и сборам и нуждается в ревизии [5, с. 19–20]. Данное исследование легло в основу дальнейшей работы, проводимой по поручению Правительства РФ.

Также одним из мероприятий было обозначено введение моратория на установление новых уплачиваемых субъектами предпринимательской деятельности платежей, формирующих доходы бюджетов (за исключением налогов и сборов, таможенных и иных пошлин, страховых взносов на обязательное социальное страхование), а также платежей, остающихся в распоряжении государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, выполняющих государственные функции, до принятия федерального закона, устанавливающего общие требования к порядку их исчисления, размерам и срокам введения в действие. Это должно способствовать обеспечению неизменности фискальной нагрузки на субъектов предпринимательской деятельности. Следует отметить, что данный мораторий распространялся только на

предпринимателей, в связи с этим введение новых платежей с иных субъектов было продолжено, например, в 2017 году был введен курортный сбор.

Закрепление единых принципов установления и взимания неналоговых платежей субъектов предпринимательской деятельности, а также их систематизация и унификация должно было быть реализовано в виде проекта федерального закона. В 2017 году на общественное обсуждение был вынесен проект Федерального закона «О регулировании отдельных обязательных платежей юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Была установлена следующая цель федерального закона: определение единых правил установления, исчисления и взимания отдельных обязательных платежей, которые уплачиваются юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, иностранными лицами. Проект закона носил рамочный характер и не предполагал регулирование конкретных неналоговых платежей, а только их общие положения.

Следует отметить, что среди ученых не сложилось единого подхода о том, нужен ли данный законопроект, систематизировать ли неналоговые платежи в рамках данного закона, или внести часть из них в Налоговый кодекс РФ [6]. Законопроект подвергался критике в литературе, поскольку не охватывал все обязательные платежи [8]. Он так и не был внесен в Государственную Думу РФ.

9 августа 2017 года Правительством РФ был утвержден новый План мероприятий по систематизации неналоговых платежей и формированию единого перечня неналоговых платежей, закреплению в законодательстве Российской Федерации единых правил установления, исчисления и взимания таких платежей, а также повышению эффективности их администрирования, скорректированный в соответствии с осуществляемой работой по систематизации неналоговых платежей.

По итогам Совещания правительства РФ по экономическим вопросам 16 марта 2018 года, на котором обсуждался вопрос о систематизации неналоговых платежей, был дан ряд поручений (резолуция от 16 марта 2018 года № ДМ-П13-10пр).

Было принято решение отказаться от отдельного федерального закона о неналоговых платежах и внести часть платежей в Налоговый кодекс РФ, распространив на эти платежи все требования к налогам и сборам. Следует отметить, что в научной литературе нет единства по вопросу, должны ли неналоговые платежи регулироваться отдельным федеральным законом или они должны быть включены в Налоговый кодекс РФ [6].

Осенью 2018 года был разработан и вынесен на публичное обсуждение проект федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части включения отдельных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации)». В первоначальной редакции законопроекта в Налоговый кодекс РФ планировалось включить следующие платежи:

- экологический налог (предполагается, что данный налог заменит собой плату за негативное воздействие на окружающую среду, предусмотренную Федеральным законом «Об охране окружающей среды»);
- утилизационный сбор (вводится взамен существующих экологического и утилизационного сборов, взимаемых в соответствии с Федеральным законом от 24.06.1998 N 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»);

- сбор за пользование автомобильными дорогами федерального значения (введение указанного сбора предусматривает замену действующего неналогового платежа – платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн);

- налог на операторов сети связи общего пользования (это новый платеж, налоговой базой для расчета которого будут являться доходы, полученные от оказания услуг связи абонентам и иным пользователям в сети связи общего пользования, со ставкой налога в размере 1,2 процента);

- гостиничный сбор (это новый сбор, уплачиваемый организациями и физлицами, осуществляющими деятельность по оказанию гостиничных услуг, услуг по временному размещению и (или) обеспечению временного проживания. Полномочия по установлению конкретных ставок предлагается предоставить органам местного самоуправления, в НК РФ предполагается закрепить лишь максимальное значение).

Не все из указанных платежей полностью соответствовали тем неналоговым платежам, которые действуют вне рамок Налогового кодекса РФ. Например, гостиничный сбор не является «наследником» курортного сбора в полной мере, а представляет собой новый платеж, правовая природа данных платежей не совпадает [4]. Бурное обсуждение вызвало объединение действующих в настоящее время двух отдельных платежей – утилизационного сбора и экологического сбора, поскольку их различный порядок установления в настоящее время не позволяет объединить их без ущерба тем целям и задачам по экологической безопасности, которые ставились при их введении.

Предполагалось, что закон будет принят с 1 января 2020 года, за исключением гостиничного сбора, ввод которого планировался с 1 января 2022 года, после окончания эксперимента по курортному сбору. Но первоначальные планы были скорректированы после обсуждений с предпринимательским сообществом.

В феврале 2020 года Правительством Российской Федерации принято решение об имплементации в Кодекс на первом этапе только трех неналоговых платежей – утилизационного сбора (в части колесных и самоходных транспортных средств), обязательных отчислений операторов сети связи общего пользования и курортного сбора, а также отдельных неналоговых платежей в качестве государственной пошлины.

Общественное обсуждение обновленного законопроекта должно было завершиться в марте 2020 года. С 13 по 23 апреля 2020 г. Минэкономразвития России были проведены дополнительные публичные консультации с представителями предпринимательской и иной деятельности, оценены риски внесения указанных платежей в Налоговый кодекс РФ, после чего дано отрицательное заключение об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона. Следует отметить, что одним из ключевых факторов, который способствовал этому, является ситуация, вызванная пандемией, что отрицательно сказывается на предпринимательский климат и функционирование экономики. В таких условиях изменение налоговой системы не целесообразно. Так, в Заключении Минэкономразвития России отмечается, что «в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции и соответствующего снижения деловой активности и платежеспособного спроса считаем, что

введение дополнительных налоговых обременений в виде, например, гостиничного сбора нецелесообразно и противоречит принимаемым Правительством Российской Федерации мерам по поддержке субъектов малого и среднего бизнеса». В связи с этим необходимым сохранить действующий порядок исчисления ряда неналоговых платежей с учетом принимаемых Правительством Российской Федерации мер по стабилизации эпидемиологической и экономической ситуации и позже повторно проработать возможность и необходимость включения неналоговых платежей в НК РФ совместно с деловым сообществом. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов не содержат каких-либо положений о внесении изменений в Налоговый кодекс РФ в части перевода туда неналоговых платежей.

Таким образом, следует сделать вывод, что в современной экономической ситуации нецелесообразно менять действующую систему публичных неналоговых платежей, поскольку в современной неблагоприятной ситуации на первый план выходит необходимость поддержки предпринимателей, а не дестабилизация налоговой системы.

Библиографический список

1. Васянина Е. Л. Систематизация фискальных взиманий – ключевой элемент единой правовой концепции регулирования публичных доходов // *Налоги*. 2017. № 3.
2. Копина А. А., Копин Д. В. Курортный сбор: история, зарубежный опыт и перспективы // *Налоги*. 2016. № 20.
3. Копина А. А. Проблемы реализации компенсационной функции утилизационного сбора // *Финансовое право*. 2017. № 8.
4. Миронова С. М. Курортный сбор или гостиничный сбор: перспективы изменения законодательства // *Финансовое право*. 2019. № 9.
5. Налоговая реформа: ревизия «параллельной налоговой системы» / Торгово-промышленная палата Российской Федерации. М., 2015. URL: <http://council.gov.ru/media/files/D2p00xwQno4AK2ORI36GyA1yFatjixC2.pdf>
6. Неналоговые платежи в российском законодательстве: грядет систематизация? // *Закон*. 2018. № 3.
7. Реут А. В. Государственная пошлина как категория налогового права // *Финансовое право*. 2006. № 3.
8. Финансово-правовое регулирование обязательных платежей, уплачиваемых в федеральный бюджет Российской Федерации / под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2018. 288 с.

УДК 349.6(470)
ББК 67.407.42(2Рос)

А. Ю. Чикильдина

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ УНИКАЛЬНЫХ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чикильдина Анна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС; e-mail: chikildinaanna@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье автор анализирует правовое регулирование уникальных водных объектов как самостоятельный правовой институт в отечественной правовой системе. Выявляет специфику охраны таких объектов на примере озера Байкал, Каспийского моря и Ладожского озера. Формулирует предложения по совершенствованию российского законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: водные объекты, охрана вод, Каспийское море, озеро Байкал, уникальные водные объекты, восстановление водных ресурсов, Ладожское озеро.

A. Yu. Chikildina

LEGAL ASPECTS OF THE PROTECTION OF UNIQUE WATER BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Anna Yu. Chikildina – PhD in Law, Associate Professor, Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa Under the President of the Russian Federation; e-mail: chikildinaanna@yandex.ru

Abstract. In this article, the author analyzes the legal regulation of unique water bodies as an independent legal institution in the domestic legal system. Reveals the specifics of the protection of such objects on the example of Lake Baikal, the Caspian Sea and Lake Ladoga. Formulates proposals for improving Russian legislation in this area.

Keywords: water bodies, water protection, Caspian Sea, Lake Baikal, unique water bodies, restoration of water resources, Lake Ladoga.

Актуальность темы определяется тем, что водные объекты являются стратегически важными природными объектами и должны быть защищены российским и зарубежными государствами для здоровья своих граждан и человечества в целом. Россия – одна из самых богатых водой стран: здесь более 30 тыс. м³ воды на одного жителя в год, в ней насчитывается более 120 тысяч рек с общим объемом 4691 км³, большая часть этого объема (4538 км³) сформирована в пределах России, и 153,2 км³ поступает с территорий сопредельных государств.

В разных правовых системах мира созданы комплексные юридические механизмы для охраны водных объектов, и отдельное внимание уделяется охране водных объектов, имеющих особое экологическое значение, так называемым «уникальным водным объектам». Например, в России примером такого объекта является озеро Байкал. Байкал находится в Восточной Сибири, на границе с Иркутской областью и Республикой Бурятия. Оно занесено в список всемирного наследия ЮНЕСКО и бьет рекорды практически во всем. Это самое глубокое

озеро на планете, а также его крупнейший пресноводный заповедник. Площадь озера составляет более 14 тыс. м². Это больше, чем Бельгия или Крымский полуостров. Флора и фауна Байкала уникальны [5].

Вторым примером уникального водного объекта является Каспийское море. Каспий расположен на юге России, и его береговую линию также разделяют Казахстан, Иран, Туркменистан и Азербайджан. Его максимальная глубина – 3363 фута. Средняя глубина – 978 футов (его мелкая северная часть – от 13 до 82 футов). Несмотря на то, что Каспий называют морем, на самом деле это озеро, и, кроме того, это самое большое озеро с точки зрения площади поверхности на планете (по объему это 10 озер как Байкал или почти вся Япония). На Каспии нет ни одной реки, и она не связана с мировым океаном. Однако в него впадают несколько рек: Волга, Урал, Терек и другие. Из-за этого притока пресной воды Каспий является лишь немного соленым, конечно, не таким соленым, как морская вода. Для сравнения: в Атлантическом океане средняя соленость составляет 35 %, а в Каспийском – 12 %. Каспий является местом обитания наибольшего количества видов осетровых в мире; на озеро приходится 90 % мирового производства икры.

В-третьих, к уникальным водным объектам можно отнести Хантайское озеро. Это сравнительно небольшое озеро с площадью всего 317 м², глубина его достигает 420 м, уступая по этому параметру в России только Байкалу, Каспийскому морю и, возможно, озеру Лама. Оно малоизвестно даже в России. Оно расположено в северной части Сибири – на полуострове Таймыр в Красноярском крае. Это за Полярным кругом, в зоне вечной мерзлоты. Вода от тающего снега составляет половину объема озера. Несколько рек впадают в него. Озеро связано с Енисей, самой большой рекой в Красноярском крае. Его приток начинается от озера Малое Хантайское (Малое Хантайское), откуда через канал продолжается до самого озера Хантайское. Животный мир здесь беден, и свойства воды изучены недостаточно хорошо из-за труднодоступности. Добраться сюда можно только на вертолете – к озеру было организовано всего несколько экспедиций – в основном гидрогеологами, которые изучали тектоно-ледниковый бассейн, в котором находится озеро.

Четвертым в списке «уникальных водных объектов» числится Телецкое озеро. Еще одно озеро из списка ЮНЕСКО, своеобразное небольшое озеро Байкал, Телецкое озеро находится в горах Алтая. Он считается одним из самых популярных туристических направлений Алтая. Озеро имеет многочисленные острова, заливы, пещеры и водопады, а его берега усеяны живописными хвойными деревьями, такими как кедр, пихта, ель и сосны. Площадь озера составляет 86 кв. Миль. Река Бия – приток реки Оби (которая в свою очередь впадает в Карское море) – берет свое начало здесь. И в него впадает огромное количество рек, самая большая из которых – Чулышман – обеспечивает большую часть воды озера.

Приведем также пятый пример – Курильское озеро. Это скалистое озеро на отдаленном Камчатском полуострове образовалось в кальдере одного из его многочисленных вулканов. Вся территория является заповедником под охраной ЮНЕСКО. Озеро является истоком реки Озерной, впадающей в Охотское море. На берегу озера есть горячие минеральные источники. Здесь можно встретить бурого медведя, который ловит рыбу. Кстати, большое количество лососевых нереста нерестится в Курильском озере. Мы считаем этот список можно дополнить и таким объектом как Озеро Лама. Это озеро тектонического происхождения (то есть возникшее в далеком прошлом в результате сдвига тектонических плит) находится в 40 милях

от города Норильска за Полярным кругом. Это в уникальном и недоступном месте. Кроме озер в число уникальных водных объектов нередко включают реки и моря.

Правовой статус уникальных водных объектов определяется в отечественной правовой системе. Таким образом, современное российское законодательство в области охраны водных объектов включает в себя различные источники. Основополагающим из них является Конституция РФ, где в ст. 58 сказано, что каждый обязан охранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, которые являются основой устойчивого режима развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории России [3].

Современное состояние правового регулирования охраны отдельных уникальных водных объектов нельзя оценить однозначно на высоком уровне, и следует рассмотреть отдельные тенденции совершенствования законодательства в этой сфере.

Согласно Водному кодексу Российской Федерации водный объект представляет собой природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима.

Федеральный проект «Сохранение уникальных водных объектов» – один из 11 федеральных проектов Национального проекта «Экология». Реализуется с 1 января 2019 года по 25 декабря 2024 года. Целью проекта является сохранение уникальных водных объектов за счёт восстановления и экологической реабилитации, расчистки участков русел рек, очистки от мусора берегов и прибрежной акватории озёр и рек, в том числе озера Байкал, Телецкого, Ладожского и Онежского озёр, рек Волги, Дона, Оби, Енисея, Амура, Урала, Печоры. Реализация федерального проекта позволит улучшить экологическую обстановку и создать комфортные условия проживания для населения за счёт улучшения состояния водных экосистем.

К уникальным водным объектам относятся водные объекты, отвечающие одному из критериев:

- водный объект находится в границах объекта (территории), включённого в реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или является непосредственным объектом международного соглашения (меморандумов, договоров и пр.);
- водный объект используется в целях обеспечения питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения населения;
- водный объект является средой обитания ценных видов рыб, эндемичных растений и животных;
- водный объект находится в границах поселений и активно используется населением в рекреационных целях.

Основными направлениями реализации федерального проекта являются:

- восстановление и экологическая реабилитация водных объектов, которая позволяет восстановить способность водных объектов к самоочищению и воспроизводству компонентов водных экосистем. Под экологической реабилитацией водных объектов подразумевается комплекс инженерных, санитарно-гигиенических и ландшафтных мероприятий, направленных на исключение деградации водных объектов и улучшение состояния гидрологической сети;
- ликвидация мелководий, расчистка устьевых баров и очистка акваторий от плавающего мусора для улучшения экологического состояния озёр и водохранилищ, а также расчистка русел рек и лож озёр для улучшения экологического состояния гидрографической сети.

Мероприятия позволят улучшить экологическое состояние водных объектов и снизить антропогенное воздействие на объекты гидрографической сети в целом, улучшить состояние водных экосистем как необходимого фактора для восстановления видового разнообразия и обеспечения условий для воспроизводства водных биоресурсов;

- очистка от мусора берегов и прилегающих акваторий озёр и рек с привлечением волонтерского движения, что позволит сформировать в сознании населения основные принципы бережного отношения к водным объектам, как к уникальным, жизненно важным ресурсам для населения страны в целом.

Основные показатели реализации федерального проекта:

- протяжённость очищенной прибрежной полосы водных объектов – не менее 9 тыс. км;
- площадь восстановленных водных объектов – не менее 23,5 тыс. га;
- протяжённость расчищенных участков рек – не менее 260 км;
- количество населения, вовлечённого в мероприятия по очистке берегов водных объектов – не менее 4,5 млн человек;
- количество населения, улучшившего экологические условия проживания вблизи водных объектов – не менее 4,8 млн человек;
- создание 4 объектов инфраструктуры, направленных на снижение негативного воздействия на Телецкое озеро.

Однако окончательный перечень водных объектов, которые можно отнести к уникальным ни в законодательстве, ни в науке не сформулирован. Например, Каспийское море – крупнейший в мире замкнутый бессточный водоем, который также относят к уникальным. Уникальность Каспийского моря определяется не только его физико-географическими характеристиками, но и биологическим разнообразием флоры и фауны. Здесь обитает более 500 видов растений и 850 видов животных, включая крупнейшее стадо осетровых рыб (90 % мирового запаса). Экологические проблемы Каспийского региона вызваны преимущественно антропогенным воздействием и приводят к ухудшению здоровья и условий жизнедеятельности населения, истощению биологических ресурсов, загрязнению окружающей природной среды и деградации водных и наземных экосистем. Антропогенная нагрузка на акваторию Каспия носит комплексный характер и включает такие факторы, как судоходство, рыболовство, загрязнение моря из наземных источников, загрязнение сточными водами рек, впадающих в Каспий. В последнее время к факторам антропогенного воздействия добавилась добыча нефти и газа, а также транспортировка нефти водным путем.

Правовой статус Каспийского моря регулируется Конвенцией, которая представляет собой международный договор между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном, подписанный 12 августа 2018 года в рамках Пятого каспийского саммита в казахстанском городе Актау. Как и всякое международное соглашение, Конвенция 2018 г. начинается с преамбулы, в которой, исходя из жизненно важного значения Каспийского моря и исключительных суверенных прав сторон. Одни из главных целей Конвенции в отношении Каспийского моря и его ресурсов, выражаются в развитии и укреплении сотрудничества между ее участниками, а также рациональному использованию ресурсов, изучению, защите и сохранению его природной среды.

В статье 1 Конвенции содержатся определения Каспийского моря, исходных линии, внутренних вод, территориальных вод, рыболовной зоны, общего водного пространства, совместных биологических ресурсов и того, что понимается под загрязнением. Тем самым мы видим, что Каспийское море не является ни морем, ни озером, имея особый правовой статус. Это объясняется набором специфических географических, гидрологических и иных характеристик. Оно представляет собой внутриконтинентальный водоем, который не имеет прямой связи с Мировым океаном, и поэтому не может рассматриваться в качестве моря. Но одновременно в силу своих размеров, состава воды и особенностей дна Каспий не может считаться и озером.

Новшеством договорно-правового определения международно-правового статуса Каспийского моря стало право прикаспийских государств на установление рыболовной зоны шириной 10 морских миль, прилегающую к территориальным водам. В своей рыболовной зоне государство обладает правом на осуществление промысла водных биологических ресурсов. По правовому статусу рыболовная зона тождественна с исключительной экономической зоной, поскольку прибрежное государство вправе осуществлять досмотр, инспекцию, задержание и судебное преследование иностранных судов.

Теперь перейдем к анализу правового регулирования сохранения озера Байкал. Правовое регулирование в области охраны озера Байкал в настоящее время осуществляется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об охране окружающей среды», Федеральным законом «Об охране озера Байкал» (далее - Федеральный закон № 94-ФЗ), а также Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях».

В настоящий момент для охраны уникальной экологической системы озера Байкал на Байкальской природной территории установлен особый режим хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой согласно принципам приоритета деятельности, которая не приводит к нарушению экологической системы озера Байкал и природных ландшафтов его водоохранной зоны; учета комплексности воздействия хозяйственной и иной деятельности на уникальную экосистему Байкала; сбалансированности решения социально-экономических задач и задач охраны экосистемы Байкала на принципах устойчивого развития; обязательности государственной экологической экспертизы. Закон выделяет три вида зон: центральную (включает озеро Байкал с островами, прилегающую к нему водоохранную зону, ООПТ, прилегающие к Байкалу); буферную (территория за пределами центральной экологической зоны, куда входит водосборная площадь Байкала в пределах границ России); зону атмосферного влияния (территория вне водосборной площади озера Байкал в пределах территории Российской Федерации шириной до двухсот километров на запад и северо-запад от него, где расположены хозяйственные объекты, чья деятельность оказывает негативное воздействие на Байкал) [2].

Правовой режим озера и прилегающей к нему территории (Байкальской природной территории) отчасти напоминает режим охраны национального или природного парка (по причине внутреннего зонирования). Центральная зона находится под особой охраной. Правительством Российской Федерации определены виды деятельности, запрещенные в центральной экологической зоне (заготовка древесины, живицы, добыча руд, нефти и природного газа, разведка и разработка новых месторождений и т.д.).

Учитывая количество ограничений деятельности в центральной зоне, при определении ее границ, необходимо учитывать, что хозяйственная деятельность в границах данной зоны

может оказаться парализованной, и тогда устойчивое экономическое развитие зоны будет под угрозой. Поэтому нельзя допустить, чтобы жители огромной территории не смогли заниматься привычной деятельностью и покинули свои населенные пункты в поисках работы, примеров чему достаточно в особо охраняемых природных территориях. С другой стороны, наличие жесткой системы запретов и ограничений обусловлено тем, что озеро Байкал является уникальным и самым древним (25 млн лет) озером, не случайно отнесенным к объектам всемирного наследия.

Еще одним уникальным природным объектом, который нуждается в особой охране, является Ладожское озеро, крупнейший пресный водоем Европы. Он является единственным безальтернативным источником водоснабжения крупнейшего промышленного, политического и культурного центра страны Санкт-Петербурга, ряда городских и сельских поселений Республики Карелия и Ленинградской области. Велико хозяйственное, рекреационное, социальное, политическое, экологическое значение Ладожского озера. Поэтому состояние его экосистемы заслуживает пристального внимания не только жителей и органов государственной власти ряда субъектов Российской Федерации Северо-Запада нашей страны, образованных в них органов местного самоуправления, но и всего российского общества и государства, а также соседних стран.

Одним из средств сохранения и восстановления благоприятной окружающей среды Ладожского озера, предотвращения негативного воздействия на него, воспроизводства его природных ресурсов выступает правовое регулирование общественных отношений, складывающихся в данной сфере. До настоящего времени регламентация последних осуществлялась нормативно-правовыми актами Российской Федерации, ее субъектов, правовыми актами органов местного самоуправления, относящимися к отдельным отраслям российского права, прежде всего водного.

Вместе с тем отсутствует специальный федеральный закон, посвященный охране Ладожского озера. Это значительно снижает действенность усилий, предпринимаемых федеральными и региональными органами власти, муниципальными образованиями, юридическими лицами, гражданами и общественными объединениями по решению экологических проблем данного объекта. Продолжается ухудшение экологического состояния Ладожского озера [4, с.58].

Для этого необходимо принять Федеральный закон «Об охране Ладожского озера», в содержании которого будет положена сохранения и улучшения состояния экологической системы Ладожского озера посредством правовой регламентации деятельности всех участников общественных отношений, воздействующих на этот уникальны природный объект.

Федеральный закон позволит урегулировать общественные отношения в сфере экологической охраны Ладожского озера, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов его экологической системы в соответствии с рядом принципов. Ими прежде всего являются приоритет охраны экологической системы Ладожского озера перед использованием природных ресурсов Ладожского озера, регулирование общественных отношений в области охраны Ладожского озера исходя из взаимосвязи всех компонентов экологической системы Ладожского озера как единого целого, открытой системы, которая подвергается внешним воздействиям, и сама оказывает влияние на окружающую среду. Требуются научно обоснованное планирование охраны Ладожского озера и принятие мер по предупреждению

негативного воздействия на его экологическую систему, учет комплексности воздействия хозяйственной и иной деятельности на Ладожское озеро. В связи с приграничным положением Ладожского озера в целях реализации норм данного закона целесообразно заключение международных договоров между Российской Федерацией и другими государствами, а также международных соглашений, участниками которых с российской стороны могут быть субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Нормы данного федерального закона должны быть направлены на гармонизацию российского экологического законодательства с европейским [1, с. 61], обеспечение реализации конституционных прав человека и гражданина в области охраны окружающей среды и установленных Конституцией Российской Федерации обязанностей охранять природу, бережно относиться к ее богатствам.

Социально-экономические последствия принятия данного Федерального закона определяются тем, что в процессе его реализации станет возможным восстановление природного комплекса Ладожского озера как надежного источника ресурсов, призванных обеспечить экономическое и социальное развитие региона. Благодаря действию норм Федерального закона, можно рассчитывать, в частности, на восстановление рыб хозяйственного значения Ладожского озера как преимущественно лососево-сигового водоема, а также возобновление естественного и развития искусственного (заводского) воспроизводства численности стад лосося, форели, различных форм сигов на уровне приемной емкости озера.

Станет возможным создание необходимых экологических и сервисных условий для дальнейшего широкого распространения в бассейне Ладожского озера различных форм туризма и рекреации, формирования зон массового отдыха населения. С учетом неукоснительного соблюдения требований охраны окружающей среды, на основе применения наилучших существующих водоохраны технологий продолжится развитие промышленности, сельского и лесного хозяйства, транспорта, строительства. Возникнут предпосылки для формирования оптимальных условий жизни населения региона.

Юридические последствия принятия Федерального закона заключаются в повышении эффективности правового регулирования общественных отношений в области охраны и воспроизводства экологических систем крупных природных объектов, в устранении пробелов и противоречий, имеющих в действующем законодательстве, его соответствии законодательству, регулирующие правоотношения в смежных отраслях права, международным нормам и правилам. Принятие Федерального закона «Об охране Ладожского озера» положит начало подготовке и принятию новых нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере охраны других уникальных водных объектов в нашей стране.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в российском законодательстве современное состояние правового регулирования охраны отдельных уникальных водных объектов является не до конца изученным, так как нормы закона регулируют некоторые аспекты в рассматриваемой нами сферы правового регулирования. Использование и охрана вод Каспия и Байкала имеют специальное нормативно-правовое регулирование, соответственно данные уникальные водные объекты имеют большую степень защищенности, нежели чем Ладожское озеро, так как у него нет ни регионального, ни федерального регулирования, поэтому мы поддерживаем мнение о необходимости принятия Федерального закона «Об охране Ладожского озера».

Библиографический список

1. Кодолова А. В. Правовое регулирование рационального использования и охраны трансграничных вод в СНГ: международный и внутригосударственный аспекты // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4.
2. Правовая охрана озера Байкал: научно-практическое пособие / Отв. ред.: Шуплецова Ю. И. М.: Юстицинформ, 2011. 184 с.
3. Романова О. А. О совершенствовании правовой охраны водных объектов // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. 2018. № S.
4. Румянцев В. А., Алхименко А. П., Кудерский Л. А., Соболев И. А., Уханов И. С. Правовые проблемы охраны уникальных водных объектов (к вопросу о подготовке проекта Федерального закона «Об охране ладожского озера») // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 1.
5. Рыженков А. Я. О принципах охраны озера Байкал // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Парадигмы управления, экономики и права» – электронное периодическое издание выходит 2 раза в год, публикует статьи, рецензии, доклады, сообщения и другие труды, имеющие научную ценность. Материалы для издания принимаются на русском, английском, немецком и французском языках. Публикация осуществляется **бесплатно**, номер журнала направляется автору (авторам) на его электронный адрес.

Материалы в редакцию направляются электронной почтой **двумя** файлами.

В **первом файле** на русском и английском языках представляются данные об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень и ученое звание, должность, контактная информация (место работы/учебы, почтовый адрес, телефон, e-mail).

На русском языке – информация: 1) результат проверки на плагиат; 2) отсутствие в статье ссылок, на запрещенные сайты в Российской Федерации, и материалов экстремистского характера; 3) статья ранее не была опубликована и в другие издания направляться не будет.

Во **втором файле** размещается материал для публикации.

Требования к рукописям:

1. Объем – 0,5–1 п.л. (20–40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman, размер 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, формат документа Microsoft Word (с расширением doc, docx).

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК (на русском языке); заглавие, инициалы и фамилию автора, аннотацию (50–100 слов), ключевые слова (5–8) на русском и английском языках.

3. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного и вспомогательного текстов допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки внедрены в текст, журнал публикуется в цветном варианте.

4. **Библиографический список** располагается после текста статьи, оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники (полные интернет – адреса (URL)) приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [5, с. 12].

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. **Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат»**, доля оригинального текста должна составлять не менее 70 %.

Компьютерный перевод статьи, сведений об авторе не принимается!

Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования.

Адрес для пересылки статей и последующей переписки: journal_nauka@vlgr.ranepa.ru

Электронное периодическое издание

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

№ 2 (2) 2020

Дата выхода в свет:
30 декабря 2020 года

Периодичность выпуска 2 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена,